

DK
268
P26
A3
1998
v.2

Андрей ПАНИН

...сли о разном

«РАДУГА»

Димитрий ПАНИН
МЫСЛИ О РАЗНОМ

Димитрий ПАНИН

Мысли о разном

Том
II

Москва
ОАО Издательство «РАДУГА»
1998

ББК 87.3

П 16

Составление, послесловие, примечания, библиография
и именной указатель *И. Паниной*

Оформление *Т. Иващенко*

Панин Д.

П16 Мысли о разном. Т. II, М.: ОАО Издательство
«Радуга», 1998. — 224 с.

П $\frac{0301020000—051}{030(03)—98}$ без объявления

ISBN 5-05004624-6

© Составление, текст, примечания, послесловие, библиография и именной указатель — И. Панина, 1998
© От издателя и оформление ОАО Издательство «Радуга», 1998

IV

В пользу людей доброй воли еще один очень сильный довод: наличие большого их числа. В двадцатом веке — колоссальный разлив зла, которое вышло из берегов и все захлестнуло. В этом сравнительно цивилизованном веке, в веке техники и науки, но надо подчеркнуть, и в веке массового безбожия, нашли себе место и в Советском Союзе, и в странах-сателлитах, и в Китае, Индокитае, Камбодже как страшнейшие коммунистические диктатуры, от которых волосы становятся дыбом, так и гитлеровские застенки. И надо признать, что количество зла столь громадно, что не может быть поставлено под сомнение. Неоспоримый факт — двадцатый век дал огромное количество злого материала и злых поступков. С точки зрения первого закона развития при таком громадном извержении зла в мире для его существования как огромного единства должно быть в его пределах доброе начало в том же, а если не в том же, то, во всяком случае, в громадном количестве. Но только это доброе начало еще аморфно, неопределенно; оно не знает, что ему делать, оно запуталось, у него нет руководящей идеи. И вот результат. Для того чтобы злое начало вошло в свои берега, чтобы оно количественно было поставлено под контроль доброго начала, нужен этический контроль, осуществляемый добрыми силами. Эти добрые силы есть, их нужно разбудить и вооружить идеями. Тогда вопрос станет именно в той плоскости, которую я предлагаю: создание нового общества — Общества Независимых — с сильным этическим контро-

лем, который в каждой стране будут осуществлять лучшие люди. Как это сделать, вопрос другой. Это тема моей книги «Держава созидателей»¹.

У «молчаливого большинства»² нет новых идей. В лучшем случае известные уже сто — сто пятьдесят лет либерализм и плюрализм с их ошибками, провалами, прорехами, изъянами. Нельзя отстаивать то, что требует значительных изменений. Надо что-то новое создать и предложить, более совершенное. Всякое предложение новой концепции следует приветствовать; она нужна больше, чем что бы то ни было. Надо устраивать конкурсы, изучать предложения, поощрять людей; можно оставить даже из десяти предложений два-три наиболее конкурирующих. Мнения могут разделиться, но нужно, чтобы была борьба за новое, а не топтанье на одном месте.

Мы не можем переделать государей, министров, президентов: их выбрали. И если даже подобрались плохие люди, мы не можем вмешиваться в выборную систему. У этического контроля одно только право: он может давать рекомендации. Но когда нарушаются законы конституции, законы духа, как я их называю, общие для всей данной системы, представители этического контроля в правительстве могут наложить вето. Таким образом, в противовес законам всего мира глупое решение автоматически будет остановлено. Для этого не нужно, чтобы в этическом контроле какие-то особые умники сидели. Единственное к ним требование: это должны быть порядочные, благородные люди, которых не подкупишь. Любая религия может дать таких людей. У нас будут благородные люди, неподкупные, смелые, отважные, которые могут пожертвовать своей жизнью. Каждая война

---

¹ «Держава созидателей» была опубликована уже после смерти Д. Панина.

² Средние классы, на чье невыраженное оппозиционное мнение ссылаются mass media (средства массовой информации).

родит таких людей, которые жертвуют собой, совершают героические поступки. Здесь же особого героизма не требуется, надо быть просто порядочным человеком. Так что я считаю этический контроль вполне реальным.

* * *

Люди скатываются в сторону преступных идей. Преимущество марксизма в его бандитском смысле: всегда можно найти целую армию негодяев, бездельников, лентяев, которых можно натравить на других людей, сказав, что вся вина в них; грабь их, и ты будешь сыт, будешь пьянствовать, хорошо есть, будешь надсмотрщиком.

У нас этого преимущества нет; мы можем сделать ставку на честные, работающие слои населения, и думаю, что мы имеем все основания привлечь их к себе. Но для этого нужна активность, нужна жертвенная элита, которая может забыть о своих благах и интересах и жертвовать собой во имя спасения человечества. Если такие люди найдутся, то это реально. Если мир настолько уж плох, что не найдешь жертвенных людей, тогда, естественно, марксизм будет торжествовать. Но я не думаю, что это так, я не вижу фатальной слабости добра по отношению ко злу. Наоборот. Зло делать удобно и легко, добро — более трудно и тяжело. Но добро — начало творческое, а зло — разрушительное.

Слой благородных людей необходим, но дворянство, титулованное дворянство, совершенно себя к двадцатому веку не оправдало, и на него ни в коем случае ставку нельзя делать. Должен быть отбор благородных людей по благородству духа и по тому, как они его доказали на деле. Из таких отобранных людей можно будет действительно составить элиту людей благородного духа. Каждый человек должен сам заработать право на благородство духа. И никакого наследственного права не надо принимать в расчет.

Весь вопрос в том, чтобы элита взяла дело в свои руки и не упускала бы его, боролась бы за него. Тогда со сказочной быстротой можно будет покончить со всеми марксизмами и другими вывихами.

Думаю, что моя идея мира-маятника правильная. Весь этот распад, развал душ, декаданс — следствие того, что маятник латинских в основном цивилизаций подходит к концу. Если бы эти цивилизации развивались, как раньше, по отдельности, то уже ничем не спасти бы их. Ни Францию, ни Италию, ни Испанию, ни, пожалуй, Германию. Англия помоложе, но тоже, в общем, недалеко от них ушла. Счастье, что теперь мир — это маятник, в котором все страны перемешались. Мировые войны, череда страшных событий, возникновение сверхдержав, их влияние — все это привело к тому, что мир-маятник теперь единый. Каждая цивилизация, каждый народ не имеют своего маятника. Да, существует самобытный народ, но вместе с тем теперь все народы как единый маятник движутся к крайней точке. И сейчас мы к ней приближаемся. Об этом говорят признаки развала, распада душ, потери веры. И те, кто ходит в церковь, не всегда верующие. Я знаю, что такое настоящие верующие. Помню по двадцатым, да и по тридцатым годам, по катакомбной Церкви. Вера — другое. Свою веру знаю. В лагерях знаю, как люди верили. А это что ж! Пришел господин в храм, посидел на стульчике (кстати сказать, в католических церквях сидят), несколько раз приподнялся, перекрестился раза три-четыре за обедню, потом скушал облаточку, и ладно. Исповедоваться не надо. Упростили католики все до предела. Марксизм в таком распространении, а ему не могут ничего противопоставить. Это признак распада. Этому нельзя дать никаких логических объяснений, вроде того, что в детстве марксизму научили. Мало ли какой дури меня в детстве научили: уличным мальчишкой был, даже воровал одно время. С меня все это стряхнулось. Научили — отучился. Эка важность от марксизма отучиться, имей только желание.

Цивилизация гибнет. Но огромный мир-маятник состоит из народов разных возрастов. Русским — тысяча лет, французам, итальянцам — две почти тысячи лет, на тыщу лет нас старше, англичанам, которые из разных народов слепились, допустим, полторы тысячи лет, норвежцам тоже можно считать тысяча лет, полякам — ты-

сяча лет, венграм — полторы тысячи, американцам — триста лет. Это все-таки молодые нации с разным духовным здоровьем, далекие еще от своей крайней критической точки и могущие влиять, воздействовать в положительную сторону на мир-маятник. Мир-маятник может не остановиться. Молодые цивилизации могут дать достаточное количество людей доброй воли для того, чтобы мир-маятник не остановился. Вот в чем моя идея. Настаиваю, что она правильная. Но для этого нужны условия, нужны Церкви, которые должны этих людей мобилизовать. Церкви — слабые, в состоянии распада. Они находятся главным образом в старых цивилизациях. В новых цивилизациях настоящих церквей почти нет. Была наша православная Церковь — ее растерзали, разгромили, теперь она мало что из себя представляет. Вот какая страшная вещь.

В мире-маятнике с одной стороны — древние цивилизации, как китайцы, вьетнамцы, с другой стороны — русские, поляки. Страдание может омолодить, оживить старые расы, старые цивилизации. Во всяком случае, омоложение тех народов, которые много страдали, вытерпели, послужит толчком, даст понять, что надо приносить себя в жертву, направит на путь создания людей доброй воли, рыцарей духа.

Итак, думаю, что мир-маятник не остановится в силу того, что:

— во-первых, сейчас он представляет единую семью всех народов. А раз так, то есть много молодых сравнительно наций, свежих сил, еще не сгнивших, час которых еще не пришел, еще достаточно далеких от старческой немощи;

— во-вторых, треть человечества находится в состоянии черных страданий. Поэтому страдание должно оживить, должно вдохнуть духовные силы.

Для нас безразлично, заполнят ряды людей доброй воли китайцы или вьетнамцы, способные пойти на жертву. Нам как раз нужно из всех цивилизаций набрать людей доброй воли и организовать этический контроль. Иначе ничего не выйдет. Без этического контроля — все пропало.

На рынке, к примеру, часто обсчитывают. На себе испытал. Нехороший это признак. Разве рыночный торговец в бедственном положении? У Франции за двадцать пять лет в три раза состояние увеличилось. А был бы этический контроль, можно было бы с этим покончить очень просто. Приходит контролер, проверяет одного, другого торгаша. Штраф накладывает хороший, второй раз еще крепче, а третий раз такой, что он разорится. Не хочешь быть честным, будешь бедным. Когда человек пройдет через бедность, тогда, может быть, осознает, что лучше быть честным, и перестанет воровать. Без этического контроля невозможно наладить жизнь. Без участия благородного начала души все скатится в энтропийную бездну. Каждый день — как бы цепная реакция: один ворует, другой обманывает, третий тянет, четвертый продает — один хуже другого. И в результате не на что и не на кого опереться — негодяйство сплошное, интриги, люди изолгались. В сегодняшней Франции люди принимают на себя обязательства, если это связано с бизнесом, с карманом или же когда кого-то на обед надо пригласить. Но если кто-то скажет: «Я вам позвоню, обязательно позвоню, книжку пришлю», можете не брать себе в голову — ничего этого не будет. Выполняют обещания в порядке исключения, лгут — в порядке правила. Не знаю, может, получше в Германии: немцы — народ более точный, упорядоченный. Латинские страны вообще вороватые, жуликоватые, но сейчас это все пределы перешло. Ведь это не времена Жиль Блаза³: штаны худые, на заднице заплата — все его состояние. Нет, теперь у всех добра, барахла навалом. На «сольдах»⁴ можно очень дешево одеться, в два-три раза дешевле все купить. Еда не скажу что дешевая, потому что барыги страшно взвинчивают цены. Когда премьер-министр Бар старался унять рост цен, как они с ним боролись! Первые бандиты — мелкие лавочники, но они обвиняют

---

³ Жиль Блаз — герой одноименного романа Лесажа, восходящего к плутовскому роману.

⁴ Solde (франц.) — снижение цены товара для его скорейшей распродажи.

крупных лавочников. Вот и нужен этический контроль. Можно и крупного лавочника нагреть. «Ты за сколько купил у крестьянина, за два франка? А продаешь за десять?» Вот и летит твое заведение. Ты имеешь право нажать, скажем, десять процентов. И для мелких торгашей тоже в пределах десяти процентов. Что для этого нужно? Этический контроль из лучших людей, которых не перекупишь и не испугаешь.

В каждой области жизни можно доказать, что этический контроль совершенно необходим. Сейчас слишком жизнь усложнилась, нельзя ничего пускать на самотек, потому что мораль низкая, церкви в состоянии распада. Раньше этическим контролем была могучая католическая Церковь, да еще католикос⁵ в Грузии был ее совестью и религиозным сознанием. Сейчас даже у верующего вера какая-то вшивая, паршивая, холодненькая. Церковь, собственно говоря, ничему не учит. Разве это Церковь? Так в школе ученикам говорили, что нехорошо брать чужое, но даже этого не говорят теперь почти никогда. Одним словом, через Церковь уже поздно действовать, через сознание отдельного человека тоже поздно. Только этическим контролем можно еще выровнять положение. Мобилизовать лучших людей — реально. Они есть, их миллионы. Покажи им, расскажи им, убеди их, опиши им Общество Независимых, в котором можно действительно добиться многого. Покажи, что, пока эти проклятые коммунистические режимы существуют, ничего ты не сделаешь...

Общество Независимых зацепит население, потому что возможность дать людям огромное богатство привлекает. Но главное, как потом с этим огромным богатством начать новую осцилляцию маятника⁶.

---

⁵ Титул иерарха у несториан, армян, а также православных грузин.

⁶ «Роль Церквей и этического контроля огромна. Радикальная мера — состояние генеральной тревоги и смена осцилляции [...], могущая совпасть с социальным потрясением или экономическим кризисом или произведенная искусственным нарушением равновесия между секторами [Общества Независимых. — *И. П.*]» (Д. П а н и н. Держава созидателей).

Вчера беседовал с французским инженером Бернаром Аманом. Человек он дельный, знаком с моим предложением. Францию он хорошо знает, работал даже в CGT⁷. Во Франции эта конфедерация представляет собой коммунистические профсоюзы. Мнение Бернара было мне очень интересно. «В общем все хорошо, — сказал он, — но утопично, нереально извлечение людей доброй воли и их мобилизация, их добровольное принесение себя в жертву. Все люди заняты своим делом, своей семьей, у каждого свои интересы. Главное: они хотят, чтобы их никто не тревожил, чтобы они продолжали жить с комфортом, в довольстве, иметь машину, если надо — вторую, дом, участок земли. С этого их не собьете».

Я ответил ему, что люди доброй воли уже действуют, но многие из них *engagés*⁸, попали в леваки, что это лучшие люди как коммунистической, так и социалистической партии и всякие активисты республиканской партии и партии центра. Люди заняли определенную позицию, выбрали свой путь. Они с детства сформировались, на их воспитание затрачены были силы, они уже находятся в русле каких-то идей. Сотни тысяч людей доброй воли, которые сейчас находятся в этих партиях, могут прийти к нам. Это наш резервуар. Сейчас сознание этих людей доброй воли искажено ложными предпосылками, ложными учениями, ложными целями. Если мы развернем Общество Независимых, нашу философию, наши взгляды, этические принципы людей доброй воли⁹, то результат, конечно, будет другой; мы сможем привлечь огромное количество людей доброй воли. Самое главное, что люди доброй воли имеются, и в большом количестве, но сейчас они разбросаны по разным местам, действуют как попало, кто как умеет; большинство действует не по линии доброй воли, а наоборот,

---

⁷ CGT (франц.) — ВКТ (Всеобщая конфедерация труда).

⁸ Завербованы (франц.).

⁹ Этические принципы людей доброй воли были сначала опубликованы в «Осциллирующем мире», вышедшем в 1974 году на французском языке.

исполняет злую волю. И происходит это оттого, что они не получили нужного воспитания, нужного направления. Если они его получают, то, надо надеяться, порвут с марксистскими партиями, выйдут из них и примкнут к другим направлениям. Все-таки это Запад, свобода.

Ассоциация «Друзья Димитрия Панина»¹⁰ была создана уже после моих лекций в разных городах Франции; журнал этой ассоциации, «Le Choix»¹¹, стал выходить позже. Для того чтобы людей доброй воли найти, перевооружить, привлечь, нужны идеи, заманчивые идеи, верные представления. Они существуют. Это, конечно, главная предпосылка. Есть философия, предлагается общество будущего, которое может быть гораздо более привлекательным, чем социализм и коммунизм. Это общество может рассматриваться как серьезное достижение. Таким образом, есть настоящая цель. В обществе будут работать, засучив рукава, инженеры, бизнесмены, которые и создадут само общество. Согласен, что это общество — дело будущего. Но на первых порах его можно рассматривать как общество, имеющее наподобие социализма или коммунизма какой-то лозунг. Но лозунг реальный, подкрепленный цифрами, фактами и прочим. Об Обществе Независимых можно говорить как о программном предложении, но предложении честном, которое может быть осуществлено. Это имеет тоже колоссальное значение. Общество Независимых будет насосом, выкачивающим людей доброй воли из других мест. Оно будет переделывать их мышление и привлекать к себе. Для насоса нужны идеи. Они есть. Потом, когда насос начнет выкачивать людей доброй воли, надо будет делать ставку на их благородство, отзывчивость и другие подобные качества. Люди поймут, что это их обязанность, их долг поддержать Общество Независимых...

Нельзя забывать, что мало того, что люди раскинуты по разным группам, партиям, сектам, ряд недовольных

---

¹⁰ ADP — Association des amis de Dimitri Panine.

¹¹ Выбор (франц.). Журнал выходил в Париже с 1976 по 1982 год на французском языке; с 1979 года — с приложением на русском языке.

людей (хиппи, наркоманы) не знает, куда деться. Среди них большое количество настоящих людей доброй воли, но они задыхаются. Им неинтересны вся эта гадость, подлость, грязь, их окружающие, но не знают они, как найти выход, мечутся, вот и идут в хиппи. На них тоже надо обращать внимание. Это наши отряды пропадают.

Не надо также упускать из внимания, что руководители маленьких обществ, особенно так называемых правых, по которым разбросаны люди, рассматривают свое дело как кормушку. Поэтому они ревностно следят за тем, чтобы ни один человек от них не откололся, ни один франк от них не ушел. И ты для них являешься каким-то врагом, вызываешь к себе ревность. Чуть что им не нравится в идейном отношении, они начинают тебя клеветать, хотя сами — совершенно пустые люди. С этим надо считаться: обладатели кормушек будут гнать, профессора возражать, а то и чернить, ругать. Это — борьба, ничего не поделаешь. Это — испытание. Не страшно, это все можно побороть.

То, что все люди заняты и хотят только заниматься своим уютом, не хотят тревожиться, — верно, но это говорит не о слабости наших идей, а о слабости Франции. Наши идеи просто незнакомы. И то, что мы не имеем нужного числа членов нашей ассоциации, говорит не о нашей слабости, а о том, что у нас нет возможности охватить все. Люди заняты своим уютом, своим спокойствием до поры до времени. Сейчас положение у Франции такое, что она может себе позволить подобное поведение, хотя уже это рискованно. Но вообразим, что после Миттерана приходит к власти Марше¹² и начинает еще дополнительные пертурбации производить. Денег нет, банки лопаются, зарплата начинает падать. Надо спасать и себя, и свой уют, и своих детей. Своя рубашка ближе к телу. В обстановке измененной Франции станет возможным быстро собрать большой урожай. Мы получим много добровольцев. Когда на страну нападает другая

---

¹² Франсуа Миттеран — социалист, президент Франции в течение 14 лет, до мая 1995 года. Жорж Марше в это время был генеральным секретарем Французской коммунистической партии.

страна и начинается война, появляется обычно большое количество добровольцев. В войну, которую мы ведем за сохранение нашей цивилизации, тоже придут добровольцы и укрепят наши ряды.

* * *

На всех лекциях, все пять лет я все время говорю: «Сделайте у себя институт экспертов. Создайте центральное солидное международное учреждение, в котором вы будете разговаривать с людьми стоящими и из Советского Союза, и из Польши, и из Китая, и, может, еще откуда-нибудь, и с вашими людьми, которые смогут что-то предложить. Соберите туда хорошие головы, чтобы они могли оценить, какие из предложений — ерунда и лишь повторяют уже сказанное, в каких что-то интересное есть, и решить — дать ли человеку возможность работать над предлагаемым им вопросом».

На Западе — полный упадок морали, скорей даже веры. Царит безответственность. Человек ничего не хочет делать. У него догмат добрых дел умер, догмат помощи ближнему (лучше сказать «правило», хотя в догмат добрых дел входит, конечно, помощь ближнему) умер, нет его. Со сколькими умными людьми я говорил и в Лионе, и в Париже! Вроде кивают головой: «Да, да. Верно, правильно. Надо сделать так». И вот ушел я, уехал — забыто все начисто. А, может быть, тот, с кем я говорил, мог бы что-то сделать в пределах своего города. Нет у людей ответственности в отношении своей морали, своей души. Пообедал, потрепался, произвел хорошее впечатление на присутствующих, показал себя — и все, в этом вся жизнь. А вот пойти туда, где надо проявить свою волю, доказать что-то — нет. Ведь добрые дела всегда другому приносят добро, а тебе — в лучшем случае какой-то щелчок, а иной раз даже и несчастье. Добрые дела вместе с тем опасные дела. А если дело неопасное, так надо очень хорошо разобраться в нем — доброе ли оно. Может, оно доброе только для тебя самого, может, это ты свой бизнес называешь добрым делом. Так что добрые дела не в почете, их боятся.

Вокруг нашей ассоциации — хорошие люди. Одна прелестная французенка нам помогает. Ее супруг — видный инженер, вроде бы наших взглядов; понимает, что иначе все потеряет. Однако он уже решил, что левые победят и наш журнал не нужен. Вот и ворчит на свою жену, зачем она ходит к нам. Подписаться на журнал боится, потому что думает, что, когда придут левые, это может быть расценено плохо. Но это же насилие над самим собой! Только в кино показывать: вот как при распаде мира будут себя люди вести.

Стоит отметить еще, что институт экспертов представляет собой право без Думы, этический контроль идей. Институт экспертов в том виде, как я его предлагаю, это, собственно, что-то первичное, простейшее. Он необходим, потому что надо, в конце концов, чтобы у Запада имелась голова на плечах, а не какой-то мусорный ящик, куда всякие этикетки выбрасывают. Но в Обществе Независимых институт экспертов превращается в Думу, то есть в коллегия, где специалисты по разным областям рассматривают: одни — атеизм, другие — социальные вопросы, третьи — религию и так далее, обдумывают все значительные, а иногда и второстепенные произведения, выносят свое суждение по их поводу, выпускают свои толкования, дают свой ответ, свою критику. Все это совершенно не обязательно принимать автору той или иной вещи, но это производит на него определенное моральное и интеллектуальное действие. Если тебе докажут, что ты написал идиотскую вещь, то вряд ли ты будешь продолжать работать в этой области. Скорей всего, ты сам сменишь свои занятия, поймешь, что это не твоя область, и, может, пойдешь мылом торговать. Так можно очистить мир без всякого принуждения, без тюрем, просто показом того, что ты взялся не за свое дело. И наоборот, человеку, который подает большие надежды, оказывают помощь. Справедливая глубокая критика подскажет ему, как себя вести, и, может, он еще удвоит свои усилия.

Во всех отношениях Дума — реальная нужная вещь, без которой мир не может существовать. Совершенно напрасно гнездится в человеке понимание свободы как «делай что хочешь, говори что хочешь, что моей левой пятке хочется». Совсем нет. Путь к свободе через полусвободу. Мы должны стремиться к высокой свободе, а не к низкой¹³. К низкой свободе стремиться нечего: иди в какие-нибудь джунгли и там будешь совершенно свободен. Только что-то желающих идти туда нет, а обязательно надо здесь, среди себе подобных все ломать.

Как надо быть внимательным к словам Миттерана или Марше, и как невнимателен к ним Запад. И сколько он при этом упускает. Нет института экспертов, нет настоящих специалистов.

Вот пример. Когда в Швеции социал-демократы, которые были сорок лет у власти, вдруг ее теряют, Миттеран говорит, что это случилось потому, что не задавили налогами мелкую буржуазию и мелкое крестьянство. Спасибо за откровение! Надо каждый раз Миттерана вспоминать. Вот что вы хотите сделать, господа социалисты, вот ваши искренние желания. Вы хотите уничтожить даже крестьян, вы хотите уничтожить мелких собственников, то есть прибрать всех к рукам. Так и скажите. Ваша вотчина, ваша власть — это власть над свободными людьми. Для этого вы и хотите лишить их средств к существованию. Это надо не упускать из виду, под каждым плакатом об этом писать.

Насчет вранья Марше о демократическом централизме¹⁴. Почему статьи Альтшулера и Элленштейна¹⁵ печат-

---

¹³ «Свобода может быть высокой и низкой, поскольку ее проявление зависит от желания человека и сделанного им выбора. Путь к высокой свободе проходит через длительное проявление полусвободы и требует от человека преодоления большого сопротивления и самоусовершенствования» (Д. П а н и н. Теория густог, глава 31).

¹⁴ Марше сделал официальное заявление, что его партия отказывается от демократического централизма.

¹⁵ Видные деятели Французской коммунистической партии, выпившие в то время против ряда ее положений.

тались в «Монд», а не в «Юманите»? Этот факт убивает все, что Марше говорит о централизме и о том, что споры очень желательны, нужны. А упомянутые авторы не сопоставили заявление Марше об отказе его партии от демократического централизма с невозможностью напечатания их статей в коммунистическом органе. Отсюда опять важность наличия института экспертов и, во всяком случае, каких-то серьезных людей в серьезных журналах, способных принять дельную статью, отличив ее от мусора.

* * *

Лекция в городе Фужер была задумана еще летом. Наш знакомый аптекарь из Сен-Мало, Клод Метель, связан был каким-то образом с этим городком в Бретани и говорил о нем как о коммунистическом гнезде, куда даже ездит Марше. Про себя я подумал: «Хватит тебе, Панин, всюду соваться в самые горячие места. Почему бы всяким господам диссидентам не съездить разок: провести лекцию без охраны, без защиты да в темный вечер, в двенадцать часов ночи, уйти после нее одному. Лишнее делаю, что соглашаюсь». Я прочел больше двухсот публичных лекций, сопровождавшихся дебатами, во всяких переделках бывал, всего повидал и, может быть, уже выполнил свой долг. Но поскольку этот человек был к нам как-то расположен, я все-таки согласился.

Потом, когда мы поехали в этот городок, в полутора часах езды на машине от Сен-Мало какие-то уточнения пришли. Оказалось, что это не такой уж коммунистический район. Положение там было интересное: район католический, но марксизованный, то есть под очень сильным марксистским влиянием. На больших обувных фабриках были, думаю, плохие хозяева. Патрон плохо работает — рабочие плохо работают. Началось разгильдяйство, качество перестало быть хорошим, покупать изделия перестали. Уровень заработков во Франции ведь очень высокий. По сравнению с Италией или Испанией в два раза дороже надо платить рабо-

чим. А переучиваться ли, строить ли новые фабрики — решают коммунистические профсоюзы, для которых важно, чтобы были разлука и недовольство. Поэтому они искусственно создали на этих фабриках очаг недовольства. И хотя из этого второго сообщения я понял, что коммунизм там не пустил глубоких корней, у марксистского католицизма было большое число приверженцев.

Пришлось прочесть три лекции: две — выпускникам религиозной школы и одну публичную вечером. Все бесплатно. Кстати, больше половины лекций я прочел бесплатно. Много раз я себе говорил: «Хватит, хватит, уже столько раз ты так делал. До конца дней своих можно больше ничего бесплатно не делать». Но всегда жизнь поворачивается так, что мне или неудобно, или невозможно, и поэтому я больше не зарекаюсь. Нужно будет — буду еще читать лекции бесплатно. Но вообще буду ставить побольше препятствий, потому что так тоже невозможно.

На все вопросы, конечно, я дал нужные ответы и ушел оттуда с чувством выполненного долга. На прощание священники даже сказали: «Мы думаем, теперь в нашем районе с марксизмом в церкви будет покончено. Во всяком случае, попы, которые еще до вчерашнего дня выступали открыто с проповедью марксизма, больше в церквях этого себе не позволяют». Если это так, то я очень рад.

Я очень внимательно следил во время лекции за учениками — подростками лет семнадцати-восемнадцати, даже двадцати. Это не дети, они уже соображают и знают, что надо быть осторожными в вопросах, которые задают (как всегда, я настаивал все-таки на письменной форме, так легче для меня было понимать), и замечаниях по ходу дела. Когда они уже расходились, разгорелся спор. Одна девушка с очень красивыми глазами подошла ко мне и спросила: «Скажите, если в 78 году придут к власти коммунисты, вы уедете из Франции?» Я ей говорю: «Знаете, если меня заберут в первую же ночь, когда придут коммунисты, то тогда придется умереть, как достойно христианину. Если французы объединятся и начнут драться против этих завоевателей, возводить баррикады, я буду с ними и среди них. Но если я обнаружу их полную трусость, полную растерянность и полное предательство,

извините, мне с ними не по пути. Я поеду туда, где буду полезен, где смогу сделать что-то для отпора коммунизму».

Характерно, что из всего этого городка, где довольно много церквей и священников (не забывайте, что это католическая местность), нашелся только один священник — маленький человечек, молчаливый, двух слов не сказавший за весь вечер, — который в этих условиях проявил мужество, оказался способным пригласить к себе Паниных. В общем, впечатление, что народ запуган, как запуганы были ученики в городе Фужере.

Уже по приезде из Бретани у Иссы лекарство вышло, и я пошел за ним к Марку Бише¹⁶, с которым был в хороших отношениях. В течение целой недели чуть не каждый день я ходил за этим лекарством, а его все еще нет почему-то. Наконец в субботу застал молодую женщину, которая помогает в аптеке. С возмущением я ей сказал: «Целую неделю вы не можете исполнить заказ. В чем дело?» Тут она из себя выдавила: «Центр, который распределяет лекарства, объявил забастовку». Самим аптекарям, людям, с которыми я в хороших отношениях, было стыдно это сказать мне. Свое возмущение я не мог сдерживать. «Ну хорошо, в моем случае человек страдает головной болью неделю, но от этого не умер, слава Богу. Но есть же люди, которым нужны лекарства при диабете, сердечных заболеваниях. Как же так можно? Это же негодяи». (Ну, слово «негодяи» я не сказал, по-французски что-то более мягкое получилось.) Вот до чего довела Францию марксистская безбожная система.

Многие говорят мне: «Вы должны дать *témoignage*¹⁷ — свидетельствовать о вашей жизни, о Советском Союзе. Это самое главное». Подтекст враждеб-

¹⁶ Аптекарь из города Шавиль, подписчик на журнал «Шуа».

¹⁷ Свидетельство (франц.).

ный: «Вы нас ничему научить не можете, мы сами умные, а вот вы только расскажите как бывалый человек о том, что из себя представляет эта система».

Такой взгляд на вещи можно понять. Во-первых, все-таки обидно французам, что из варварской страны приезжают и начинают их учить уму-разуму, да еще в резких выражениях, как я это чаще всего делаю. Во-вторых, результат каждой лекции — это очищение атмосферы, полный разгром представлений, с которыми люди пришли, которые проявились в их вопросах. У людей остается в памяти и в чувствах, что они получили немедленные, точные, ясные, категорические, всегда совершенно однозначные ответы безо всяких «меканий-беканий», без «нельзя сознаться, нельзя не признаться». Это, конечно, производит глубокое впечатление. И действительно после такой лекции какой-то слой избавляется в значительной мере от пропагандистской заразы.

Но только люди не понимают причину этого эффекта. Они думают, что это происходит оттого, что я им так складно рассказываю что-то из своих воспоминаний. А дело не в этом. Можно найти красноречивых людей, которые в десять раз лучше расскажут. Люди не замечают того, что *témoignage* только фон, возможность для меня извлечь какие-то ценные выводы, сделать обобщения. Я все основываю на моих взглядах. Все построено на очень твердом фундаменте, и этот фундамент дает возможность выжженную полосу за собой оставлять. Вот этого они не понимают. Но поймут потом. Если не поймут на моем примере, поймут на примере тех, кто будет вслед за мной продолжать эту работу.

Мой вклад представляет собой стройную, последовательную, логичную систему: философия, политэкономия, Общество Независимых, этические принципы людей доброй воли, критика марксизма, атеизма, гуманизма и всех других «измов», защита религии, христианства. Найдутся силы, которые ее разглядят, когда потребность будет.

Рыночные отношения целиком перекочевали в мир идей, в мир умственных построений, взглядов, утверждений... Чтобы мыло продавалось, обязательно этикетка нужна, обертка и тому подобное. Точно так и здесь. Как для мыла. Будь ты семи пядей во лбу, но если ты не сидел в сумасшедшем доме и о тебе Международная Амнистия не беспокоилась, то никто твои работы не будет ни читать, ни смотреть; можешь подохнуть с голоду. Сгинешь ты, и сгинут твои работы. В этом обществе могут выдерживать люди железной воли, с огромным терпением и которым Бог помогает. Без этого здесь хуже, чем в джунглях.

Западу надо кричать SOS — до такого состояния довел он свою систему. Наталкиваешься на стену. Тебя не хотят слушать, в крайнем случае улыбаются. Никто не спорит и не соглашается, а просто пожимают плечами: ну что с него взять. Это же катастрофа. Значит, здесь можно проникать куда-нибудь с помощью всяких подачек, уступок, как в Советском Союзе. Кроме того, здесь еще нужно идеологию соответствующую исповедовать, хорошо поклониться дьяволу, принять причастие буйвола¹⁸. Если ты пойдешь по левым кругам, будешь им подслуживать, поддакивать, тогда, может быть, тебя еще выслушают. А так — скандал. Не пробовал еще в Академию наук обращаться. Надо будет сходить туда, когда буду с моими работами закружаться, и сказать: «Так и так, у меня есть открытия». Но уверен, что опять мне скажут, что все в моих работах устарело или слишком ново и несвоевременно. Ведь Французская Академия сто лет не признавала гипноз. Тогда это были еще цветики, а сейчас они дали обильные плоды: видимо, нужны только вещи, которые дают непосредственно деньги для бизнеса. Какие-то предприимчивые люди здесь соображают, на каких вещах можно деньги заработать, и тогда это облегчает их реализацию. Но если ты никаких денег

---

¹⁸ Генрих Бёлль в романе «Бильярд в половине десятого» противопоставляет причастие буйвола как злой силы нацизма причастию агнца.

не сулишь, а, наоборот, еще бредишь привычные представления ученых, что может отразиться на их положении, отколоть от них учеников, — скандал, тебя съедят. И все шито-крыто. Вот в чем ужас этого положения. Вот и оказался я без какого бы то ни было признания и без копейки денег.

Могут сказать, что таково человеческое свойство. Но шло дело к другому. Даже в средние века наука была более благородной. И неужели в старой России русский академик позволил бы себе, не прочтя работу, сказать, что это ерунда?

Если речь шла бы у меня об одних магнитных полях, можно было бы сказать, что попались такие ученые, к которым я обращался, которые не разобрались. Но вот четыре года выпускается наш «Шуа» с разносторонними статьями о политике, политэкономии, религии, марксизме, атеизме. Нет к нашему журналу интереса. Какая-то апатия, спячка, лень обуяли людей. Какие-то холодные люди. Они могут собраться во время обеда, поговорить, пошутить, и все на этом кончается. Еще они следят за модой, чтобы невзначай не попасть в реакционеры.

Какого-нибудь бедного человека с его предложением затрут в этом обществе, если он не принесет денег непосредственно и на него кто-нибудь не клюнет. А если он в моем положении, если его хотят какие-то силы за его взгляды уничтожить, то они его уничтожат. Эта технология уже сотни лет как отработана. Работы для тебя нет, тебя душат костлявой рукой, низводят в ряды нищих. Если надо человека уничтожить, его уничтожат без пули. А если надо, то и пулей. В Марселе убить человека стоит пять тысяч франков. Это цена человеческой жизни.

Бог со мной, мне уж помирать пора естественной смертью. Но это могила западных людей, их смерть. Так жить нельзя. Так относиться к себе и к судьбе своих детей невозможно.

Рондон¹⁹, 1978 год. Несколько слов по поводу письма Орехова²⁰. Конечно, он не против моего плана революции в умах, но находит, что он нереален. Это наиболее простой, можно даже сказать, примитивный способ критики. С одной стороны, не нужно объяснять причины своего письма, не нужно вскрывать слабые места, недостатки, ибо достаточно с важным видом сказать: «Это нереально, утопично, иллюзорно». Данная позиция освобождает от необходимости защищать свою точку зрения. С другой стороны, люди, которые слышат такую оценку, говорят: «Бог ты мой, как он здорово все понял, смотри — одним махом сто побивахом». Но разве это критика?

Я с большим старанием собирал все критические замечания, которые делались по поводу моего плана. Я старался их рассмотреть, на них ответить, оценить их правильность, глубину. Я не отмахивался от них. Без недостатков невозможно создать план, особенно когда речь идет о таком огромном вопросе, как уничтожение целого режима, которого свет еще не знал. Но как это обычно и бывает, специалисты не торопятся выносить своего мнения, а его спешат вынести как раз люди далекие от всего этого и по каким-то причинам, иногда даже довольно низким, старающиеся план закопать. Кое-что мне удалось все-таки извлечь из критики; нельзя сказать, что всегда были пустые замечания.

Надо еще подумать о другой стороне, о тех, против кого все это направлено. Как они воспринимают эту вещь? Надо уметь читать язык вещей. Язык слов — дело простое. Язык вещей не всегда легко расшифровать, но в данном случае как раз несложно это сделать.

Поясню, что я называю языком вещей. Наряду с нашей шарашкой²¹, которая занималась секретной телефо-

---

¹⁹ Дом творчества в замке Рондон под Орлеаном, где летом 1978 года жил Д. Панин.

²⁰ В. В. Орехов — офицер Белой армии, многолетний издатель журнала «Часовой» в Брюсселе.

²¹ Эта шарашка была описана Солженицыным в его романе «В круге первом», где он вывел Дмитрия Панина под именем Дмитрия Сологодина. Шарашками заключенные называли тюрьмы для специалистов, созданные Сталиным для разработки особо важных проектов.

нией, были шарашки по вопросам глушения радиопередач. Эта работа уже при Сталине началась и, вероятно, потом продолжалась с большим размахом, потому что для режима самая страшная вещь — разоблачение его художеств. Он смертельно боится поэтому проникновения иностранных радиопередач на русском языке в толщу населения. Радиотехнику режим использует для широкой пропаганды. Совершенно очевидно, что если он использует ее в своих целях, то люди, которые должны бороться против этой заразы в западном мире, используют радио тоже для разоблачения преступлений режима. Это элементарно и не могло спрятаться ни от Сталина, ни от других людей, которые сидят в специальных институтах и получают высокие зарплаты и денежные награды за то, что следят за происходящим в мире. Поэтому работа по глушению радиопередач велась заблаговременно.

Как только был услышан первый намек на то, что радио или телепередачи могут идти без глушения через спутники, Советский Союз внес через ООН, когда никто еще не думал об этом, предложение запретить использовать спутники в целях радиопередачи. О чем это говорит? О том, что в специальных институтах забили тревогу, понимая, что если через спутники начнутся радиопередачи, то все их многолетние разработки глушения взлетят на воздух и надо будет что-то новое делать. Поэтому Советский Союз опережает самую возможность такой радиопередачи.

Еще пример языка вещей, которому как-то мало придали значение. Недавно мы были свидетелями обнаружения в Канаде советского спутника с каким-то урановым двигателем, про который специалисты говорят, что он создан, чтобы охотиться за спутниками. Это уже говорит о том, что Советский Союз опередил своих воображаемых противников, что он уже всячески себя защищает. Если начнется борьба и осуществится передача через спутники, то Советский Союз начнет охоту за ними. Речь будет идти о соотношении сил, о том, сколько у Советского Союза спутников-охотников и сколько у Америки спутников для радиопередач. Может, в течение недели режим сможет уничтожить все спутники.

Я все время подчеркиваю, что мой план — это не плод теории, чистого умозрения. Это план, который в воздухе; он взят из жизни, из обстановки, в которой находятся сейчас страна, люди и их желания. КГБ давно оценил силу этого плана, даже когда он еще не был создан, так как режим считал, что если в стране начнут бомбить радио хорошими передачами, то его положение будет тяжелым. И режим делает все, чтобы защитить себя от этих передач.

Мой план в семидесятом, скорей даже в семьдесят первом году, гулял недолго в самиздате, правда в очень ограниченных кругах. Я не думаю, что он тогда проник в КГБ. Вполне возможно, впрочем, что и проник. Но в семьдесят третьем он был издан на Западе отдельной брошюрой, затем вошел в семьдесят четвертом в «Осциллирующий мир», изданный по-французски, позже в «Мир-маятник»; он появился все-таки в «Часовом», в «Новом русском слове». И вот я думаю, что, когда он был опубликован полностью, как это было в «Часовом» и в «Мире-маятнике», торжество, банкет устроили на одной из шарашек, в одном из специальных институтов. «Вот, — говорили специалисты, — смотрите, давайте нам ордена. Смотрите, как мы все предусмотрели. Вот и план. Мы всегда говорили, что к этому смогут прийти. Вот какая опасность нас ждет. Вот почему за нашу дальновидность вы нас должны наградить». Верно. Они действительно предусматривают. Они понимают, что такой план — реальная вещь. Это не западные его оценки. Дело не в нереальности плана, а в слабости глав правительств. Так и надо говорить.

Если план плох, то находят его пороки. Когда в плане пороки не находятся, то надо их искать в другом месте. Вот это будет реальное мышление, это будет вещное мышление.

Всякий план, особенно когда он связан с передовой техникой, действует в какой-то промежуток времени. Я думаю, что мой план был реальным начиная с семидесятого года и будет еще реальным по восьмидесятый — восемьдесят второй год. Пока его еще можно осуществить.

Мои предложения выношены, представляют собой плод труда человека, который всегда прилагает свои решения к разным жизненным ситуациям. Не надо пугаться инженерного метода, инженерного подхода. Метод сильный и может быть применен не обязательно инженером, но историком или литературоведом.

Чем отличается инженерный метод от утопии? Инженерный метод рассчитывает, спокойно экспериментирует, а затем предлагает решение в более широких масштабах, и, смотришь, оно в жизнь вошло без скрипа, без убийств, без безобразий, без насилия. Утопия написана гладко, хорошо, замечательно — для пустоголовых, конечно. Как начинается ее реализация, нужна ЧК. Утопию внедрять должны чекисты. Настоящее деловое решение внедряют инженеры и деловые люди. Вот в чем разница.

В эмиграцию очень мало инженеров уехало, и слабо в ней в отношении планов, деловых программ. Уехавшие в основном были gens de lettres²². Ленин тоже выпустил не инженеров, а писателей и философов. У многих из тех, кого он выслал, было марксистское прошлое, и они нанесли огромный вред своими социалистическими «вестниками»²³. Кроме того, весь генеральный штаб почти полностью остался в Советском Союзе и помог красному режиму одержать победу над белыми. Об этом белые офицеры писали: мы всегда чувствовали опытную руку знатоков. Победил белых никакой не Чапаев, не Ворошилов. Ими руководили умные люди, оставшиеся тоже в Советском Союзе.

Я никогда не виню ни белых офицеров, ни юнкеров, кадетов, казаков, солдат, которые примкнули к Белому движению. Они для меня образец некой жертвенности, героизма. Так было, так и осталось. К сожалению, мало кого из них я застал. Вся вина, вся ответственность лежит на грамотной части населения, на хорошо образованных,

---

²² Писатели (франц.).

²³ Ряд эмиграционных журналов носил название «Вестник» того или иного движения.

знавших иностранные языки дворянах. Некоторым из них даже какие-то средства удалось вывезти.

В двадцатые годы эмигранты показали свою недалекость в отношении «Греста». Люди с марксистским прошлым, выпущенные на Запад, сумели даже само Белое движение камнями закидать. Я уж не говорю, что во время второй мировой войны эмигранты о Сталине молебны служили, а затем ехать в СССР собрались, паспорта советские брали добровольно²⁴.

Как же не понимать, что план нужен? Без плана как без руля, без ветрил. Неужели не было умных людей в семнадцатом году, которые предвидели свержение царя? Дурново²⁵ не предсказал черным по белому, но дал деловую оценку: вот к чему идет. А что делалось при Временном правительстве? Скандал сплошной. Неужели за эти шесть-восемь месяцев, что оно подвизалось, не ясна была уже природа всех вещей? Дело шло к гражданской войне. Если не нашлась бы горстка героев, просто вырезали бы всех, как это сделали с миллионами людей. Но слава Богу, нашлись герои. А дальше-то что? Гражданская война велась с неправильными лозунгами²⁶. Сами себя зарубили. Кого я виню? Опять-таки никак не белых воинов, а тех, кто бросился в Париж, отсиживался в Петербурге, ворчал в Константинопольском порту. Столько дали возможностей всему дворянству! И оброки дворянам платили, и выкупные деньги... Но оказались они банкротами: никакого плана действий, ничего не приготовили на худой случай. Конечно, эмиграция была вынужденной, дворян выкинули из страны. Это уж не запланировано было, случилось несчастье. Но в этом несчастье тоже надо было уметь себя вести. Почему эмиграция ринулась куда-то дальше от границ? Этого я понять не могу. Эмигрантов ведь хорошо приняли в Болгарии, прекрасно в Сербии. Вот там, быть может, и надо

---

²⁴ После второй мировой войны так называемые совпатриоты из эмигрантов уехали в Советский Союз, где многие из них были арестованы и отправлены в лагеря.

²⁵ П. Н. Дурново — директор департамента полиции, в 1905 году министр внутренних дел.

²⁶ См. главу «О единой и неделимой России» в первом томе.

было очаги строить. Может быть, тогда и тамошние царства были бы более крепки и долговечны. Нет, куда-то их потянуло на Запад, в самые безопасные места. Лучше девок возить в такси во всякие «мулен ружи»²⁷, чем жить на финской границе. Ведь не надо быть мудрецом, составителем премудрых планов, генералом генерального штаба, чтобы понять, что нужно иметь людей около границы. Даже пример манчжурской эмиграции мог это подсказать. Но Василий Васильевич Орехов говорит, что это невозможно было, что Англия и Франция этому препятствовали. Но препятствовали они, потому что дрожали в тридцать девятом, когда уже война началась между Советским Союзом и Финляндией. А кто мог препятствовать в двадцатые годы? Помилуйте. Франция была враждебна Советскому Союзу и признала его только в двадцать третьем или двадцать четвертом году. Англия? Это правда. Ллойд Джордж из-за торговли признал его довольно быстро. Но все равно отношения были отвратительные. Я помню, как в двадцать седьмом мы обязаны были возмущаться Англией. Знаменитый ультиматум Чемберлена²⁸, обыск в Аркосе²⁹, письмо Зиновьева³⁰ — это все в Лондоне делалось. В те годы ни Англия, ни Франция не могли препятствовать. Но почему-то все эмигранты застряли в европейских столицах. Нельзя ли было осесть в Финляндии? Наверное, была здравая мысль у того же Врангеля — ведь он умный человек был, — но заглохла. Ведь если выскажешь хорошую мысль, так сразу услышишь: «нереально», «иллю-

---

²⁷ Moulin Rouge (франц.) — красная мельница. Название известного кабаре в Париже.

²⁸ Остин Чемберлен, будучи министром иностранных дел Великобритании, был одним из инициаторов разрыва дипломатических отношений с СССР в 1927 году.

²⁹ В 1927 году английская полиция произвела обыск в Аркосе (советском акционерном торговом обществе), из-за чего у Англии испортились отношения с СССР.

³⁰ В 1924 году лондонская пресса опубликовала письмо председателя исполкома Коминтерна Г. Зиновьева, в котором были даны инструкции английским коммунистам для их подрывной деятельности. Публикация этого письма была причиной падения первого лейбористского правительства Великобритании.

зорно». По его или Кутепова предложению переехала бы хоть дивизия солдат с их семьями потихонечку в Финляндию, без рекламы, без шума. С Маннергеймом всегда можно было прекрасно договориться. Один за одним приехали бы туда, выдали бы им финское подданство, имели бы они свои избушки, занимались бы охотой, рыбной ловлей и одновременно несли бы охрану границы. Господи, это могло изменить ход всей истории. Мы ведь об этом толковали, всегда думали и мечтали.

* * *

Солженицын в Гарвардской речи³¹ обрушивается на юридическую жизнь, как он эту сферу жизни называет. В этом вопросе, я думаю, лучше, если вынесут свое суждение западные люди, которые встречались с судами и жизнь которых определяется этими законами. Я на себя не взял бы смелость обвинить юридическую сторону жизни, сочтя ее вроде бы неудобным корсетом. Ведь сильной стороной Запада всегда были мораль от Церкви и законы от государства. Теперь вследствие общего усложнения жизни и ее омертвления, проникновения в нее сил зла, дьявольских сил, произошло действительно какое-то омертвление законодательства. Не законы плохи, а применять их стали плохо. Здесь тоже нужен этический контроль. Нужны живые силы, исполненные моральной крепости, веры в будущее человечества, в возможность построения достойного людей общества. Нужны силы, которые могли бы его корректировать. К примеру, во Франции законы, может быть, и неплохие, но я нахожу, что применение этих законов часто оставляет желать много лучшего. В свое время в России о такой ситуации говорили, что закон как дышло, куда потянешь, туда и вышло. Но не юридическая сторона негодная и что-то вытесняет, как считает Солженицын, а в нее проникли недостатки, пороки. Юридическая сторона

---

³¹ Речь в Гарварде на ассамблее выпускников университета 8 июня 1978 года. — В кн.: А. Солженицын. Публицистика. Paris, Ymka-Press, 1981.

должна быть очень чистой и ясной. Я думаю, что этический контроль и есть неподкупная сила, необходимая для устранения пороков юридической системы.

О западной демократии, искажении ею самой свободы и превращении ее в свою противоположность, в произвол, в своеволие с порнографией и всей прочей гадостью можно действительно сочинение за сочинением писать. Солженицын ограничивается парочкой известных всем сентенций, открытия никакого не делает. О свободе, дурной свободе, низкой свободе он сказал правильно. Но до полусвободы, о которой я говорю, еще не дошел. У него все на уровне: «да, у вас плохо то-то и то-то». Как сделать, чтобы было лучше, от чего надо отказаться, об этом он не говорит. А казалось бы, это и нужно сказать. Всей Америке известно, что применение законов такое, что преступников оправдывают. Тут ломиться в открытые двери нечего. Ты скажи, как сделать, чтобы законы хорошо применялись. О порнографии, разнузданности, наркотиках, секте сатанистов и прочих язвах общества всем известно. Но как сделать, чтобы этого не было? Об этом Солженицын не говорит. А мог бы понятием полусвободы блестяще всю Америку долбать.

Суждения Солженицына на девяносто девять процентов являются повторением, и без каких-либо искажений, того, что всем известно. Уж во всяком случае, это давно известно у нас рабочему люду и взято им на вооружение. Уже за это Солженицыну спасибо. Орехов и подобные ему западные люди хвалят за это Солженицына, пророком его считают. У царей иудейских по шестьсот пророков было. Один писал о недостатках своего времени вроде как про свободу теперь говорят, другой про демократию в своем разрезе. Имен даже этих пророков не осталось; их число само за себя говорит. То были просто правдивые люди, которые отмечали какие-то большие недостатки, большие бедствия. Иначе как это понять?

Сказав отрицательно о социализме, Солженицын затем утверждает, что западный строй не для подсоветского человека, что подсоветскому человеку не нужно устраивать жизнь по образцу Запада. А как надо устроить? Ведь это утверждение Солженицына невольно ослабляет борьбу. За что бороться? За какую-то неведомую форму, которую, собственно говоря, никто до сих пор

еще не предложил? Что ж, оставаться пока так, как есть? Если западный мир таков, что не стоит к этой системе стремиться, то придется оставаться на своем прежнем уровне, на уровне рабства. Кстати, в речи не сказано, что нужно сбросить режим. Там плохо, беззаконие, а здесь хоть есть законы, но они плохие. И в общем то, что здесь, нам не указка, нам это не подходит. А что нам подходит? Я, например, сделал такой вывод, что не нужно бороться подсоветским людям, потому что нечем заменить их строй. Этот строй плох, но строй на Западе не лучше; одинаковые тут и там болезни. Так он и пишет. Но это ж неверно. Все-таки разница-то громадная: здесь — свобода, там — рабство. Неужели можно свободу и рабство смешать? Ведь я уже критиковал его за это в книге «Солженицын и действительность». У свободы есть свои бедствия, свои невзгоды, свои ошибки, но рабство в десять раз горше. Ставить знак равенства никак нельзя. Можно сказать, что и там есть свои недостатки, что у свободы есть свои недочеты. Но рабство уже само по себе нечто позорное, недопустимое; его нельзя подправлять, а надо уничтожать. Ничего этого, конечно, сказано Солженицыным не было. В целом получается, что Солженицын опять, как в «Письме вождям», занимается каким-то соглашательством. На сей раз это скрытое соглашательство: он не упрощает режим, но и не мечет против него громы и молнии. Режим в СССР надо сметать, надо уничтожать. Никакие исправления невозможны. Когда конструкция стоит на каком-то гнилье, никто не будет подправлять ее. Нужно разрушить здание, сменить фундамент. Это элементарные строительные правила. Громы и молнии Солженицына направлены против Свободного мира, который и без того можно клевать. А Свободный мир как раз сооружение, в котором есть элементы гнили, ошибок, и надо, конечно, от верху до низу кое-что вынуть: кой-какие углы, стропила, стены. Но в целом здание правильно построено. Эту колоссальную разницу Солженицын никак не может понять. Нельзя все мешать в одну кучу. Там одно, здесь другое. Там надо все здание просто взорвать к чертовой матери и на этом месте действительно строить настоящие веси; здесь надо очень вдумчиво вынуть

гниль, поменять гнилые основы: сменить кровлю, усилить контрфорсы, положить новые балки. Это совсем другое дело. Это вдумчивый путь реформ, путь не коренной ломки, а частичного изменения основ, каких-то правил, их применения...

В разделе «Недальновидность» — моя мысль о том, что только нравственное, только действительно благородное начало может спасти мир и наладить систему. Слово «благородное» Солженицын не употребляет, чтоб не быть за руки схваченным, а маскирует его каким-то нравственным указателем. Этот раздел все-таки лучше, хотя для того, чтобы дать единственную рекомендацию, он пока использует арсенал Панина. Конечно, дело здесь не в одном Панине. Было у нас, в лагерях, всегда какое-то силовое поле, в котором довольно правильного мнения придерживались и без Панина. Панин вовсе не единственный. Встречались люди, которые думали почти так же, как я, мысли которых были очень мне близки. Да сама жизнь давала возможность сделать правильные выводы. Я говорю о моих идеях, потому что за них отвечаю. Я их хорошо обосновал, глубоко продумал. Поэтому мне легче говорить об идеях Панина, чем о каком-то собирательном поле, которое надо еще уточнять. Но повторяю: такое поле существовало и без Панина... Солженицын из моего источника черпал наибольшее количество указаний и разъяснений, все хорошее; наносная дрянь всегда из какого-то другого источника.

Солженицын указывает на западные нефтяные компании, которые скупают патенты и тем самым тормозят развитие новых форм энергии. В связи с этим он говорит о Советском Союзе в обтекаемой форме: «Ужасно то общество, в котором вовсе нет беспристрастных юридических весов». Какой отсюда вывод? Тот ли самый это недостаток, что в Советском Союзе со всей его бесхозяйственностью, тупоумием, уничтожением личной инициативы? Одно ли это и то же? Нет, это совершенно разные вещи. И исправление их тоже совершенно разное. В одном случае надо систему изменить: как раз внести в нее западную инициативу со всеми ее недостатками и пороками; в другом — надо эту инициативу, которая уже существует пару столетий, исправлять. На мой

взгляд, во втором случае совершенно достаточен этический контроль, который сказал бы фирмам: «Почему вы тормозите развитие, когда экономический кризис во всем мире, когда с нефтью черт знает что творится? Это ж страшно». На фирмы наложили бы штрафы и скрутили бы их в два счета. Никакой ломки в этом случае не потребовалось бы.

Солженицын говорит, что торжествует посредственность под видом демократического ограничения. Он лягает слегка демократический строй. Можно бы не только лягнуть, но что-то ему противопоставить и показать необходимость другого строя. Явно по душе ему авторитарный строй. Откуда это у него? Нам с ним, во всяком случае, ясно. Внимательный слушатель был у меня на шарашке. Но теперь хоть как-то своими доморощенными средствами обоснуй необходимость этого строя...

Если Запад хочет существовать, он должен против стратегии коммунистов действовать нравственными нормами. Правильно говорит Солженицын, нравственными нормами. Это опять-таки из моего арсенала. Я говорю об этическом контроле, о необходимости роста благородства и введении благородных нравов в управление. Солженицын пока это не повторяет. Панин еще жив, и это неудобно повторять³².

Я двадцать лет уже твержу, что мораль, равно как и благородное поведение, — основа основ в деле управления. Без этого нарушаются глубинные законы общества, рушатся связи, происходит предательство, и потом народам приходится расплачиваться за решения «гопников» из правительственной среды, полагающих, что легче, прагматичней без этого обойтись... Но Запад пережил Ллойд Джорджа с его людоедами, Черчилля со всем его

---

³² Д. Панин оказался прав. Солженицын после его смерти, не ссылаясь на него, приводит в «Как нам обустроить Россию?» ряд его мыслей: всеобщее изобилие не может быть венцом человечества, в обществе необходимы этический контроль и регулирование монополии производства, Дума, земства, комиссия экспертов. Вслед за Паниным он говорит о роли духовного благородства, призывает явить пример бесстрашия по завету Христа и следовать свободе, включающей добровольное самоограничение.

предательством, всех этих жаненов³³, которые предали Белое движение. Завтра на Западе люди в рабов превратятся, но не могут понять, что этим омерзительным поведением довели они себя до теперешнего состояния, и сидят у разбитого корыта. У коммунистов целые институты работают денно и нощно над разрешением всевозможных стратегических проблем. Надо тоже создавать институты, иметь серьезный журнал, где можно отстаивать свои мнения. Думать надо...

* * *

Творческие решения дают единицы. Должны быть центры мысли, чтобы уметь отсеять эти решения. Должен быть хороший этический контроль. Должны быть, как раньше у Церкви, индексы запрещенных и особо рекомендуемых книг. Надо от высшего центра умственного сгущения идти к низшему. В этом нет ничего обидного. К сожалению, безбожное мышление довело до того, что каждый «козявник», каждая «козявочка»³⁴ считают, что у них свое мнение. На кой черт свое мнение. С дурацким своим мнением попадешь в речку вниз башкой. Ты правильного мнения придерживайся. Увы, миллионы пользуются припевом «это нереально, проблематично», потому что он очень удобен. Объяснять ничего не нужно, доказывать ничего не нужно, и люди с важным видом вещают: «Это утопично». Вот и все. И вроде получается, что ты умный человек и доказал, что хотел. Ничего ты не доказал. Ты доказал только, что вместо того, чтобы повторять умные вещи, повторяешь бездарные суждения каких-то дурошлепов из интеллигенции.

Лет пятнадцать назад в семинариях было достаточно много народу. Вообразите, что сегодня кто-то скажет: «Надо все-таки в семинарии людей привлечь». А ему в ответ: «Да это нереально. Во Фрибурге в Швейцарии у святого человека [кардинала Журне. — *И. П.*] в семина-

---

³³ М. Жанен — французский генерал, сыгравший предательскую роль в Сибири при выдаче Колчака красным.

³⁴ Так Панин называл шутливо мужчин и женщин.

рии было пять семинаристов. Такова реальность. Сейчас никто не пойдет в семинарии, вас не будут слушать».

Но эта реальность для тех, кто исходит из сегодняшней нашей глупости. А ведь можно поставить так вопрос: «Вы говорите, что этический контроль невозможен, что нет людей доброй воли. Но спрашивается, почему их нет. Потому что в течение пяти столетий шло систематическое уничтожение благородного начала, уничтожение дворянства. Его высмеивали начиная с Дон Кихота. И пошло, и пошло, и пошло... В девятнадцатом веке еще был высший слой, монархия поддерживала дворянство. Я почитаю монархию за то, что она выдвигает лучших и опирается на них, а не на негодяев. Я против демократии, потому что она — рупор всяких преступников и дает возможность их выдвигать и прятать их преступные помыслы за благовидной демократической декорацией. В монархии гораздо проще: ты должен быть приличный человек, из приличной семьи, даже если и из крестьянской. У нас были хорошие министры из очень простых, но честных семей. Они не были проходимцами, пьяницами, душегубами. Палачей в их роду не было. Иначе был бы срам. Государь сразу сказал бы: «Кого вы берете, милый человек? Может, он и хороший, но есть все-таки какие-то правила приличия». Так что монархическая власть была очень хорошим установлением. Были приличия, но основой было благородство. Оно мешает отребью, всей партийной сволочи, которая рвется к власти, хочет превратить людей в своих рабов, государство — в свою вотчину. Поэтому благородное начало для них нож вострый, самое страшное, что может быть. Силам зла и силам безбожия было очень важно затоптать благородство в грязь, осмеять его, вывести его из строя, потому что благородство души — самое сильное оружие против сил зла и безбожия... Благородный человек — я имею в виду, конечно, человека благородной души — сумеет всегда противостоять им, организовать сопротивление, бороться с ними.

Церкви не воспевают благородное начало. Разве они готовят людей доброй воли? Понятие это стало сейчас астрономическим. Иногда его вспоминают, употребляют этот термин. Это неплохо. Но должна быть система вос-

питания, как в кадетских корпусах, юнкерских училищах, где вколачивали хорошие правила поведения. Выпускали все-таки людей приличных. Русские офицеры были одни из лучших. Не так, значит, плохо было поставлено дело, хотя Горький, Короленко и крыли их.

Раз все свелось к тому, чтобы не давать благородному началу развиваться, осмеивать его, вырубать все дворянство, всякого приличного человека надо было осмеять, низвести. «Шу-шу-шу», и в салонах его бойкотируют. Уверен, что, если кинуть клич, соберется дивизия, которая не подладилась под холуйский тон, под холуйскую управу салонов. Если Церкви начнут готовить по-настоящему людей доброй воли, воспитывать благородное начало, оно забьет ключом, и будет сразу видно, что людей благородного духа пруд пруди. Они есть, но не знают, куда приложить свои силы. Их затюкали, им ходу не дают, да и сами они не видят, как проявить свое благородство. Пойти в партком и сказать: «Вы — негодяи»? Но благородство с умом должно быть связано.

В предлагаемой системе — Обществе Независимых, — где благородному началу отводится почетная, ответственная, опасная роль, подготовка людей доброй воли будет вестись с детства; лиги, монастыри будут помогать Церкви, и ключом забьет благородство. Тогда мы скажем, реально или нереально уповать на благородное начало. Почему реально, чтобы людьми управляли преступники? Почему нереально, когда столетиями лучшие люди управляли государством? Какие-то они делали ошибки, бывали и преступления, но это не было организованное преступление. Геноцид двадцатого века начался, когда преступная свора добралась до власти. Сравнивать надо. Ум не надо терять.

* * *

Я все время настаиваю на том, что этический контроль, кроме его основных задач (соблюдение конституции и прочего), необходим для того, чтобы поднять благородный, духовный уровень восприятия жизни, создать уровень благородства. Почему это нужно? Потому что,

когда мир погрязает в подлости, он одновременно погружается в пучину зла.

Вот иллюстрация, ради которой я делаю это отступление. Что сделали с палестинскими арабами? Не буду обсуждать все хорошее, что было сделано израильянами, но, так или иначе, миллион арабов остался без земли и по приказу своих мулл и муфтиев покинул насиженные места и перешел к соседу. Если это было бы сделано по-хорошему, то можно было бы всех этих арабов легко расселить в арабских странах. Перешли бы они в подданство других арабских государств, чтобы нормальными арабами быть. В Египте очень много народу, но рядом Иордания, Саудовская Аравия, Ирак — богатейшие арабские страны; Сирия имеет свою нефть. Могли бы разместить палестинцев — их миллион — на своих огромных безлюдных территориях, оказать им большую материальную поддержку, помочь им колонизироваться, а не держать их, как зверей, в каких-то резервациях, способствуя разжиганию ненависти. Мы с Иссой видели в Израиле поселочки палестинцев. В них тяжело жить, они далеко от воды. Не жизнь там, каторга. У арабских стран расчет был такой: палестинцы — это ударная сила, будем всегда использовать их в войне против Израиля. Это большая ошибка. Воевать во всех случаях приходилось самим арабам, разве только в первой войне против Израиля участвовали палестинские арабы. Арабы рассчитывали на террористические акты палестинцев для сокрушения Израиля дьявольскими путями. Но страшная волна террора прокатилась по другим странам. Сами арабы напоролись на то, на что рассчитывали. Палестинцы обернули оружие, которым их снабдили арабские страны, против них самих. Если королю Хуссейну не помогли бы в «Черный сентябрь» бедуины, его свергли бы, и в Иордании была бы своя Палестина. Ливан был богатой страной, цветущей Швейцарией. Его взорвали, раскромсали, несчастных христиан и мусульман стравили. И сделано все это было силами палестинцев. Они — очаг возмущения, ударный отряд для свершения всех самых мерзких дел. Они осуществляют международный терроризм, поставляя своих террористов как пушечное мясо. Они будоражат весь мир. Амин Да-

да³⁵ в Уганде — из их гвардии. События в Иране в значительной мере обусловлены тоже палестинцами. Они проникли в иранские университеты и совратили в них студентов. Большая доля вины в развале Ирана лежит на палестинцах как агитаторах и террористах. Вот и получается, что подлые средства палестинцев целиком обрушились на самих арабов. Иран заплатил им дань, теперь, наверное, очередь Саудовской Аравии. Если она не береглась бы заранее — она не берет к себе, по-моему, ни одного палестинца, — то ее давно бы взорвали. Сирия тоже наладила палестинцев, когда они начали хвост задирать, а то, может, и там они устроили бы какую-нибудь гадость. В Ираке их, по-моему, почти нет. В Египте они никогда и не были. У Каддафи в Ливии они, может быть, спрос находят: наверное, из них его лейб-гвардия состоит. А Кремль рад был стараться и, скорей всего, посылал туда инструкторов для формирования палестинских террористов.

За счет подлости нельзя выиграть войну и закрепить завоевания. Выиграть можно благородными средствами. А если вы боитесь и не доверяете своим силам, опираетесь на бандитизм, на головорезов, то вы сами себя подводите под нож. Посмотрите, как палестинские силы уничтожают друг друга, как арафатовские палестинцы уничтожают иракских. Недавно взорвали огромный шестиэтажный дом. Дьявольские силы не знают пощады ни себе, ни другим. Ад крошечный создается. Вот цена подлости и бесконтрольности. Когда у человека нет ни благородства, ни чести, когда он не остается верным данному слову, он скатывается в пропасть, в какого-то зверя превращается. Вот почему нужен этический контроль.

Камбоджа, совершившая геноцид, должна войти в ООН! Войдут в эту организацию те, кто уничтожил чуть не третью часть своего населения за два-три года. А сколько людоедов из африканских стран представлено в ООН? Какой же тогда международный форум представляет собой ООН? Это ж позор — находиться в такой организации.

---

³⁵ Иди Амин Дада — диктатор Уганды с 1971-го по 1979 год.

Только при возврате к благородству возможно создание благородного международного учреждения.

Вчера мы с Иссой совершили чудесную прогулку по замкам Луары, и в епископском замке Менг-сюр-Луар нам показали oubliette — подземную тюрьму, каменный мешок, в виде цилиндрической дыры метров восемь-десять глубиной, где на неких концентрических кругах должны были находиться преступники, по сути дела, осужденные на смерть. В центре этого цилиндра была еще одна дыра, значительно меньшего диаметра, но достаточно глубокая; в нее сваливали трупы умерших преступников, и эти трупы там гнили. Туда же шли все отходы.

В такой каменный мешок угодил знаменитый средневековый поэт Франсуа Вийон. Предание рассказывает о нем очень немного. Известно, что он был одним из бандитов, pillard qui pillait les églises³⁶, — словом, был отпетый негодяй. В каменном мешке он сидел не только за то, что ограбил церковь, но еще за убийство священника. Человек он был интересный. В начале царствования Людовика XI он воспел его подвиги, которые тоже в какой-то мере были разбоем. Свояк свояка видит издалека. Людовик XI его знал. Когда Вийон попался на грабеже какой-то церкви, он месяцев пять просидел в каменной комнате замка в полной темноте, дожидаясь допроса. Гид объяснил нам, что преступника накачивали водой при малом допросе, при большом — ломали тисками ноги. В том и в другом случае, поскольку это был епископский суд, не должно было быть кровопролития, если пытки кончались смертью.

Случай Вийона был интересный: судьи были снисходительны, может, срок в камере был короче обычного. История гласит, что Вийон прошел в хорошем состоянии через этот суд. Его не пытали, разве только разок водой попробовали накачать. Вышел он со здоровыми

---

³⁶ Грабитель, грабивший церкви (франц.).

ногами, неразрушенным, крепким человеком, хоть и пробыл четыре месяца в этом склепе для допросов. (У нас люди по два года в Сухановке³⁷ были — и то выжидали.) Оттуда его на веревке спустили в дыру подземной тюрьмы, где находилось уже человек пять-шесть, прошедших все пытки. Наверное, у всех были переломаны ноги, так что он мог там господствовать. Все это история рассказывает.

Просидел он шесть месяцев, с мая по октябрь, что превышает в два-три раза срок жизни тех зеков, которые там находились. Обычно они выносили эту тюрьму два, два с половиной, самое большее три месяца; затем человек кончался, и его труп попадал в узкую дыру. Время от времени преступникам кидали куски хлеба и по веревочке спускали какой-то сосуд, чтобы напиться. Миазмы, холод собачий делали довольно быстро свое дело. Почему Франсуа Вийон прожил там шесть месяцев, неизвестно. Вероятно, только благодаря тому, что его не пытали. Освободили его по приказу короля Людовика XI. Дальше его судьба теряется. Казалось бы, Людовик XI освободил не зря, освободил для того, чтобы он воспел его королевство. Нет, он исчез с лица земли.

Преступный мир вообще мало меняется, меняется только его свирепость, в зависимости от того, что приходится преступникам переживать. В современной Франции для них действительно лафа и нет необходимости в прежней свирепости. Но когда они были как крысы в железной бочке, проявляли себя в полном блеске.

Зная милые нравы преступного мира, я останавливаюсь на следующей версии. Франсуа Вийон, бандит по натуре, попадает на допрос и прежде всего говорит епископскому суду: «Так и так. Я поэт, заблудший поэт. Я хочу вернуться к жизни. Я — хороший француз (впрочем, тогда понятия «француз» еще не было). Доказательство того, что по натуре я за корону, за суверена, за короля, — мои стихотворения о Людовике XI. Я признаю все свои преступления. Я хочу исправиться и посвятить свой талант Людовику XI. Прошу вас довести до

---

³⁷ Сухановская тюрьма в сорока километрах от Москвы.

его сведения, что Франсуа Вийон, который его уже воспевал, хочет посвятить всю свою дальнейшую жизнь воспеванию его царствования». Таково вполне логичное течение его мысли. (Такое течение мысли повторялось и в наше время, когда зеки предлагали советскому режиму сделать всякие изобретения: «Только спасите меня, только освободите».)

Почему Вийону не ломали ног? Возможно следующее объяснение. Речь шла уже о политике. Епископы тоже не хотели стать врагами короля. Авось дойдет до короля, ведь в составе того же суда один на другого зуб имел, и, пожалуй, головы полетят. Так что решили протокол заседания послать королю. Сказано — сделано. «А пока машина суда движется, может, он подохнет. Мы свое дело сделали, и правосудие как бы свое дело сделало. Долго в этой дыре не проживешь».

И спускают его на веревке в каменный мешок. Три месяца проходят — он жив, четыре — жив, пять — жив. У него смысл есть жить, потому что есть надежда, что до короля дойдет его прошение и его освободят. Надежда совершенно реальная. Потому у него цель — выжить. Как у блатных в сталинских лагерях: выжить любой ценой. «Умри ты сегодня, а я умру завтра». Тогда у преступников, наверное, тоже такая формула была, может, не так ясно выраженная; в сознании преступников она всегда существует.

Питание сверхскверное, редкое, блатной начинает «обжимать» других. Франсуа Вийон еще крепкий, двигается, у него ноги не сломаны. Когда бросают хлеб, он его сразу ловит, прибирает себе, съедает его сам почти весь, может, крохи дает другим. Того, кто начинает вопить, он способен сейчас же и придушить. Сторожакам наверху на это совершенно плевать: не в первый раз более сильный бандит душит других, это в его натуре. Они — не воспитатели этих бандитов. Так что такое поведение бандитов в подземной тюрьме в порядке вещей, и ничего сверхвозмутительного в нем не было. Больше того, хлеб нарочно, с расчетом, редко кидали, чтобы преступников поскорее известить, или, возможно, сторожа, как это в их натуре, часть хлеба прятали (хлеб тогда был в цене, это не теперешняя Франция).

Допускаю, что бандит мог придушить, прирезать другого. У блатных всегда заначки: какие-то кусочки железа, лезвий, напильничков. У меня была фуражка, верней, кепка, которую блатные мне переслали, и чуть не каждый шмон охрана находила там какой-нибудь кусочек железа. Я был к этому не причастен, получил такую кепку, но мог тоже за это заработать наказание. Бандиты прятать умеют, а сторожа тогда не умели еще обыскивать. Так что вполне возможно, что Франсуа Вийон, как умный человек, имел какое-то лезвие у себя в кармане. А раз так, он и прирезал или придушил человека. Голод его мучает, он начинает жрать его мясо. Это опять же в порядке вещей. Когда с Воркуты бандиты бежали, они приглашали с собой какого-нибудь толстенького «политика»³⁸, который для них был овцой, мясом; в пути его убивали, жарили его мясо и шли дальше. Думаю, что такими путями Вийон дожил до октября месяца, когда его по приказу короля освободили; иначе он, конечно, не выдержал бы.

Дальше совершенно ясная картина. Если его освобождают, значит, его отправляют к королю. На аудиенции Вийон обещает писать, и, наверное, он стал бы воспевать королевство, но тут его следы теряются. В чем дело? Я объясняю это так. Нравы нравами, а у бандитов свои законы, которые даже до нашего времени дошли, — законы воровского мира. Убийство своих сокамерников, таких же бандитов, как он сам, в наше время представляло переход в разряд «сук», то есть означало стать ворами «вне закона», и такая «сука» должна была быть уничтожена. В то время было то же самое. Он перешел в разряд французских «сук» и должен был быть уничтожен. Один лишь факт, что он пережил несчастных, которые находились в этой oubliette, на срок в три раза больший отведенного им, настолько красноречив, что бандитам того времени не надо было об этом рассказывать. Кое-кто из них, может, побывал в каменном мешке, может быть, какую-нибудь подземную тюрьму

---

³⁸ Политического, то есть осужденного по политическим мотивам.

они освободили и видели, что там творится, или им рассказали об этом. Никаких сомнений для них не было, без догадок все было ясно. Франсуа Вийон прожил тройной срок, вернулся к королю, но суд над ним был вынесен, и преступный мир (*le milieu*) приговорил его к смерти. Где-то в начале его новой поэтической карьеры его просто прирезали, и концы в воду. Это бандиты умеют делать.

Во время поездки по замкам Луары посетили мы также замок Шеверни, который в отличие от других замков до сих пор принадлежит его собственникам, представителям этого благородного рода. По сравнению с замками Блуа, Шамбор, Менг-сюр-Луар — резкая разница. Чувствуется, что собственность — часть человека. Нет, собственность не воровство, как говорил Прудон. Воровство как раз происходит, когда нет собственности. Когда нет собственности, тогда все разворовывают, а если не разворовывают, то по-казенному только отвечают за сохранность не своей собственности, представляют собой вроде как сторожа около этой собственности.

Видно сразу, когда собственность своя, часть тебя самого. Нам показали столовую: стол, буфет, наполненный посудой. Все в прекрасном состоянии, все обжито. В замечательном порядке, ухожены парк, псарня, псы, которые могут псовую охоту вести, лошади. Конечно, они бедные люди и вынуждены показывать свою землю экскурсантам, но благодаря этому содержат псов, налоги платят. Молодцы. И собственность — родовое гнездо — сохранили, и есть что показать, и есть где во Франции псовую охоту провести. Не было бы это их собственностью — не было бы всего этого. Были бы опять голые обшарпанные стены, как в Шамборе. В замке в Блуа тоже все неживое, музейное. Собственность — великая вещь, часть человека. Не нужно изображать ее как преступление. Неверно это.

V

Вчера в Рондоне видел фильм «La pucelle folle»³⁹. Самая обычная история. Благородная семья. Молоденькую дочку соблазняет красивый мужлан лет сорока — сорока пяти тоже из этого общества. Письма свидетельствуют. Он друг этой семьи, друг сына — офицера. Родители хотят ее послать в монастырь, сын вызывает на дуэль негодяя. Но девушка в квартире соблазнителя, и они оба хотят куда-то уехать. Священник упрощивает его не делать этого. Ее мать тоже странно себя ведет, говорит соблазнителю: «Я всегда тебя приму». В конце концов девушка застреливает себя, и дальше все неясно. Картина очень хорошо поставлена, на хорошем уровне сделана. Девчонку замечательную подобрали, невинную; глазки, волосы — прелесть.

По ходу дела мумии в кинозале кидали возгласы возмущения, когда родители хотели привести дочь в порядок, и возгласы сочувствия этому негодю. Потом я одну из этих особ, с которой уже несколько раз беседовал, вызвал на разговор: «Ну как ваше мнение?» — «Я, конечно, возмущена поведением родителей. Сейчас такое поведение невозможно». Я спросил, почему она возмущается родителями, ведь не они преступники, преступник — этот негодяй. «Ну да, но любовь». — «Какая любовь? Он же негодяй, взрослый человек, вскружил девочке голову, соблазнил ее самым наглым образом, втер-

---

³⁹ Сумасшедшая девственница (франц.).

ся в доверие, всех обманул, а вы ни слова осуждения в адрес этого негодяя; у вас отец виноват». — «Да, отец и мать. Они себя вели очень неразумно». — «Что здесь неразумного? Они дочь хотели как-то отъединить от этого человека. Какой у них способ? Или дом под запором держать, или отправить в монастырь». Мне второе решение не кажется правильным, монастырь — не тюрьма. Но на уровне эпохи решение было совершенно разумным. Во Франции в те времена, видимо, это было в порядке вещей. Итак, поэтесса считает, что «амур»⁴⁰ все извиняет; виноваты во всем родители. Присоединилась к разговору какая-то дама, которая тоже возмущалась поведением родителей. Поговорил с ними крепко и в конце концов задал вопрос моей особе: «Скажите, вы за семью или нет? Семья — это хорошая вещь или ее можно разрушать?» — «Нет, нет, я за семью, но только я сделала бы так». — «Ну хорошо. Вы сделали бы так, а они сделали так. Но виновник все же кто? Ведь не родители? Что же, родители ее толкнули в лапы этого мерзавца?»

Я не первый раз разговариваю с ней. Для меня она барометр, прибор этого мира. Женщине уже под шестьдесят. Она поэтесса, вроде как должна быть образованной. За словом в карман не лезет, на все у нее есть ответ. Но ответы у нее всегда такие, какие приняты в ее milieu⁴¹: Церковь, конечно, ничто; она — католичка, но не *pratiquante* (не посещающая церковь); вроде верующая и неверующая. Такой ералаш в голове! Во всем, что она говорит, чувствуется наносная гниль леваков, модных болтунов. Она их, видимо, повторяет; сама, конечно, ничего не выдумывает. Ей надо задать бы такой вопрос: «Скажите, вы кто? Разрушитель или созидатель общества? В ваших словах нет ничего созидательного, одно разрушение. Вы это хоть понимаете?»

Подарила мне она свою книжку стихов с каким-то вычурным названием. Я бы их назвал «*Les oubliettes*», преданное забвению. Стихи очень характерные, но в них нет содержания, нет ничего, что передает настроение,

---

⁴⁰ *Amour* (франц.) — любовь.

⁴¹ *Среда* (франц.).

возмущение; нет в них ничего живого. Стихотворения какой-то мумии.

Разговаривал я с ней несколько раз и затратил на нее много времени, но передать сказанное ею невозможно: утонешь в словесном мусоре, который заполняет ее голову. Он у нее и на языке. Трещать она умеет; трещит по любому вопросу, но ее треск какой-то отрицательный; все время, конечно, отрицается что-то из хорошего.

Я сказал ей, что в начале века у нас, и в христианском миру, и у казаков, и у бывших стрелцов, семейный вопрос был серьезным делом. Если девушку соблазнили, могли ее пришибить. И очень часто пришибали, колом или вилами. Не просто так это делалось, защищали ведь ее честь. Может, слова «честь семьи» в крестьянском быту не существовали, но другое понятие, чем сейчас, имели крестьяне о семье. Дегтем мазали ворота девицы со скверным поведением, и заранее было известно, что никто не виноват — сама хороша.

Вот и в этом фильме дворянская семья во Франции защищает свою честь, у ее членов высокое о ней мнение. Говорю поэтессе: «Вы даже не способны понять этот уровень мысли. Идет ли речь о вашем сыне или вашей дочери, вам все равно. Сделали бы они то же, что девушка в фильме, вы бы их оправдали. Ваша дочь пошла бы по рукам — вы бы тоже ее не ругали. Вот ваше общество и гибнет, потому что вы такие. Не надо этим гордиться, надо этого стыдиться и даже отчасти страшиться».

Если почти всех дам Рондона подвергнуть подобному обследованию, то у подавляющего большинства будут аналогичные мнения: отрицание того, что как раз надо поддерживать, одобрение всякой глупости, которая в их гостиных склоняется. С поэтессой произошел у меня даже следующий диалог: «Ну, лет через двадцать пять семья исчезнет», — сказала она. «А чем она заменится?» — «Не знаю». — «А почему вы так думаете?» — «Так ведь к этому идет». — «Так это что ж, хорошо или нет?» — «Это эволюция». — «Нет, это не эволюция, это — разрушение. Эволюция делается шаг за шагом. Она продумывается, она — плод размышлений, плод большого труда. Для нее должны быть реформаторы,

люди особенные. А ваша эволюция — плод болтовни, причем позорной болтовни каких-то мальчишек, которые недоучились, учиться не хотят и вас разрушают. Это то, что сделала у нас интеллигенция, называемая у вас *la gauche*»⁴².

И конечно, очень жалко, что эта дама сеет свои гадости и портит молодых людей. И столько уже испортила! Казалось бы, у нее и лицо хорошее, и улыбка; не какая-нибудь она кретинка, а совершенно нормальная француженка. Для своих лет должна была бы кой-какого ума набраться. Такие тети за свою жизнь произвели разрушение такого масштаба, какое не под силу никакому агенту Кремля.

Когда слушаешься всего этого вздора, становится ясно, что нужны центры мысли не только для этих дамочек, но и для людей, которые должны повторять чужие мысли; так пусть повторяют мысли этого центра. Иначе мышление неизбежно засоряется мнением, которое господствует.

Без меня произошел спор о Боге. За Бога и за Церковь выступила безоговорочно одна дама восьмидесяти шести лет. Она ревностная католичка, ходит каждое воскресенье в церковь. Все остальные, вроде католики, говорят, что они *non pratiquants* (не ходят в церковь), и всевозможные у них увертки: «Церковь не нужна, я против догматов, против Церкви». Точная копия болтовни наших вынужденных безбожников⁴³ и полубезбожников: «У меня свое понятие о Боге, Церковь не нужна, святых я не признаю»... Полна голова таких утверждений.

И тут прослеживается явная цепь, связывающая коммунистическую левую пропаганду и «гошистов»⁴⁴. Ком-

---

⁴² Левая (*франц.*).

⁴³ Людей, не получивших никакого религиозного образования, Панин называл безбожниками по воспитанию. (См. «Вселенная глазами современного человека».)

⁴⁴ Сторонников крайних левых партий.

мунисты вколачивают в головы этому салонному дурачью свои мнения, и оно их повторяет. Сколько я их ни слышал, всюду одно и то же; ни одного проблеска нового, ни одного довода. Повторяют эти мнения один за другим посетители салонов, как попугаи. И затем это просачивается в Церковь. И Церковь, оказывается, должна для всей этой мути и дури открывать двери⁴⁵ и идти у них на поводу.

В гостиных левой интеллигенции царит крайний плюрализм. Он для них все. Я их спрашиваю: «Быть за марксизм или против марксизма — это плюрализм?». — «Да, конечно». Я говорю: «Нет, это не плюрализм. Если я раскритиковал марксизм, показал, что он куча дерьма, а другой раскритикует по-своему, то это плюрализм. Может, я сделал лучше, может, он. Я с одной точки зрения подошел, более правильно; другой критик подошел с другой точки зрения. Разница в подходе, в выборе направления или даже некоторых постулатов. Это плюрализм. Но если я отстаиваю, что марксизм — это груда ошибок и всякой нечисти, а марксисты, наоборот, говорят, что это замечательная вещь, то это не плюрализм, а защита глубоко ошибочного вероучения. По сути дела, это уже мракобесие. Так что можно считать, что есть плюрализм *acceptable*⁴⁶ и поп *acceptable*⁴⁷, проповедующий явные заблуждения, ошибки, лжеучение. Между проповедью учения и лжеучения должна быть пропасть, а не стирание границ. Иначе ценности летят в грязь. Если все одинаково, если каждый человек может говорить любую глупость под флагом плюрализма, то это точное повторение разъединения людей в Вавилонской башне.

---

⁴⁵ Папа Иоанн XXIII положил начало обновлению (*aggiornamento*) католической Церкви, чтобы адаптировать ее к нынешнему миру. (См. в этом разделе: О традиции и новшествах в католической Церкви, с. 83).

⁴⁶ *Присллемый (франц.)*.

⁴⁷ *Неприсллемый (франц.)*.

Мне хотелось бы сказать в заключение кому-нибудь из завсегдатаев западных салонов следующее: «У меня впечатление, что я — врач и нахожусь у одра смертельно больного, который принял большую дозу опиума. Он этого не сознает и думает, что немного поспит, погресит и все будет хорошо. Я как врач объясняю, что он принял смертельную дозу, что ему нужно не спать, а действовать, освободить себя от ядов, принять лекарства — короче, немедленно приняться за свое излечение. Больной этого не хочет. Ему скучно меня слушать. Он стал уже вялым; яд в значительной мере подействовал на него. Я полон к нему любви и доброй воли, а он на меня смотрит косо: "Что он ко мне пристает? Я и без него все знаю"».

Двадцать восемь дней в Рондоне я был в компании умных западных людей. С некоторыми из них разговаривал. Впечатление такое, что до них не доходит. Для них важно работать, получить как можно больше денег, а дальше должно быть приятное: только не беспокоиться, ничем не жертвовать. Гроша ломаного не дадут на мои идеи.

За двадцать восемь дней жизни в замке Рондон пришел все к той же печальной констатации: представители западной интеллигенции какие-то мертвые люди. Были интересные разговоры, отвечал на все вопросы, что-то мои собеседники ухватили, но ни разу я не заметил блеска в глазах: «вот, наконец, нашелся человек; вот за что можно уцепиться, вот что нужно».

Один господин с высоким положением в обществе оценил мои идеи. После приезда его сына произошла резкая перемена. Сынок, наверное, имеет *situation*⁴⁸. Зачем ему Панин нужен? Он может только ему помешать. Так решается вопрос сегодняшнего дня. А что будет завтра — «*après moi le déluge*»⁴⁹. Это конченная цивилизация. В лучшем случае Запад может получить генерала Пиночета, в худшем — Марше. Вернее всего, получит Марше.

---

⁴⁸ Положение в обществе (франц.).

⁴⁹ «После меня хоть потоп». Фраза, приписываемая Людовику XV.

В Рондоне, где я отдыхал и немножко работал, я встретился с садовником. Для меня эта встреча была интересна своей в значительной мере типичностью. Он рассказал мне, что из крестьян, из фермеров и уже в пятьдесят втором году должен был расстаться со своим куском земли, потому что его задавили налогами. Он любит землю и от нее не ушел. Стал он служить в больнице санитаром: встает в полшестого, работает восемь часов, в два часа уже свободен. И нанялся в Рондон: ухаживает зиму и лето за парком в пять гектаров, стрижет газон, цветочки сажает, дорожки поддерживает. Вижу, работает как следует, в поте лица. Жена помогает, когда у нее свободное время. Она работает на заводе, и, конечно, дом на ней: готовит, убирает. У него есть еще два участка земли под свой огород; каждый из них примерно пятьдесят на пятьдесят. Он их возделывает и на весь год обеспечен овощами. Да еще часть урожая продает. За пять лет такой работы он может купить дом стоимостью двести тысяч новых франков. Две его дочери прекрасно выданы замуж. Сын не хочет ничего общего иметь с землей, воображает, что у него дарование художественное, или действительно, как считают родители, оно у него есть. Словом, обучается в какой-то школе, и не в Орлеане, а достаточно далеко от него.

Задаю садовнику вопросы, которые не принято задавать. Спрашиваю, за кого он голосовал. Он помялся, затем: «Первый раз я вообще не голосовал, а второй раз все-таки голосовал за Жискара». Он мне дал понять, что Жискара, конечно, ему не очень нравится, но по сравнению с Миттераном и с Марше коверкает жизнь не в такой мере, как те. Тех он просто как авантюристов рассматривает. С мужичками надо уметь говорить. Если начать напрямую спрашивать, какое у него отношение к коммунистам, не ответит или начнет врать. Нужен наводящий вопрос: ведь вы голосовали? И все. Делайте дальше выводы сами, не нужно настаивать. Если вы будете расспрашивать, почему он против коммунистов, или говорить «да, они нехорошие», мужичок испугается, начнет что-то плести, врать. Хитрость — мужицкая черта,

мужиков веками приучили не очень-то в откровенность с барами пускаться. Так было и у нас, так, вижу, и здесь. Но умелый вопрос дает в этой области ответ полной ясности.

Садовник считает, что государство просто душит мелких предпринимателей, мелких собственников, и без обиняков говорит, что защищает свои интересы, интересы своих ближних. Я спрашиваю, верно ли, что из-за крестьянок, фермерш очень много людей отказалось от ферм и переходит в города. «Да, — говорит, — это верно. Но не только из-за них. Дети тоже имеют большое значение. Вообразите себе, что вы работаете на ферме со своими детьми с утра до вечера, а рядом на ферму, которую продали, приезжают из Парижа молодые лоботрясы. Они целый день отдыхают, купаются, в гамаке качаются, в общем, находят себе развлечения, гуляют. А ребята наши крестьянские должны вкалывать. Вот они смотрят и сравнивают». Он правильно сказал, что не одни женщины виноваты. Идет наступление города на деревню, и деревенские дела куда-то исчезают. А Церковь не поддерживает стремление к земле, любовь к земле, готовность к жертвам. Государство усугубляет это положение всякими налогами, ибо социалисты вообще считают, что крестьянство должно извести, и делают все, чтобы его извести. Так что положение фермеров тяжелое.

Садовник сказал, что сейчас нужно, если вы разводите злаки, не менее пятидесяти гектаров иметь, если разводите овощи — не менее десяти. Если вы имеете меньше, то не выдержите конкуренции: не будет возможности купить машину, обрабатывать землю на нужном уровне. С его слов получается, что мелкий крестьянин должен исчезнуть. Я делаю догадку, что речь может идти лишь о преуспевающем господаре, который работает в поте лица, но имеет со своего дела доход, сравнимый с городским. У него пара машин, зимой он может себе позволить многие вещи — в общем, это уже не прежний уровень. На прежнем уровне возможно существовать только на маленьком участочке. Если сейчас государство как будто взялось за ум и начинает идти навстречу мелким собственникам, видя, что Франция просто разоряется, что деревня в какой-то дом отдыха превращается, где живут какие-то господа из соседних городов, а осталь-

ные фермы в ней заколочены, то, может, это приведет к тому, что мелкий фермер, мелкий собственник сможет что-то делать, жить как-то.

В отношении религии садовник, конечно, *croquant mais non pratiquant*⁵⁰. Каждый раз когда его встречаю, я ему нарочно говорю: «*Que Dieu vous aide*»⁵¹. Он воспринимает это положительно, но усмехается. «Не знаю, как у вас, но у нас, — говорю, — было в России такое приветствие». — «У нас тоже так было», — отвечает. Было, видимо, но сейчас уже вышло из моды.

Все француженки, как наблюдаю, будто тяжелую болезнь перенесли. Это следствие их векового большого распутства или какое-то влияние сифилиса, который действительно во Франции был очень распространен. Какие-то они сухие, в большинстве случаев выжатые как лимон. А вот жена садовника — краснощекая, формы вполне пышные... ну, как у нас на Руси было, как наша крестьянка прежних времен. Никак не подумаешь, что ее сыну двадцать три года. Ей лет тридцать дашь, не больше. Она с удовольствием работает, у нее веселое лицо, она не хнычет. Видно, что она приходит помогать мужу не потому, что он заставляет, а потому, что считает — нужно помочь. Какая-то у них общая цель. Может, действительно от ее помощи что-то зависит. Одним словом, дружная, хорошая семья. Как-то устроились, приноровились. Во всех этих трудностях, во всем этом бедламе они находят свой путь. Остались еще настоящие французы. И этот француз хоть ушел от фермы, а от земли все-таки не оторвался.

В течение четырех месяцев — объяснял мне садовник Рондона — в больнице была забастовка, чтобы получить прибавку в два процента, примерно двадцать франков в месяц. Спрашиваю: «Как же вы эту забастовку вели?» — «Ну, конечно, у нас не страдали больные, врачи не лишали их своей помощи. Мы приходили на работу, но исполняли не все свои обязанности, например стирку отправляли в Париж». Может, еще можно вести заба-

---

⁵⁰ Верующий, но не посещающий церковь (франц.).

⁵¹ Бог в помощь (франц.).

ставку в больнице: не людоеды все-таки там, не партия коммунистов. Мой санитар никакой не коммунист, но принимал участие в этой забастовке, как и все. Может, ему было противно, своим умом хозяйственным он понимал, что это ерунда: двадцать франков в месяц прибавили, стыдно из-за этого такую забастовку устраивать. Но именно компартия создает эту разрушительную атмосферу. Так как же можно ее благодарить? Ее надо на чистую воду вывести.

* * *

Еще в Советском Союзе я видел одну западную картину. Домик, хозяин, хозяйка, сынок. Все в ультрамодерновом стиле: электрические элементы, электроника. Когда машина въезжает, перед ней открываются дверки малюсенького гаража. Сам домик очень благоустроенный. Посредине малюсенького сада пруд с электрическими рыбками, чтобы ребенок мог играть. Электрические приборы в доме, вся жизнь до предела автоматизирована. Отец — владелец какой-то фабрики, мать хозяйничает, сынок растет. В эту автоматизированную, механизированную жизнь вдруг врывается что-то иное, совсем другая струя. Приезжает дядюшка, обтрепанный, бедный, на старом-престаром велосипеде. Занят какими-то птичками. Ребенок к нему очень привязывается. Они ходят вместе в поле, у ребенка появляются живые интересы. Мать настаивает, чтобы муж пристроил ее брата на фабрике, которая изготавливает какие-то пластмассы. Дядюшку обучают одной из операций, но он не пригоден к этой работе, дает брак. Его выгоняют, и он на своем допотопном велосипеде, в старом платье прощается со своим племянником и куда-то уезжает. Ребенок горько плачет, мать тоже, отец пожимает плечами: «Я сделал все, что от меня зависело. Видите, ничего не получилось». Опять вечер, опять какие-то гости на автомашинах приехали, играют в карты и разъезжаются в определенный час. Завтра надо работать. Сынок на электрические рыбки не смотрит, что-то жалостное у него перед глазами. И на этом все кончается.

Остается впечатление ненастоящей, искусственной западной жизни: у этих людей вынута живая струна, чего-то не хватает. Как будто бы все есть, чего хочется человеку. И заработок у господина хороший, и автоматизировано, и механизировано все — время тратить не нужно, и есть друзья того же круга. Вот что такое материализм. Все до предела доведено. Никаких переживаний нет, ничего. Все гладко идет, хорошо. А вместе с тем нет самого главного, нет настоящего живого ядра.

Посмотрел я на общество в Рондоне. Такое же впечатление. Сытые, ухоженные, воспитанные люди. Люди творческого труда, у которых интересы есть; стишки пишут, рассказы, сценки сочиняют. Но нет настоящего. Говорю с ними, отвечают: «Да-да». Всё понимают. На этом все и кончается.

Рондон и эта кинокартина у меня сливаются. Они — эмблема современного западного мира. Боюсь, что его действительно не раскачаешь.

* * *

В самых последних числах августа после Рондона мы с Иссой видели две кинокартины по телевидению. Не помню, как они назывались. В одной молодая даровитая девушка из провинциального городка Новой Англии написала очень неплохой роман, сумела живо изобразить жизнь этого городка и получила письмо от издателя из Нью-Йорка: «роман замечательный, приезжайте, надо обговорить условия». Все рады. Ее мать хочет тоже поехать, чтобы ей помочь. Нет, она едет одна и попадает в лапы отпетого негодяя. Показана сила прессы. Издатель сразу начал с козырей ходить. Он прямо ей сказал, что книгу пишет не писатель, который дает приблизительную наметку, а издатель, который делает книгу. Такая установка. Ее издатель не англосакс, не славянин, не негр, а преуспевающий бизнесмен из Туниса или Алжира. Из соображений бизнеса его жена и любовница посвящены в его проделки. Девушка со своей книгой попадает в водоворот, верней, в турбину. Ее затягивает в шестеренки и начинает колошматить. Все окружающие

— секретарша, любовница, жена — не возражают против процесса обработки этой девицы, верней, ему помогают. Ей внушают, что в таком виде книга не пойдет, надо вместе с издателем ее переделать и тогда будет бестселлер. Одним словом, девчонку уломали. До шести утра они работают; видимо, она уже у него в постели побывала. Любовница и жена на это сквозь пальцы смотрят. Такой процесс производства не в первый раз. Надо делиться, иначе можно упустить деньги, а божество — доллар. Система отлаженная. Машина работает. Девчонка не пьет вина, не курит. Дорожку тебе сразу устроят: через две недели будешь пить, курить гашиш.

Тем временем издатель вытягивает у нее подноготную. Все события, которые она довольно мило описала, можно подать по-разному. Она не давала соблазнительных подробностей, не обнародовала правду. Это был мирный роман юной девушки, а не разоблачительное произведение. Зачем ей было всю грязь извлекать наружу? Нет, издатель настаивает на обратном. Он сам сидит в грязи по горло, лучше сказать, наглотался этой грязи. Его не беспокоит, что он извратил ее роман, развратил ее морально и телесно. Он — бизнесмен, передовой человек, представитель всесильной прессы. Все остальное — навоз жизни, который должен удобрять его розовую действительность и создавать его состояние в долларах. К этому все сводится.

Она клюнула, все ему рассказала. Написали они, видимо, просто омерзительную книгу со всеми омерзительными подробностями, которых она наслышалась от своих тетушек, мамушек или сама знала, как наблюдательная девица, вращаясь в этой среде. Он выкинул из книги все хорошее и оставил все скандальное, то, что следовало скрывать. Тайна личной жизни пока еще необходимость существования общества. Искоренять надо тайны политических организаций. Но зачем нужно выдавать тайну молодого человека, который споткнулся, начал воровать? Он исправился, покаялся, религиозно очистился. Зачем же рассказывать о его преступлении? Ведь этим ты его губишь. То же с девицей. С ней случился грех в тринадцать лет. Описывать ее поступок, смакуя все подробности, выносить их на свет означает опустошить ду-

шу. Негодяю бизнесмену только это и нужно: скандал, реклама. Он знакомит ее с представителями прессы, ему теперь на нее наплевать. Через месяц у него будет другая девка, другой парень, которых он будет обрабатывать соответствующим образом. Когда деньгами пахнет, книга быстро издается. Это умеют делать. И препятствий никаких нет, телевидение и радио к ее услугам. Вскружили девке окончательно голову. Она уже его любовница. И вот они имеют наглость приехать вместе в ее город.

В городе скандал за скандалом из-за разоблачений ее истории, которая, может быть, уже частично забылась и теперь на совести людей. Обстоятельства всплывают, становятся достоянием общества. А ведь это Новая Англия — пуританская провинция, которая всегда отличалась своими нравами, приличным поведением. И вдруг на тебе. Ее изобразили как притон развратников, что, конечно, совершенно неверно. Словом, дым коромыслом. Браки рушатся, жена молодого Картера истребляет в себе ребенка, ссорится с мужем, с матерью. Сын ссорится с матерью, мать этой девки тоже с ней поссорилась.

Второй муж или друг матери молодой писательницы — учитель, заведующий школой. Он, не смущаясь, никого не спрашивая, помещает омерзительную книгу в библиотеку для детей. Господи! Конечно, несколько семей, отцы города возмутились и потребовали выкинуть эту книгу. «Нет, я не согласен, это нарушение демократии, свободы» — такова его пластинка поганая, всем давно надоевшая. Решили все же его уволить. Он опять опирается на демократию: «Вы должны это провести через расширенное заседание». Сказано — сделано. На расширенное заседание с представителями всего городка являются эта девка с окаянным издателем. Ничего не поняли, что наделали. Наоборот, они считают себя чуть ли не героями: «Вот как здорово мы их присобачили».

Оказывается, никто не приглашал на собрание ни издателя, ни писательницу, они даже права не имели прийти. Почему им дали слово? Их надо было как подсудимых рассматривать. «Вы пришли. Очень хорошо. Ответьте нам на вопросы, а потом мы послушаем ваше заявление». А заявление их наглое: «Мы — носители света, а вы — источники тьмы; мы вас просвещать при-

ехали». Всё под тем же соусом демократии. Чуть что — «это не демократично».

А разве демократично в угоду доллару, в угоду своему карману потрошить нравы? И защищаться даже нельзя? Надо бы спросить издателя: «А как ваша жена смотрит на то, что вы с этой девушкой сейчас приехали и с ней спали? Как это понять?» И сказать ему: «Нам в Новой Англии это не нравится. Вы приехали ваши нравы здесь проповедовать. С точки зрения демократии вы — преступник, вы не имеете права использовать демократические свободы, набивать себе карманы и очень подозрительными вещами заниматься, которые губят Америку. Мораль у вас такая: молодежь решает, старших нечего слушаться».

Трагичные события, которые произошли из-за этой книги, не обсуждаются, вроде как все нормально. Как же так? Об этом-то и надо было говорить. Молодая женщина уничтожает свой плод, хочет развестись со своим мужем; не успели пожениться — уже развод. Одна девушка, которая тринадцать лет была жертвой, кого-то топором ударила. Вот что происходит. И развал идет под флагом, что молодежь замечательная, должна жить как-то по-особенному. Что это значит? Что она умней других? Ее хвалят, и она на седьмом небе; твори что хочешь. Учиться не обязательно, в армию тоже не обязательно, можно даже порвать свой военный билет. И всё тебе всегда простят, тебя поддержат. Ты — передовой, замечательный человек.

В итоге отстаивает добрые нравы лишь госпожа Картер, видимо образованная женщина. Но против нее все. Ни один человек ее не защитил. Она ведет защиту, как умеет. Я бы вложил в ее уста следующее: «Знаете, господа, мы не ангелы, но мы — пуританская Новая Англия. У нас, безусловно, как и у всех людей, есть свои недостатки, пороки, которые мы стараемся уменьшить, изжить. Только думаю, что у нас их было до последнего времени сравнительно немного, потому что у нас была строгость, религия, мораль. У нас не полагалось такую гадость писать и класть ее в библиотеку для нашего юношества. Если у нас были отдельные вспышки греха, то надо ожидать, что после этой книги у нас будет черт знает что. Вы — разрушители общества. Мы кое-как

сдерживаем напор вашего отвратительного безбожия, безумия, грязных целей, грозящий сокрушить нашу Америку. Мы ее создавали, мы — старый штат, мы ее выпестовали. Вы не смеете. Откуда, господин издатель, вы явились? Сколько времени вы в Америке? Почему вы разрушаете наши нравы? Почему на основании того, что вы готовы на все ради доллара, вы совратили эту девушку? И вероятно, не только духовно, но и телесно. Позволю себе заметить, что я уверена в этом. И вы имели наглость приехать сюда. Мы знали эту милую девицу. Она кончила школу, действительно имеет литературные способности. Вы ей вскружили голову. Вы написали не роман, а грязный, отвратительный пасквиль на наше общество, потому что выбрали только плохое. А у нас есть много хорошего, но вы об этом не знаете; вы никогда его знать не будете, а если узнаете, то оно вам не покажется интересным, потому что не даст вам возможности крупного заработка. То, что вы делаете, негодяйство. Вы загрязнили целый город, принесли его в жертву доллару, своим заработкам. Как вы смеете такие вещи делать?» Вот как надо было говорить этой госпоже и продолжить: «Да, при всех наших человеческих недостатках Новая Англия была честной; ей свойственны были порядочность, надежность, верность слову, чистота нравов. Повторяю, мы — не ангелы. У нас были отдельные грехи, отдельные промахи, но мы их изживали, мы с ними боролись, мы с ними не мирились. А вы действуете так, чтобы усилить здесь разврат, восстановить молодежь против стариков, которые в истории человечества были мудрыми людьми, всегда что-то делали хорошее и сохраняли многим жизнь. Вы — преступник. Я не знаю, откуда вы взялись! Вы сумели из этой грязной истории все выковырнуть, но лучше расскажите нам о себе. Сколько вы городов так разрушаете? Сколько девушек вы испортили? Как вы смеете нагло являться и еще нас учить? Мы за права человека, мы за мораль. Вы внесли своей книгой разлад в наш город, довели его до опустошения. Вы заработали хорошо на нашей крови, на наших душах».

Поведение всего города омерзительно. Большинство американцев в нем изображено как жалкое стадо бара-

нов. На их лицах написано, что они подлые трусы. Конечно, если госпожа Картер произнесла бы предложенную мною речь, то думаю, что они всколыхнулись бы и сказали: «Ну что же!» Но она уже пожилая женщина. Сказала неплохо, но недостаточно, не вложила в слова страсти. И в этом городке не нашлось ни одного человека, который бы ее поддержал. Одна сказала: «Она не блещет умом». Другой к этому прибавил, третий тоже. Глядишь, получается хор. Это уже сила. Один человек сказал не очень удачно, и его начинают клеветать. А ты скажи, что тоже не согласен: «Вы меняете нашу обыкновенную жизнь, уродуете нас». Каждый человек может в свою защиту сказать. У нас в России на мужицких сходках было больше свободы и больше демократии. А американцы этого городка позорно молчали. Это не демократы, это — рабы. Так изображены они в этом американском фильме. И правильно, может быть, изображены.

Картина очень хорошая. Показана страшная, преступная сила прессы. Никакая это не демократическая сила, никто ее не выбирал. Это — сила трестов, сила денег, которые взялись за самое страшное. Надо было кому-нибудь из жителей городка сказать издателю: «Я не прочь, чтобы вы зарабатывали деньги. Поезжайте в Аляску, открывайте нефтяные прииски. Так вы будете создавать какое-то богатство народа, населения. А без этого вы наживаете деньги на наших нравах, сеете распутство комиксами, всякой гадостью, омерзительной порнографией. Теперь вы взялись наш город разрушать, да не только наш. Этот бестселлер для всей Америки. Из молодежи вы делаете ударный отряд штурмовиков, чтобы разрушать Америку».

Кинокартина эта 1963 года. Значит, пятнадцать лет тому назад mass media, в том числе печать, уже имели громадную власть, уже начали действительно царить и господствовать.

Другой картиной был французский детектив. Картина недавняя, семьдесят пятого или семьдесят седьмого года. Связались обе картины, конечно, совершенно случайно.

Передовые господа издатели в Америке развращают Новую Англию, а во Франции, не в шестьдесят третьем, а еще раньше, уже лет сто — сто пятьдесят назад, началось разрушение нравов. Плоды просвещения — в Америке, в теперешней Франции, в любой западной стране. Одно дело Новая Англия, другое — Нью-Йорк. Нью-Йорк, наверное, десять очков всем даст, в том числе и Парижу. Так что можно считать, что это международная картина. Не думаю, что телевидение сообразило и связало эти две картины. Чистый случай, но удачно как-то получилось. Для нас был наглядный урок: действительно плоды просвещения. Господа издатели провели свою работу, ниву вспахали, взборонили ее своими книжками, и вот теперь смотрите, что получается. Перед нами троица: два парня и девка, которая хуже их обоих и спит с ними. Негодяи; пробы на них ставить негде. Преступники, наркоманы, наглецы. Шприц, морфий, нюхают всякую гадость, пьют, вооружены, конечно. Уже не люди они — скоты. Стрелять их надо как бешеных собак, если попался к ним.

У маленького человечка, чиновника полиции, смешное в ней положение. Он вроде нашего человека в футляре: аккуратный, знает свое дело. В пьяном наркотическом чаду эти негодяи решили взять его в заложники. Таким образом, они и террором занимаются, и вымогательством. На все готовы. У них только такая оценка: удобно убить его сейчас или нет. «Ага, давай его возьмем, вроде обстановка подходящая». Инстинкт у них как у кошки или тигра: броситься на свою жертву.

Чиновник полиции идет мирно по улице, негодяи подло хватают его сзади, крутят ему руки, закрывают рот. Смотришь на них — плевать хочется, а рожи ничего, не дегенеративные. Приготовили их господа западной печати, издатель, ставший американским супермиллионером за свои книжки. Комиксы дают огромные доходы, порнография тоже. И это не запрещается. Хорошие посевы взошли. Спасибо. Развлекайтесь. Вот что вы получили.

Правда, ввоз и продажа наркотиков еще рассматриваются как преступление. А почему всю эту гадость не подвести под преступление? Почему поведение этого из-

дателя, с позволения сказать, охраняется всеми законами, и чуть что — получается, что вы выступаете против свободы печати? Как же так? Свобода должна быть для блага людей, а не для насаждения какой-то мрази и распутства; свобода не для разрешения преступления. И в результате появляются «замечательные» молодые люди, которым старики не указ, морали для них нет, капитализм для них плох. Правда, в соцлагерь они не очень хотят ехать. Хиппи тоже не в Советский Союз едут, а разлагают страну, сидя у фонтана в Риме или у канала в Амстердаме.

Демократия хлопает ушами, вся демократия — болтология, а ведь прежде всего надо бы законы принять в защиту морали. Но богачи хотят на народном несчастье еще богаче стать. Нет, извините. Народ должен охраняться законами. Хороший закон определяет рамки, в которых ты можешь проявлять свою свободу, а коль вышел за эти рамки, все к черту летит. Почему надо порнографию разрешать? Это же распутство, нарушение нравственности. Почему не издать закон, запрещающий порнографию? Двадцатый век произвел столько исторических изысканий, вскрыл историю целых цивилизаций, выяснил, что сорок из них погибло. Почему же мы повторяем их историю, их путь? Почему не воспрянуть духом, начав новую осцилляцию мира-маятника⁵²? Мелкие людишки во главе государств стоят. Каждый из них думает о себе: четыре года у власти, и все; больше ему ничего и не нужно.

* * *

Священник из Сен-Илера — человек интересный. Он был преподавателем в Париже, руководил занятиями в семинарии, достаточно известен в Орлеане, но сменил свои преподавательские доспехи и стал кюре в небольшом сравнительно селении, где две тысячи человек все-

---

⁵² «От людей доброй воли всех стран земного шара зависит предотвратить гибель человечества и не дать остановиться миру-маятнику». (Д. П а н и н. Мир-маятник.)

го, а заодно взвалил на свои плечи обязанности *auto-piété* — тюремного священника.

Сам он из буржуазной семьи, но его жизнь теперь такова, что все время общается он с людьми бедными, выброшенными из жизни, с ворами. «Их доля и состояние, — сказал он, — стали очень для меня близкими и понятными». А потом мне рассказали, что он почти все свои деньги отдает на этих бедняков. Он утверждает, что многие из них зарабатывают даже меньше, чем гарантирует SMIG⁵³. По выходе из тюрьмы им трудно устроиться на работу, и они снова начинают воровать. Поэтому нередко в тюрьме происходят самоубийства, чаще всего вешаются. Здесь ничего не поделаешь. Такая уж жизнь людей слабого или преступного уровня.

Я задал кюре несколько вопросов, дал ему мою статью «Спасти нашу веру»⁵⁴. Он мне сказал: «Я, конечно, не прогрессист. Веру принимаю без всяких колебаний и катехизис — тоже без всяких искажений, но новости века требуют каких-то изменений. Мы не можем прежний катехизис совершенно точно передавать». — «Хорошо, — говорю, — но вы не искажаете образ Христа, образ Богородицы?» — «Нет, конечно, этого я не делаю. Но нет больше необходимости ставить ударение на догматах, которые нас отличали от протестантов. Теперь, поскольку острота прошла, мы можем сближаться с протестантами».

Он дал мне некоторые энциклики⁵⁵ Иоанна XXIII и Павла VI и брошюру «*A tous ceux qui souffrent et luttent pour la justice*»⁵⁶, написанную в семьдесят первом году пятнадцатью епископами третьего мира. Восемь из них из Бразилии, Колумбии и Океании. Программа епископов целиком пропитана борьбой между бедными, слабо развитыми странами и богатыми странами, которые их эксплуатируют. Бедные и богатые. Бедных надо уравнивать

---

⁵³ SMIG — *salairе minimum garanti* (франц.) — минимальная гарантированная зарплата.

⁵⁴ D. P a n i n e. *Sauvegarder notre foi* — Le Choix, 1977, № 3-4.

⁵⁵ Энциклика — окружное послание Папы Римского ко всем католикам по вопросам вероучения.

⁵⁶ «*Всем, кто страдает и борется за справедливость*» (франц.).

с богатыми — к этому можно свести содержание брошюры епископов. «Добиться социального равенства», бороться против «великих мира сего», «французская революция дала хорошие плоды», «есть необходимость в революциях» (имеются в виду, конечно, социальные революции). Авторы подчеркивают, что есть революции, которые делаются в пользу богатых, но это не те революции, которые нужны. А вот социальные революции Церковь должна поддерживать. Есть революции против греха в пользу милостей и революции против эгоизма в пользу любви.

«Наша Церковь не хочет быть связанной с империализмом денег». А с империализмом красным, империализмом желтым, с империализмом Вьетнама и Камбоджи она должна быть связана? Почему об этом вы не пишете, епископы? Только потому, что вы принадлежите к этим государствам? Тогда это чисто политический документ. При чем тут епископы? Такую вещь могли написать не епископы, а работники компартии. Какое отношение имеют деньги и империализм к Церкви? Основные задачи Церкви — заботиться о преобладании духовности, защищать духовные ценности, сеять благородные нравы, высокую мораль, честность, благородство. Церковь должна научить людей вере, сохранять верность догматам, требовать морального поведения от своей паствы и обличать страшные вещи века, в нашем веке — марксизм, безбожие, нацизм, расовое истребление людей, терроризм. Вовсе не значит, что она должна вмешиваться в синдикалистскую борьбу и устраивать забастовки. Совершенно не нужно Церкви превращаться в какое-то дополнение к профсоюзам и политическим партиям. Это чужь. Это искажение занятий Церкви. Это нужно марксизму, чтобы взорвать Церковь изнутри. Епископы говорят, что Церковь была связана путами с империализмом денег и теперь ей надо их развязать. Думаю, что это вранье. Церковь находится в мире, она обслуживает как бедных, так и богатых. Еще вопрос, дают ли богатые ей больше денег, чем бедные, потому что бедных много, а богатых мало и бедные часто бывают более милостивыми, более щедрыми. Утверждения епископов надо еще

доказать с помощью статистики. Ничего в документе не доказано, чистая агитация.

«Церковь всегда отбрасывала старые системы. Она отбросила Римскую империю, потом феодализм, теперь капитализм отбрасывает». О том, чтоб отбросить социализм, который Церковь задушит, они не говорят. Какие-то лжецы.

«Нужно сотрудничать с лучшим строем, более приспособленным». Где этот лучший строй? Ведь надо раньше доказать, что он лучший. Неужели строй, который уничтожил двести миллионов человек, лучший? Чем он лучший? Он более милосердный? Неужели власть денег хуже власти над человеком, над его жизнью, когда он теряет всякую способность к свободе, к передвижению, к выражению своего достоинства? Неужели гроши, ради которых все это делается, оплачиваются ценой жизни? Только безумцы такие вещи могут писать или лакеи марксистской системы.

«Епископы, священники должны быть верны народу. Если народу тяжело, они должны с ним остаться, никуда не уезжать, если случилось несчастье». Верно, но это не является общим правилом. Если происходит уничтожение священников, епископов, кому-то, может быть, нужно уехать, чтобы мобилизовать внешние силы, но остальным надо в подполье уйти, а не оставаться, как рябчики, на виду. Верно, что покидать народ не надо, но надо с ним вместе вести борьбу с новым режимом, а не ему служить и подводить народ. Этот вопрос — самый больной, но епископы его не затрагивают. Господа, которые подписали этот документ, — первые холоуи именно коммунистических террористических режимов.

Красной нитью проходит: «Отдай, падло, богатство! Раздели его, уравни!» Вот что их трогает больше всего. Они написали партийный цитатник, только приводят цитаты не из Маркса, не из Ленина, а из Евангелия, из Священного Писания. Им важно схватить чужие деньги, иметь их в своем распоряжении, а то, что из них ничего не достанется беднякам, так уж, Господи! На этом все построено. Кстати, господа из Лаоса, Китая, Югославии, Алжира, подписавшие этот документ, уж во всяком случае знают, что бедняки от этого не выигрывают, а выигрывают партийные бонзы, захватывающие власть в

свои руки. Бедные, судьба бедных, нужны им, только чтобы захватить власть. Если среди этих слепцов есть хоть один честный человек, который заблудился, то надо прямо сказать, что он — осел и ничего не понял ни в истории, ни в природе режимов этих стран; его просто в ловушку поймали.

«Христианство солидарно с теми, кто строит более справедливое общество». Опять чисто марксистское жало. Если вы построили более справедливое общество, то настоящая христианская Церковь не будет вас изобличать, не будет против вас бороться, мобилизовать против вас верующих. Если вы без террора, обмана, безбожия, совращения людей достигнете более высокого общества, исполать вам. Зачем Церкви действовать против такого общества? Она согласится с ним и даже будет помогать людям напутствием и говорить: «Да, действительно, эти люди хотят добра, они ничего плохого не делают, они никого не убивают. Поддерживайте, пожалуйста, их». Если имеется в виду другое, социализм и коммунизм и вся отвратительная мышеловка, в которую загоняют людей, если Церковь такому режиму помогает, то это не Церковь, а служители дьявола, которые забрались в Церковь и под видом церковных служителей подводят и предают свою паству.

«Церковь должна радоваться появлению лучшей социальной системы, близкой к методам христианства». Прекрасно, если мы действительно достигнем такого общества. Предлагаемое мною Общество Независимых представляет собой и более справедливое общество, и дорогу к Царствию Божию на земле, и никого оно не калечит и не убивает, сохраняет законы, мобилизует людей, их благородство, соединяет людей благородного духа. Церковь может рекомендовать и мою «Политэкономии на энергетической основе»⁵⁷, и «Общество Независимых», поскольку оно не требует нарушения свободы, террора, а достигается путем мирной экономической борьбы и подымает уровень благосостояния. При этом оно ставит трудные задачи перед самой Церковью, потому что, если люди становятся очень богатыми и жизнь

---

⁵⁷ В кн.: Д. Панин. Теория густот.

повышается, у них появляется стремление к каким-то диавольским проказам. Христианская Церковь как раз должна поддержать такое общество или другое, еще более совершенное, если завтра, скажем, в Перу кто-нибудь его придумает. Только Церковь не должна играть роль партийной, революционной, коммунистической, террористической организации, не должна быть ни профсоюзом, ни партией, ни заговорщическим центром, ни хранилищем оружия. Она должна мудро, справедливо оценивать действия всяких партий, осуждать и шельмовать все античеловеческое, то есть все антихристианское, антибожественное, и поддерживать все хорошее. Вот ее назначение.

Чтобы уж совсем не заподозрили епископов в том, что они агенты-коммунисты, они сказали так: «нечеловеческий феодализм, капитализм, империализм и тоталитарные режимы с атеизмом...». Слово "коммунизм" они не употребили. Но поскольку неудобно было не упомянуть ни разу во всей этой брошюре коммунистические режимы, они о них сказали в этой нежной форме.

Один из епископов говорит, что продавать труд не нужно; это — рабство. Труд — часть самого человека. Если человек продает труд, он продает самого себя и превращается при этом в раба. Но это ведь из «Капитала» Карла Маркса!

И опять: «Бедные должны полагаться на свои силы, а не на богатых». Богатые и бедные вроде как какие-то акулы и рыбы, которых они пожирают. Они совершенно несоединимы, исключительно враждебны. Хотя епископы реверанс делают, что им не нужна классовая борьба, но фраза о том, что богатые и бедные непримиримы, что богатые сосут кровь у бедных, целиком отражает классовую борьбу. Епископы, ставшие вдруг марксистами, — враги рабочего класса, враги человеческого общества. До чего же докатились священнослужители, вот как католическая Церковь обветшала! Снова тащат они марксистские тезисы. Прямо из Маркса, адрес не надо указывать: «Бедные должны соединяться с бедными, потому что богатые уже соединились, они производят эксплуатацию, а третьему миру необходимо освободиться от эксплуатации. Необходимо, чтобы религия не была опиумом для народа». И далее: «Церковь призывает, чтобы

богатые сами делились [своим богатством. — *И.П.*]. Что значит «делиться»? Надо же арифметику знать. Если начать делиться, то по нескольку песет, по нескольку франков выйдет на человека. Ты разделишь, и твои заводы надо тогда закрывать. Вся эта демагогия нужна для того, чтобы ограбить богатых, взять деньги и власть в свои руки. А потом беднякам покажут кузькину мать, как это было во всех странах, где марксистский режим утвердился. «Власть должна насильно отбирать у богатых и разделять [их богатство. — *И.П.*] с бедными». Насчет «отбирать у богатых» — это мы знаем; коммунисты только этим и занимаются. А вот насчет «разделять с бедными» — это для бедняков пока сказано. А дальше, когда коммунистическая власть действительно возьмет все в свои руки, ясно, что бедняки, кроме кабалы, ничего не получают.

«Церковь для бедных» представляет собой проникновение в Церковь марксизма, признание того, что марксизм все-таки прав. Но ведь и бедные и богатые — сыны Божии. Христос не выбирал бедных и богатых. Матфей, быть может, был богатым, ведь он был сборщик податей, а сборщики наживали всегда себе большие богатства. Но Христос его выбрал. Все остальные евангелисты тоже не были бедными. Все они были рыбаки, а рыбак — хозяин своего дела; у него лодка, снасти. Христос выбирал людей труда, людей энергии, людей умных, рассудительных, стойких, а из какого они были сословия, совершенно не имело для Него значения. К Нему и богатые люди приходили. Помните, Он ведь не отогнал богатого юношу, который к Нему пришел, а сказал ему: пожалуйста, приходи ко мне, но так, чтоб над тобой не довели богатства твоего отца; отвяжись от них. Приходи ко мне, чтобы быть моим настоящим учеником.

К сожалению, епископы в своем послании используют и цитаты из Павла VI, который ратует за то, «чтобы не было эксплуатации» (само слово целиком определяет марксистскую тенденцию). Павел VI, оказывается, прямо говорит: «Надо производить экспроприацию, спекуляция унижительна, с ней надо покончить». Что значит спекуляция? Нормальная торговля, которую надо отдать в руки государства? Ясно, что будет дальше. В эн-

циклике «*Populorum progressio*»⁵⁸ Павел VI считает, что «те, кого эксплуатируют, должны соединиться для защиты *justice*», то есть правоты, справедливости. Следовательно, они должны вести остервенелую борьбу с теми, кто, по их мнению, их эксплуатирует. Из цитат можно устроить любое сочинение, объяснить все что угодно, если их вырвать из контекста. И епископы договариваются до того, что должно быть создано международное государство из всех стран, которое произведет экспроприацию и перераспределение богатства. Затем тотчас они сделают вывод, что все иностранные фирмы, конечно, надо национализировать. Вот на какую приманку ловят бедные народы третьего мира проповедники «Теологии освобождения»⁵⁹. Одним словом, коммунистическая программа вколачивается в головы малоразвитых стран, малоразвитых людей.

Дальше говорится о необходимости профсоюзов. Папа Лев XIII в «*Regum novarum*»⁶⁰, первой современной энциклике социальной мысли, говорил о профсоюзах, но только о профсоюзах христианских, неполитических, которые действительно преследуют экономические цели, необходимые для рабочих. Эти христианские профсоюзы были вроде наших зубатовских профсоюзов. Лев XIII считал, что профсоюзы надо создавать для защиты бедных и советовал рабочим объединяться для совершенно необходимой борьбы с оголтелыми предпринимателями. Епископы же под профсоюзами имеют в виду коммунистические профсоюзы типа CGT: разрушай частные предприятия и забирай все в свои руки! Но, конечно, припев следующий: богатые ведут войну с бедными, поэтому бедным надо объединяться, и тому подобное. Ясно

---

⁵⁸ Прогресс народов (*лат.*).

⁵⁹ Теологическое и пасторальное движение, известное под именем «Теологии освобождения», началось в 1968 году сначала в странах Латинской Америки, а затем распространилось в другие регионы третьего мира и в определенные круги промышленно развитых стран. Папа Павел VI одобрил «Инструкцию» 1984 года кардинала Ратцингера, направленную против «Теологии освобождения», но не осудил это течение *ex cathedra* (с Папского престола).

⁶⁰ О новых вещах (*лат.*).

видна коммунистическая кухня, на которой все это было приготовлено.

В третьем мире мы возвращаемся как бы к истоку девятнадцатого века, к тому времени, когда марксизм родился. В начале девятнадцатого века его постулаты справедливо принимали за чистую монету. Сейчас накопился слишком большой опыт дачи марксистских обещаний, и ясно, какой страшный вред они приносят людям.

В третьем мире я не был. На Ближнем Востоке был лишь в Израиле, который к третьему миру не относится. Но что мне даст нового, если я поеду в Южную Америку и увижу огромное имение, а рядом крохотные участки? Я не скажу жителям: «Идите по пути марксизма, хватайте, грабьте, делите», потому что мы уже знаем, к чему это приводит. Ведь если так должно бы быть, тогда и Христос, и Апостолы Павел и Петр, и остальные апостолы боролись бы прежде всего за уничтожение рабства. Но Апостол Петр и другие апостолы говорили так: «Рабы, подчиняйтесь своим господам, служите им по-хорошему, а не из-под палки». Если есть неравенство (а оно всегда будет), несправедливости, то людям следует помогать путем исправления их нравов и методов их борьбы. Надо создать большое количество людей доброй воли. Это задача Церкви.

Когда начался капитализм и капиталисты действительно почувствовали полную власть, с господством дворянства было покончено или, во всяком случае, дворянство было очень ослаблено. Церкви надо было вмешаться, когда капиталисты начали действительно производить дикую, жестокую эксплуатацию, вести войну, скажем, с чартизмом и позже, когда были еще остатки отношений капиталистов и рабочих того времени. Но Церковь не обличала, не спрашивала с амвона, почему патрон заставляет чуть не по восемнадцать часов работать людей, почему женщины и дети работают ночью. Если люди устроили хорошее объединение, организовали забастовку, не ломают машин, а все у них чинно, благородно, Церковь должна их поддерживать. Но если начинается уничтожение и избиение людей, то Церковь должна вмешаться, осудить эти действия. Такая Церковь прекрасна, и она была нужна всегда. В Средние века Папа

осуждал действия королей, рыцарей, вельмож, и надо было так продолжать и во времена капитализма.

Можно сделать общий вывод для католической Церкви: какой Папа, такие и священники. Был бы сильный Папа, и этот юре был бы замечательный, повторял бы точно, что требовал Папа для настоящей Церкви. Поскольку Папа туда-сюда, то и у священника, хорошего священника, может даже замечательного по сравнению с другими, тоже какие-то отклонения.

Об интерпретации евангельских текстов епископы говорят следующее: «Евангелие есть фермент мутаций в Церкви и вне ее». Это, вероятно, взято у Павла VI, он же взял у своих учителей⁶¹. Это самая страшная вещь, которая, конечно, нарушает догмат Церкви о Петре-камне. Раз мутация, значит, изменение. Этим мутациям надо бы предел показать. А если ты как Папа мутации хочешь проводить, проводи их ex cathedra, то есть обоснуй и докажи.

Я стал говорить священнику, что Церковь должна быть крепкой. Сказано «камень», и нельзя меняться, нельзя от Церкви требовать какого-то разнообразия. Раз «камень», у Церкви должна быть твердость, руководство должно быть твердым, а не «делай что хочешь». Он говорит: «Да, так-то так, но в этом месте Евангелия слова Христа: ты неводом будешь рыбачить, то есть как бы ловить людские души». Во-первых, это сказано совсем в другом месте и при других обстоятельствах, и одно никогда не надо накладывать на другое. Сказанное о Петре-камне⁶² представляет собой основное требование к Петру и к его преемникам, основное требование к Церкви. «Я сделаю вас ловцами человеков»⁶³ относится, безусловно, не к одному Петру, но ко всем апостолам, ко всем ученикам апостольским. Семьдесят учеников, кажется, Христос направил проповедывать слово Божие и действительно уловлять людей. Это совсем другое дело. Ловить надо уметь, надо быть гибким, и уловление

---

⁶¹ Д. Панин имеет в виду главным образом влияние французского религиозного философа неомистской ориентации Жака Маритена (1882 — 1973).

⁶² Евангелие от Матфея 16:18.

⁶³ Евангелие от Матфея 4:19.

вовсе не дело Папы, преемника Петра. Уметь улавливать души должны миссионеры, первосвященники, которые должны быть тверды в догматах, в вероучении и не делать никаких скидок своей пастве.

Далее кюре сказал следующее: «Я, конечно, не марксист. Марксизм — это безбожие. Но не могу поддерживать богатых, потому что они создают сейчас фундамент для марксизма». Он сослался на Южную Америку, где богатейшие земельные собственники, а у других вообще ничего нет. «Такое положение приводит к торжеству марксизма». Верно. Со всеми безобразиями века с точки зрения Евангелия должна вестись борьба. Все злоупотребления, имущественные и другие, должны быть осуждены Церковью; как она судила раньше, так должна судить и теперь. Но из того, что они существуют, не следует, что надо самим становиться марксистами. Марксизм надо разоблачать, вскрывать его истинное лицо и настоятельно требовать от Церкви, чтобы была предоставлена возможность людям предлагать и защищать более совершенное общество. Если рядовые священники испытывают нужду в более совершенном обществе, почему же католическая Церковь не бросает зов о создании положительного общества, почему этим занимаются только Папы, обнародуя всего по нескольку энциклик за столетие? Я как раз все время толкую о насущной необходимости более совершенного общества. Из данного разговора я получил подтверждение, что мое Общество Независимых или другое общество, которое еще лучше, жизненно необходимо.

Все мы говорим, что Запад погряз в материализме. Церковь должна вмешиваться во всех случаях, когда материальная сторона жизни пережестилась и происходят страшные несчастья или когда сама материальная жизнь начинает губительно влиять на духовную сторону жизни. Но не дело Церкви обслуживать людей в вопросе повышения минимальной заработной платы, заботиться, чтобы у кого-нибудь вместо двух автомашин стало три, а кроме холодильника, появилась бы и стиральная машина. Это дело профсоюзов, самих людей, а Церковь должна только сеять нравственность, мораль, иметь правильный взгляд на вещи, на жизнь.

Я прочел об этих епископах, с позволения сказать, и вижу, что их усилия направлены на то, чтобы Церковь погрязла в материальных вопросах. Грубейшей ошибкой Церкви было бы пойти на поводу у них. Сбудется тогда предсказание Достоевского о том, что социалисты и католики объединятся. Только ради чего? Социалисты — для того, чтобы руками католиков уничтожить Церковь, а католики вроде для того, чтобы поднять уровень жизни. Но он и без Церкви поднимается. Во Франции уровень жизни увеличился за двадцать пять лет в два с половиной — три раза. В Средние века уровень жизни был, наверное, в десять и десять раз ниже, чем сейчас, но материальные вопросы не занимали умы ни людей, ни Церкви. Управляла людьми духовность, и эта огромная духовность создала колоссальный запас духовных сил, сделавший возможным расцвет христианства, расцвет мысли и нравов. А сейчас идет, наоборот, удушение христианского мира, высоких идей, высоких стремлений.

Основная задача Церкви — борьба с безбожием и марксизмом как опорой безбожия в нашем веке. На это должны быть обращены ее силы, это должен быть ее вклад в наш век. Как только Церковь погружается в материальные заботы, она погружается в марксизм и не может уже бороться против него по-настоящему. У нее уже нет логических оснований для этой борьбы. Марксисты поставили страшную ловушку для Церкви, и, к сожалению, Церковь в эту ловушку попала. И Папа Павел VI — пример, образчик того, как даже высокие люди Церкви могли не избежать этой ловушки. Что ж тогда требовать от маленького человека, когда опять первородство променяли на чечевичную похлебку? Вместо того чтобы вести борьбу с безбожием, с марксизмом, со всякими искажениями, с ересями, в частности с искажением догматов, Церковь пошла на уступки, проявила слабоумие, растворилась в материальных вопросах, послушалась гнилых философов. Вот она чечевичная похлебка! А что Церковь приобрела? Развал, слабость, внутреннее нарушение догматов, нарушение строения Церкви, ее крепости, ее силы. Разрушены монашеские ордены, и совершенно не ясно, что же выиграла Церковь, что она имеет, во что она превратилась. Церковь

должна вести идейную борьбу в области духа, борьбу за души людей, за их моральную крепость, а вовсе не руководить профсоюзами. Все сказано было уже Львом XIII, ничего изобретать и придумывать не приходится. Создавайте христианские профсоюзы, говорил он, боритесь с нехорошими предпринимателями за свои экономические интересы, за свое достоинство, но ни в коем случае не превращайте эту борьбу в политическую игру, не превращайтесь в рабов партии, отстаивайте только совершенно необходимые вопросы, в которых вы ущемлены. Недопустимы низкие заработки. В этом вы уверены и решаетесь на борьбу. Но если вы начинаете эту борьбу превращать в политические комбинации, вы отходите от задач Церкви, ваши профсоюзы становятся красными.

* * *

На энциклику Павла VI «*Populorum progressio*» ссылаются несколько раз пятнадцать епископов и пытаются изобразить ее как источник их вдохновения. Я выбрал все их ссылки и должен сказать, что, к счастью для Римского престола, Павел VI оказался достаточно осторожным. Однако есть места, которые на руку левым партиям. «*La terre est donnée à tout le monde et pas seulement aux riches*»⁶⁴. Верно, конечно, но фраза стандартная, из тех фраз, которые употребляют епископы. И не дело Папы заниматься экономическими вопросами. Апостолы ими не занимались. «*...jamais plus de guerre, à bas les armes*»⁶⁵. Рано так заявлять, когда треть человечества под ярмом поработителей и коммунистические системы наметили порабощение всех остальных народов. И это тоже не дело Папы.

В своем восемьдесят первом послании Папа пишет о том, что реформы должны производиться в духе евангельских истин: «*Des changements sont nécessaires, des réformes profondes indispensables. Ils doivent s'employer*

---

⁶⁴ Земля дана всем, а не только богатым (франц.).

⁶⁵ Пусть никогда больше не будет войны, долой оружие (франц.).

résolument à leur insuffler l'esprit évangélique»⁶⁶. Такие утопические фразы не следовало бы Римскому Папе бросать в мир. Кликнуть клич такой для католиков, к тому же католиков южноамериканских, равносильно развязыванию герильи и террора. Такой сигнал в помощь террористам и на руку епископам, говорящим в параграфе семьдесят восьмом об общенародном государстве, которое должно начать равнять, выравнивать, отбирать блага, делить их. И получается, что Папа Павел VI в значительной мере ответственен за беспорядки, которые происходят в южноамериканских странах.

Энциклику Павла VI «*Humanae vitae*» я прочел во французском переводе, где она была названа «За человеческое общество». В ней дается право свободы человеку, христианину, католику. Беда Павла VI, что он стал рабом гуманизма. Ему кажется, что человек — вершитель всех дел. Творцов на всем земном шаре очень немного. На самом деле человек — пешка, которая находится в руках всяких организаций, объединений, мафий. Церковь обязана быть пастырем, пастухом стада людского и не имеет права снимать с себя этой обязанности. А через всю эту энциклику проходит мысль, что Церковь дает право решать вопросы самим католикам: руководствуйтесь учением Церкви и ее социальным учением. Но нельзя рассчитывать на энциклики столетней давности. Католики, которые занимаются в Южной Америке терроризмом, а в Африке террором, по-своему преломили эту социальную энциклику Церкви. Рядовой человек не умеет сам руководствоваться догматами. Это трудно, это задача Церкви. А если поставить вопрос, как его поставил Павел VI, то Церковь не нужна. Есть Евангелие, и рубай по этому Евангелию. Но это уже протестантизм. Капитализм по протестантской дорожке пошел, и получилось,

---

⁶⁶ Изменения необходимы, глубокие реформы неизбежны. Их следует решительно исполнять, чтобы вдохнуть в них евангельский дух (франц.).

что работали в шахтах дети и женщины. Вот как был решен социальный вопрос.

Павел VI говорит о социальном учении Церкви, следовательно, оно существует. Но, по сути дела, вместо социальной энциклики Церкви существуют лишь христианские профсоюзы и право на забастовки. Не надо забывать, что Церковь должна способствовать завоеванию Царства Божия на земле. Павел VI говорит, что Церкви трудно дать заключение, которое имело бы «всемирное значение»: «Telle n'est pas notre ambition ni même n'est pas notre mission»⁶⁷. Раз это не задача Церкви, получается, что каждый человек в своей стране должен действовать по-своему. Это приводит к развалу и Церкви, и католичества, и веры. Павел VI этой энцикликой, в сущности говоря, толкает людей на выбор пути, который им может показаться правильным. Перед ними открытая дорога к совершенно недозволенным средствам и ненужным целям.

Задача Римской Церкви — охранять догматы, верование, преподавать правильно катехизис, насаждать вечную мораль, воспитывать юношество, детей и руководить католиками в течение всей их жизни. Об огромной задаче Церкви, подготовке благородного строя души, Павел VI не говорит. А это самое главное. Без благородного строя души Царствие Божие на земле никогда не будет достигнуто.

В энциклике сказано, что «la question sociale est devenue mondiale»⁶⁸. Если социальный вопрос стал мировым, то Церковь должна засучив рукава им заниматься. Во всяком случае, она должна требовать от католиков новых предложений. Павел VI говорит, что Церковь поддерживает людей в их усилении взять в руки свое будущее. Для этой цели надо бы Церкви готовить людей доброй воли, которые должны иметь направление, план, действовать в ее силовом поле. Но такой огромный вопрос, как подготовка людей доброй воли, совершенно

---

⁶⁷ Не это наше устремление, и это даже не наша миссия (франц.).

⁶⁸ Социальный вопрос стал мировым (франц.).

опущен Церковью. Церковь по мере сил и возможностей должна давать общие, принципиальные указания людям в их стремлении к лучшему обществу. Это не значит, что она должна заниматься преобразованием общества. Церковь должна быть скалой, камнем, иметь свои постоянные задачи. Но в наше время социальные вопросы перерастают вопрос бедности и богатства и превращаются в сатанинский инструмент в руках диаволистов. Церкви приходится следовать за развитием жизни, и в силу ее усложнения она вынуждена сегодня накладывать на верующих новые обязанности.

В энциклике правильно затронут вопрос урбанизма. В ней сказано, как он искажает жизнь людей, дает большие возможности для развития преступлений, наркомании, сексуальных извращений. Анонимные коробки в городах — страшная вещь, для Церкви — вещь новая. Города были всегда, но с малоэтажными домами и не внушали ужас, как сейчас. Основной фактор, который создает урбанизм, — массовое, безудержное, безумное увеличение человечества. Правильно оценивает Папа роль демографического роста, особенно в молодых странах. Поскольку он касается здесь вопроса расы, видимо, надо было высказаться более определенно о демографическом взрыве. Аборты невозможны, это — убийство. Противозачаточные средства тоже осуждаются Церковью, хоть не совсем понятно почему. Может, потому, что пиллоли приводят к каким-то перерождениям. Ускорить бы научный поиск в этой области! В энциклике надо было либо не касаться вопроса демографического взрыва, либо более ясно сказать свое мнение о нем, о том, какие меры в отношении него Церковь полагает правильными, какие осуждает. Прятаться от этого взрыва невозможно: люди начнут есть друг друга. Сказать просто, что урбанизм плох и надо его улучшать, это ровным счетом ничего не сказать.

Далее в энциклике прямо из марксистского арсенала: богатые должны делиться с бедными, свое добро давать другим. Благотворительностью называется проявление у любого человека движения души, доброго чувства, побуждающих его делиться своим имуществом. Христианство настаивает на благотворительности, марксизм — на грабеже. В этой энциклике человека обязывают делить-

ся. Но это не христианский подход. Когда человека надо принудить, а если он не подчиняется, заставить — это уже идет по линии марксистских штучек.

Все время в энциклике под влиянием марксизма говорится, что с одной стороны — богатство, с другой стороны — бедность. Проблема не в этом. В Обществе Независимых можно всех сделать богатыми, поднять настолько материальный уровень, что бедность будет желательна. Люди будут бежать от богатства, уходить в бедность. Проблема не в том, чтобы из бедняков сделать богатых, а в том, как душу сохранить при богатстве.

Рядовой человек, на которого со всех сторон обрушиваются потоки лживой информации, должен сам в этой сумятице выбрать из могучего арсенала Церкви то, что ему кажется правильным. А если он будет не из арсенала Церкви выбирать, а из того, что ему подсказывают террористы и всякие марксисты? Так оно сплошь и рядом происходит.

В энциклике дается такая рекомендация: каждый христианин сам должен знать предел, уровень, на котором он может следовать за социалистами. Подчеркивается, что социалисты — безбожники. Но пределы следует обозначить Церкви! Она должна указать, до какого предела можно иметь дело с социалистами, которые не являются разрушителями (если есть такие социалисты).

В октябре 1976 года Павел VI прямо сказал перед тридцатью тысячами паломников, что марксизм — это безбожное учение, которое противоречит христианству. В рассматриваемой энциклике такого категорического указания, к сожалению, нет. Церковь разрешает сотрудничество с марксистами, но с некоторой осторожностью. Как можно сотрудничать и при этом проявлять какую-то осторожность?

Если пишется социальная энциклика, то она должна уточнять, как каждому христианину себя вести. Тогда она выполнит свою задачу. Например, в энциклике сказано, что забастовки привели к образованию католических профсоюзов. В начале их деятельности в них было много рабочих, но потом они были разрушены коммунистическими профсоюзами и теперь почти не существуют. И надо было сказать в энциклике, почему их разрушили, а не советовать: делай сам, что хочешь. Папа, ко-

нечно, говорит, что политические цели не должны преобладать над экономическими, что профсоюзы, которые занимаются политическими целями, нежелательны, что они не выполняют своих задач. Но, к сожалению, об этом вскользь, а надо было противопоставить современные профсоюзы, особенно такой коммунистический профсоюз, как CGT, христианским, католическим профсоюзам.

Путано подходит Павел VI к вопросу о месте женщины в обществе. С одной стороны, он прямо заявил, что дискриминация недопустима, а с другой стороны, делает оговорку: мы не имеем в виду неравенство естественное, которое существует, создает хорошую семью, хорошее потомство и так далее. Если верно, что в семье у каждого особые цели и задачи, то и права от этого особые, и это не дискриминация. Не надо путать карты. Дело Церкви — защищать семью, детей, юношей, давать им хорошее воспитание, и Церковь должна противодействовать всему, что этому мешает. Конечно, если незамужняя женщина, не желающая иметь детей, выполняет мужскую работу, а ей дают гораздо меньшую зарплату, чем полагается, — это дискриминация. Но этот вопрос входит в компетенцию государства и зависит от его законодательства. И вовсе не задача Церкви считать, что, если женщина не имеет права голосовать на выборах, — это дискриминация. Две тысячи лет никаких прав у женщин не было, и общество существовало, и совсем неплохо. А вот когда женщине дали право участия в выборах, начался развал. Ни слова в энциклике об источнике страшной дискриминации — Советском Союзе и всем социалистическом лагере.

Главное в этой энциклике, что личность человека — начало и конечная цель всех установлений, всех институтов земных. Но человек ведь не Бог. Бог — Творец, человек — творение. На Втором Ватиканском Соборе была принята совершенно потрясающая формула: человеческая личность есть и должна быть началом, субъектом и концом всех установлений. Но цель христианина — спасти свою душу и обрести Царствие Божие на земле. Об этом надо бы говорить! Все установления тогда хороши, когда преследуют эту главную цель. Как же ее можно было подменить какими-то материальными

целями? Неверная формула обусловила и неверную линию всей энциклики. Получается, что Церковь должна помогать всем гражданским институтам, созданным на благо. Что значит «на благо»? Кто-то должен учитывать благо. Коммунисты и анархисты тоже считают, что они существуют на благо. Церковь имеет свое благо, высшее благо, которое ей дано самим Богом. Совершенно недопустимо отказываться от этого блага, отпрыгивать куда-то в сторону.

«Les chrétiens s'engagent dans la construction d'une cité humaine pacifique, juste et fraternelle qui soit un front agréable à Dieu»⁶⁹. Тогда надо искать такие общества, как предлагает Панин, разрабатывать их, вводить новые детали. Это огромное дело — предложить общество. Главную идею может один человек предложить, но дальше требуется сотрудничество большого числа людей. Но в энциклике об этом сказано в необязательной форме, в виде пожелания.

Папа говорит о поиске более совершенного демократического (он это подчеркивает) общества. Этот поиск требует от Церкви поощрения, помощи людям, ведущим поиск нового общества. Отношение к этому вопросу Церкви должно служить для них образцом. Если ты что-нибудь пишешь, то это должно выражаться вечно, должно быть проверено в вещах. Папа написал, что поиск открыт. Христиане должны участвовать в создании нового общества. Но в таком случае скажи, например, что при таком-то институте в Риме Церковь создала отдел для собирания предложений, что такой-то институт, такой-то орден их собирает. А иначе это просто сотрясение воздуха.

Павел VI говорит, что социальное учение Церкви сопровождает людей в их поисках. Что под этим подразумевать? В этой энциклике об этом слишком неопределенно. Церковь должна говорить «да-нет»⁷⁰, выполняя завет Христа, и не давать запутанных рекомендаций как в отношении марксизма, так и социализма. Либеральное

---

⁶⁹ Христиане обязуются построить мирный, справедливый и братский человеческий город, который будет приятен Богу (*франц.*).

⁷⁰ «...да будет слово ваше: «да-да», «нет-нет» — Евангелие от Матфея 5:37.

общество, в котором мы живем, нельзя подвести под то же самое «да-нет». Здесь надо сказать другие «да» и «нет», показать, что это общество ломать не нужно, что его можно развивать. А данная энциклика развязывает католику руки: по сути дела, поступай как хочешь, только соображай сам. Один сообразит в духе Церкви, другой сообразит, что надо бомбы бросать.

Папа говорит о двух задачах Церкви: просветить ум людской, чтобы люди могли разобраться в различных доктринах и выбрать наилучшую из них; ввести в действие и распространить энергию Евангелия. В силу громадного усложнения жизни и распространения всевозможных лжеучений, которые губят человеческую жизнь, приняв во внимание предложения будущего общества, надо иметь о нем свое, очень прочное, принципиальное представление, которому по указанию Церкви католики будут следовать. Иначе будет клуб розысков, поисков, где каждый может быть прав, где можно спорить, не соглашаться. Учение Церкви уходит на задний план. О нем и говорится между прочим, как о его обязательном соответствии Евангелию. Но Церковь для этого и существует, чтобы учить, как соответствовать Евангелию. Если все так просто, то и Церковь не нужна. И будет царство каких-то сектантов, которым кажется, что они всё понимают, хоть на самом деле ничего не смыслят, вырывая отдельный кусок из Евангелия и основывая на нем свои действия.

«Мы обращаемся ко всем христианам с призывом к действию». В чем действие? В поиске? Но поиск — дело не рядового человека. Всякую самую примитивную машинку делает какой-то инженер, какой-то творец. Как же можно разрешить создавать общество каким-то мальчуганам, девочкам, дилетантам? Вместо этой энциклики следовало бы обратиться к людям так: перед человечеством расставлены ловушки, мы заблуждаемся, находимся в тенетах; надо, чтобы лучшие умы человечества думали над тем, как устроить дальнейшую жизнь и как выйти из тупика. А у Павла VI получается, что вроде это должны сделать любые люди.

Я не затрагиваю правильных положений, а лишь те вопросы, которые заслуживают критической оценки.

Осуждение идеологии марксизма с его материалистическим атеизмом не вызывает у меня возражений. Но одновременно Павел VI обрушивается на идеологию либерализма. Конечно, идеология либерализма весьма и весьма требует критики, но неверно ставить на одну доску людоедство и ошибочное, но человеческое общество. Этот упрек можно сделать и Солженицыну.

Энциклика написана человеком, далеким от жизни, который не знает, что такое творчество, что означает создать хотя бы какое-то маленькое дело, я уж не говорю какую-нибудь машину. Даже организационные принципы ему непонятны. Ему кажется, что все очень просто, что человек все может. Сердцевина этой энциклики ошибочна. Церковь исчезает куда-то, дает только благословение, а в сущности говоря, благословляет плюрализм. Церковь не осуждает ни коммунизма, ни тоталитаризма, ни террора. Коммунистический строй, называемый, конечно, не коммунистическим, а тоталитарным, марксистским, она приравнивает к либеральному. А главное — католики остаются без направления. Ищите и обрящите. Церковь будет только ваши нравы соблюдать. Как можно нравы соблюдать, когда энциклика говорит, что нельзя дать никаких общих положений и люди должны сами искать? Безумие дать такую энциклику, когда все бурлит, кипит, создаются новые страны, всюду мятежи и больше чем в половине стран диктатура, террор. Простые люди насаждают то, что господствует, то, что mass media им прут. Получается, что им, в сущности, предлагается насаждать господствующие нравы. Ведь то, что Церковь говорит, почти не слышно. Ее крик доходит в последнюю очередь до христианина. Если он даже ходит на мессу, к обедне, то разве там говорят о том, как устроить общество? Церковь отдала эту проблему на откуп другим силам: устраивайте общество, как хотите. Но она говорит при этом людям, будто они дети, элементарные вещи: «конечно, не надо терять веру». Одним словом, энциклика ошибочная и вредная. Так Церковь двигаться не может. Новый Папа должен это в корне изменить.

Разговоры об объединении Церквей. Раньше люди были умнее, считали, что протестанты — еретики, православные — раскольники. Какая-то ясность была, какие-то рубежи, границы. А сейчас совершается преступление: не объединение, а стирание границ, то есть снижение догматического уровня Церквей.

Прежде всего надо провести разницу между православной и Римской католической Церковью. В православии так: если ты православный, то православный, если ты переходишь в какую-то секту, то ты уже сектант и в пределах православной Церкви быть не можешь.

Итальянцам театральная стихия сродни. В какой-то мере она была близка и Павлу VI, ибо некоторые его поступки имеют театральный оттенок. Например, как известно, в Константинополе, бывшей Святой Софии, он поцеловал место, где была дана булла отречения, булла осуждения восточной Церкви, облобызал патриарха Афиногена. Конечно, это проявление доброй воли и любви. Но при этом не надо забывать, что он еще и Папа — представитель Римской католической Церкви. Как можно истолковать это двойное лобзание места и патриарха? Значит, он считает, что Римская Церковь была не права, что прошло девятьсот лет и Римская Церковь признает, что она ошиблась, что права была восточная Церковь? Почему надо было это место лобзать? Все же Папа не имеет права такие вещи делать. Конечно, это был его личный акт, а не Церкви; на это не было постановления Собора, догматического постановления *ex cathedra*; это было какое-то театральное действие, в значительной мере предосудительное действие. Я согласен, что это свидетельствовало о чистоте души и смелости намерений Папы, стремящегося как-то соединить Церкви. Но это же никого не соединило. Разве после этого восточная Церковь перестала быть восточной? Означало ли это, что Римская Церковь должна была превратиться в восточную Церковь? Нет, конечно. Католики считают, что Римская Церковь права в этом разрыве, и такое театральное действие вводит людей в соблазн, как раньше говорили. Не поймешь что. Рядовой католик задает себе вопросы: «Так католики теперь хуже православных? Кто

действовал правильно: православные или католики?». Люди пожимают плечами и понять ничего не могут. Был ли тут Дух Святой? На мой взгляд, нет. Наитие Духа Святого надо готовить молитвами, а с восточной Церковью надо было предварительно договориться. Лобзание можно было сделать в такой, скажем, форме: мы пришли к общему единому мнению: не будем настаивать на догмате филиокве. Какая-то уния хоть была бы назначена. Ничего этого ведь не было. И как было разъединение, так и осталось разъединение. А соблазнительный акт имел место...

В Римской Церкви было время, когда ереси мечом и огнем уничтожались. Время изменилось, и Римская Церковь начала проявлять какую-то непонятную терпимость. Не буду вдаваться в историю, я не ее знаток. Но в восемнадцатом веке были янсенисты, с которыми иезуиты боролись, а уже в девятнадцатом веке Ламенне стал переть про какой-то христианский социализм. В конце девятнадцатого и начале двадцатого века начался модернизм. Великолепную грозную энциклику против него написал Папа Пий X. Я изучал ее. Если с ней посчитались бы, можно было бы с этой ересью покончить. Хотя на Первом Ватиканском Соборе приняли безошибочность Папы и казалось, что нужно тем более усилить внимание к его словам, пустили их мимо ушей; модернизм преспокойно продолжает существовать и перешел в еще более вредный неомодернизм. В середине девятнадцатого века, кажется в 1864 году, Папой Пием IX был написан «Силлабус» — грозная энциклика против коммунизма, марксизма. И в двадцатом веке Папы возвращались несколько раз к этой теме. Пий XI, Пий XII показали истинное лицо коммунизма, марксизма и запрещали католикам иметь с ними вообще дело. Правильные были тогда установки против коммунизма. Но теперь при всех страшных явлениях двадцатого века, при том, что случилось в России, и при полном неблагополучии внутри самой Церкви прогрессизм, модернизм и, может быть, франкмасонство в нее проникают. Вместо того чтобы очиститься, сохранить чистоту своих рядов, принципов, идей, усилить свои ряды организационно, Папа Иоанн XXIII решил, что доктрина марксизма уже сформулирована и больше не меняется, но движение, которое она

вызвала, — это живая вещь и с ним можно иметь дело. На основании этого совершенно неверного положения Иоанн XXIII открыл двери своей Церкви, чтобы разговаривать с марксистами. Он совершенно не знал марксизма и всех его идеологических последствий. Наш опыт говорит, что доктрина приспособляется и направляет деятельность марксистов. Поэтому практически если есть у марксистов отступления, то они ровным счетом ничего не меняют, поскольку идеология при этом не меняется. Безбожие остается безбожием, людоедские установки остаются, а если марксисты начинают улыбаться христианам, то это надо рассматривать только как обман.

Разве Церковь не была открыта в сторону мира, не была к нему повернута? Разве она не обслуживала души людские? Несомненно, все было в большем порядке, чем сейчас. Церковь не к миру повернулась, а к разрушению. Открытие Церкви должно было быть иным: изъять слабости, понять страшную угрозу безбожия и марксизма, мобилизовать все силы против них. Если в какой-то мере считали, что Церковь обветшала и кардиналы, которые по-латыни да по-итальянски говорили, не были в курсе событий, отстали в научном отношении, то это надо было изменить, что и было бы обновлением Церкви. Но открытие Церкви не должно быть повторением политграмоты марксизма, а освоением современной науки для создания социальной католической доктрины. Необязательно, чтобы все выдумывал Папа. Ведь пятьсот миллионов католиков, среди которых много образованных людей, могли бы услышать зов. А Иоанн XXIII понял открытие Церкви как уступки всяким безбожникам, марксистам, протестантам, как прекращение борьбы в приходах с марксистами, прогрессистами. Да какое же это открытие? Это слабость, сдача позиций, дьявольское наущение.

Папа Иоанн XXIII считал, что Церкви надо начать приноравливаться, ибо все хорошо, человек — замечательный. Это полное отступление от того, что всегда было принято в католической Церкви. Католическая Церковь была самой страшной угрозой для коммунистов, и поэтому против нее были приняты ими особые меры.

Известно, что еще Ленин требовал, чтобы часть молодых коммунистов в Италии и во Франции шла в семинарии и там приспособливалась, чтобы взорвать Церковь изнутри. И они стали действовать не только в католических, но и в протестантских церквях.

О франкмасонах сейчас говорить стало немодно и смешно. Но они существуют. Это самая таинственная часть общества. Я разобрался в очень многих вещах на Западе, но ничего не знаю о франкмасонах, кроме их самой внешней оболочки. На свои нижние этажи они кого угодно принимают, там ничего страшного нет; ты можешь быть католиком, протестантом. Но дальше идет отбор. Если человек неудобен франкмасонам, он остается всю жизнь на нижних ступенях. Очень медленно франкмасон идет вверх. Но если он идет вверх, то он франкмасон настоящий, в нем уж нет никакого католичества, иначе чего ж тогда его скрывать. Тридцать третья ступень не самая высокая, но в достаточной степени высокая. И о ней я уже ничего не знаю. Какие-то книжечки, которые я читал о масонах, доверия не внушают. Сам по себе факт тайны вызывает возражения. Зачем нужна тайна, если ты ничего не злоумышляешь? Я, например, совершенно ясно иду против коммунизма и всегда говорю об этом. Я совершенно открытый, явный враг коммунизма. Мне не нужны тайны, никакие тридцать третьи ступени. А тут другое дело. Люди пробовали идти против католичества, против власти. Ничего у них не получилось. Какая-то часть верующих откололась. План, видимо, у франкмасонов был такой: проникнуть в самое ядро католичества, в его курию, святая святых, сделать Папу франкмасоном. Если я был бы франкмасоном, то рассуждал бы так же, ставя себе целью взорвать такое мощное препятствие, как католическая Церковь. Для коммунистов и всех, кто хочет уничтожить католическую Церковь, осуществление такого плана было бы очень желательно. Поэтому совершенно необязательно думать, что существует только одна какая-то линия уничтожения этой Церкви. Почему не предположить, что коммунисты, социалисты, франкмасоны, протестантские секты, может, и какая-нибудь дьявольская секта незримо помогают друг другу, даже не зная одни других?

Я сужу по фактам. В начале века был модернизм. Если настоящие католики хотели бы иметь сильную Церковь, неужели нельзя было, когда Папа Пий X уже раздолбал модернизм и от него пух и перья летели, задержать развитие такой вредности? Уже в начале двадцатого века модернисты стремились придать передовое лицо Церкви. Тогда кардиналы выглядели ретроgrадами. Теперь Церковь, кардиналы, епископы в мире. Идет огромнейшая красная волна. Советский Союз тратит миллиарды на агитацию. Никогда еще на земном шаре пропаганда не была поставлена так, как в Советском Союзе. В какой-то мере она могла захватить отцов Церкви, и можно понять почему. Святой Фома Аквинский был в двенадцатом веке. С двенадцатого до двадцатого века настоящих католических философов не было, а так называемые философы подпевали модным течениям и даже подстраивались под коммунизм. В двадцатом веке учителем Павла VI был Маритен. Смысл его учения — гуманизм. Католическая Церковь, успешно борющаяся с гуманизмом в течение пяти столетий, берет его на вооружение, когда от него остались рожки да ножки. Непростительно это ни Отцам Церкви, ни Папе, ни католическим философам.

У меня складывается впечатление, что на Первом Ватиканском Соборе, где был провозглашен догмат о безошибочности Папы в вопросах вероучения и морали при определенных условиях, когда он говорит о них *ex cathedra*, одновременно не было подчеркнуто, что новость может быть дана только Папой. Ни один католик под страхом отлучения от Церкви не смеет менять что бы то ни было ни в вопросах догматов, ни в вопросах морали, ни в вопросах традиции. Мне кажется, это не было сделано.

Когда выносятся новый закон, он начинает по-разному применяться в судах и может быть применен правильно и неправильно. В судах обычно находят правильное решение, как его применять. Существуют и сенатские постановления о том, как применять новый закон. Что-то в этом роде надо было сделать и с этим догматом. Как-то уточнить его. Он вовсе не дает свободу поисков, открытий. Но это не было сделано, и, наоборот, Папа не проявил достаточно жесткости в отношении тех же модернистов. А надо было Церковь от них очистить.

Одновременно надо было показать людям, что Церковь — это не театр и не варьете. Для новостей идите в театр, а Церковь сильна именно своим постоянством. Введен догмат о безошибочности Папы, но безошибочность свою он проявляет в течение столетия, может, два раза, а может, и один раз. Догмат этот ничего не менял. Он на случай, когда Святой Дух совершит свое воздействие. А остальные люди должны еще более крепко держаться за то, что есть и веками освящено.

В православной Церкви нет догмата о постоянстве, но, по существу, в силу традиции он имеется. Сила традиции православной Церкви такова, что никакие изменения невозможны. Даже переход на григорианский календарь. Казалось, надо было бы перейти на него. Но никто на себя это не берет. И до сих пор мы существуем в православной Церкви по юлианскому календарю. Можно считать это крайностью, но крайностью, которая спасает Церковь, а не разрушает ее.

Великое место в Евангелии, из которого вышел первый догмат о Папе, говорит: «Ты — Петр, и на сем камне я создам Церковь Мою». Так как же забыть слово «камень»? Камень — это что-то стойкое, это то, что стоит века, обо что разбиваются волны людские, всякие бури... Как же это можно было упустить? На слово «камень» внимания не обратили, а на нем должен был бы покоиться дополнительный догмат, ибо ясно сказано, что не только ты можешь вязать и развязывать. Раз «камень», так будьте добры, Папы, стойте. Вы должны в сто лет, может, два-три раза что-то подправить, а остальное время именно держать направление, как во времена парусного флота. Из описаний путешествий в старой географии следовало: «Держите направление все время на Запад, чтобы проехать мимо горного мыса; вас отбрасывает течение, ветры в противном направлении дуют, а вы всё держите указанное направление, тогда сможете горный мыс миновать». А тут добрейшего, блаженного Папу Иоанна XXIII использовали, может быть, силы разрушения, для того чтобы начать ломку Церкви. Стоять бы Папе все время на слове «камень», никуда не сдвигаться и изо всех сил сопротивляться стремлениям навязать какие-то новинки. Но слово «камень» совер-

шенно исчезло, оно отсутствует. Все время какие-то ouvertures⁷¹, aggiornamento Церкви.

Католическая Церковь избрала себе дорожку по новостям, новшествам и не очень ударила по тем, кто ими начинал злоупотреблять. И Церковь, курия ослабли. Кардиналы — уже старики. В двадцатом веке надо было об организационной стороне подумать, ввести активных людей. Папе трудно следить за всеми новостями. Слежения за ними Церковью не было, а ей надо было бы быть в курсе всех событий. Каждое нововведение специалисты должны были разобрать по косточкам. В течение века Папа давал пять-шесть энциклик по-латыни. Мало кто их читал. За два века было считанное число энциклик против коммунистов, марксистов, безбожников. Но разве можно было в двадцатом веке против этой страшной волны безбожия отделаться отдельными энцикликами Папы? Надо было в год выпускать десятки работ против коммунистической идеологии и разгромить ее. В данном случае нельзя было действовать по старинке. Если все идет по старинке, то лафа врагам, которые проникли в курию. Проще простого задушить тревожные сигналы. Враждебные люди успокаивали всех остальных вплоть до Папы.

К концу понтификата Пия XII — он умер в 1959 году — картина была уже такая: с одной стороны, огромный натиск безбожия, с другой стороны — Церковь и курия. Но нельзя сказать, что все в Церкви осталось по старинке. В курию проникли враждебные элементы. В головах кардиналов начал появляться розовый туман. Философы, как Маритен, стараются: человек на первом плане. Разброд в верхах Церкви был уже к тому времени достаточно сильный. Не приходится удивляться, что тронувшееся древо кардиналов выбрало Иоанна XXIII. Он был добряком, человеком чистой души, но не великого ума. В курию входили в то время люди, находящиеся в состоянии умственного распутства, и они сочли, что можно начать Собор. Им пришло в голову, что Церковь будет приспособляться к миру. Зачем Церкви приспособляться? Мир должен приспособляться к Церкви. Соглас-

---

⁷¹ Предложения расширения контактов (франц.).

но марксистскому тезису порешили они, что Церковь обслуживала раньше богатых, а теперь должна обслуживать бедных. И зараза начала идти сверху и снизу, со всех сторон.

Последователем Иоанна XXIII Блаженного стал Павел VI. Он уже был известен как новатор, приверженец Маритена, человек волевой, который будет ломать, крошить, уничтожать Церковь. Так оно и получилось. Я не собираюсь подвергать сомнению чистоту мысли и устремлений Павла VI. Он был искренний человек и глубоко верил в то, что его действия правильные. Он по-своему думал, что приносит большое добро. Но нас это не должно ни в какой мере примирять с его действиями. Как он, всю жизнь проживший в Ватикане, человек книжный, письменный, совершенно не знавший ни действительности, ни обстановки, ни Свободного, ни коммунистического мира, мог предположить, что может в какой-то мере договориться с советским режимом и пойти на всякие сделки с ним? Это была страшнейшая ошибка, но она продолжалась более пятнадцати лет. Он стал в какой-то мере разрушителем Свободного мира, пособником коммунизма. Вместо того чтобы сказать «нет» безбожии, направить все свои силы и огромные средства на борьбу с ним и коммунизмом, он начал устраивать диалоги с его представителями. Заранее ясно было, что диалог ни к чему не приведет. Только к утрате силы католической Церкви, только к ее разрушению. Так оно и получилось. Все разговоры кардинала Кассароли⁷² — один провал за другим. Они способствовали укреплению коммунизма во всем мире. Это было предательство в отношении католических народов. Более позорного положения за все свои две тысячи лет Римская католическая Церковь не знала. Самой пойти на поклонение чуть ли не к Сатане! Что-то невозможное. Это нельзя ни оправдать, ни объяснить. Неужели Папа Павел VI не понимал, что ему говорят кардиналы Мин-

---

⁷² Кардинал Кассароли — государственный секретарь Ватикана; осуществлял переговоры Ватикана со странами Восточного блока.

дзенти⁷³ и Слипый⁷⁴, что говорил не раз ему кардинал Вышинский⁷⁵ — люди, которые пришли из коммунистического мира и знали коммунистическую систему насквозь? Но Павел VI был совершенно близоруким человеком и не слушал тех, кто говорил ему правду.

Неужели Папа думал, что спасает диалогом с коммунистами Церковь? И неужели он думал, что победа коммунизма неизбежна? Если она неизбежна, то уничтожение католической Церкви неизбежно. Католическая Церковь должна была стоять как оплот, как скала. Вместо этого она пошла по пути слабости, измены. В своих лекциях я говорил, что виноват не Папа, а его окружение. А надо вещи своими именами называть. Павел VI несет полную ответственность за так называемую *Ostpolitik*⁷⁶. Никакие кассароли не посмели бы и пикнуть, если он взял бы другую линию. Папа ведет с коммунистами диалог и потом вдруг говорит: «С коммунистами нельзя иметь ничего общего». Но ты же сам показал пример. Мир погряз во лжи, в невероятных змеиных, тайных интригах, а Папа начал путешествовать по всему миру, превратился в дипломата. Разве в этом сила Церкви? Разве в этом ее задача? Папа должен обличать, знать, с кем дипломатию вести.

В семинариях никакой борьбы ни с марксизмом, ни с прогрессизмом. В них даже преподают марксизм. Папа вдруг спохватился и произнес какую-то речь. Но ведь он развалил совершенно образование. Нет священников, а если есть, то половина из них марксисты.

Мне пришлось много думать о Римской Церкви. Обращение Спасителя к Петру известно: это догмат о Папе, монархический принцип в правлении Церкви. Догмат о безошибочности Папы тоже правильный. Если Папе, как это следует из обоих догматов (причем из

---

⁷³ Примас Венгерской католической Церкви. По распоряжению Папы Иоанна XXIII вопреки своей воле жил в Риме после оккупации Будапешта советскими войсками.

⁷⁴ Йосып Слипый — главный архиепископ Украинской Церкви; в 1945 году был брошен в советские лагеря.

⁷⁵ Примас Польской католической Церкви с 1948 по 1981 год.

⁷⁶ Восточная политика (*нем.*), политика установления контактов со странами Восточного блока.

первого догмата о Папе даже больше, чем из второго), предлагается неограниченная монархическая власть, самодержавная власть, то он может менять положения Церкви, ни с кем не считаясь. После того как второй догмат был принят Первым Ватиканским Собором, надо было уточнить положение о том, что действительно Папа может менять положения Церкви, раз он — Самодержец, Викарий Христа, но при условии, что всякое его изменение в догматическом вопросе, в вопросах морали, в вопросах вероучений, может быть сделано только *ex cathedra*. Таков третий догмат, собственно говоря, не новый, а уточняющий второй догмат, может быть сформулированный несколько неудачно.

При каждом желании что-то изменить надо как можно глубже вникать в евангельские тексты. В тексте, определившем догмат о Папе, Христос говорит о власти, которую Он дает Петру: вязать и развязывать дела земные. Раз власть дана в столь широком смысле, то она не для одного только народа; подразумевается вселенская ширь. Бог пришел не для одних евреев, и Он дал это ясно понять. Апостолы Петр и Павел затем расширили и объяснили Его завет. Конечно, речь шла об огромной Вселенской Церкви, и автоматически должен был быть один язык. Если народы были наказаны Вавилонской башней, то на христианской основе должно идти их объединение, а не разъединение. А Павел VI их разъединяет на основании каких-то маритеновских несбыточных мечтаний человека, далекого от управления Церковью. Если Павел VI должен был бы обосновывать свои изменения, я уверен, что все его новшества не прошли бы. Вполне возможно, что прошло бы только уменьшение языческой пышности, вероятно самого папского облачения, папской тиары, так как языческая пышность нужна была в прежние времена.

Вероучение и мораль надо понимать, конечно, широко. Речь идет не об установлении какой-нибудь новой заповеди или об ее отмене, но об устройстве самой Церкви, о традиции. Традиция — великая вещь. Это — опыт, освященный действительно Духом Святым и Отцами Церкви. Поэтому если Папа касается какой-то области Церкви, которая существовала в течение столетий,

то это не менее важно, чем установление какого-то нового морального правила, ибо может нарушить много связей именно в области морали, вероучения и крепости самой Церкви. Поэтому нельзя ни в коем случае считать это чисто организационным вопросом, который касается только викария Церкви, а для остальных католиков значения не имеет. Папа говорит: «Я догматы не трогаю, мораль тоже, вероучением не занимаюсь. Я меняю только организационную структуру Церкви». Ничего себе «только», от которого шатается вероучение и могут полететь догматы.

Об отмене мессы по-латыни Папа должен был сказать *ex cathedra*. Иначе он действовал как Монтини⁷⁷, а не как Папа. Нужно было объяснить, что изменилось в мире, почему надо менять то, что существовало две тысячи лет. Если Церковь осталась Вселенской, то у нее должен быть свой язык. Если речь идет о том, чтобы приблизить Церковь к современному человеку, то чем этому латынь мешает? Ведь уровень образования должен повышаться, а не понижаться. Почему не ввести латынь как обязательный язык науки, дипломатии, военного дела, всяких съездов, в том числе и религиозных? Решением могло бы стать и изобретение какого-нибудь нового языка вроде эсперанто, совершенного и в то же время очень простого. Но следовало ли вдруг в богослужении перейти на разные языки? Если отбрасывается латынь, Церковь перестает быть Вселенской. В какой-нибудь африканской стране ты ничего не понимаешь во время службы, идущей на национальном языке. И со священником не можешь ни о чем договориться. Чтобы обслуживать приезжающих в Ватикан епископов, требуется создать институт переводчиков на всех языках мира. Вместо того чтобы какую-то речь издать по-латыни, надо теперь ее издавать на сотнях языков. И получается, что Папа Павел VI разделил людей и породил хаос и раскол в Церкви.

Зачем надо было так круто поворачивать с мессой? Почему мессу Пия V с ее красотой и величием нельзя

---

⁷⁷ Джованни Баттиста Монтини в 1963 году был избран Папой Павлом VI.

было оставить два раза в неделю или только по воскресеньям? И мессу Павла VI надо было половину дней недели служить на национальном языке, половину — поллатыни. Конечно, не одной мессой все определяется, но вполне понятно возмущение итальянских и других католиков тем, что Папа Вселенскую Церковь разбил на маленькие церковки. Естественно, что у людей, которые привыкли к старой мессе, к порядку, возникла реакция на новшества, концерты в церкви и тому подобное. Французский епископ Лефевр стал выразителем реакции части католиков, так называемых традиционалистов, и создал в городе Экон в Швейцарии свою семинарию, где преподавание идет по старым канонам. В ней сотни семинаристов. Традиционалисты секту образовали. Папа сам породил лефевров.

Отказаться от Папы католики не имеют права при всех его слабостях. В статье «Спасти нашу веру» я писал, что сильные католики в приходах должны воздействовать на ослабших священников, епископов, курию, Папу. Если Папа получил бы в ответ на свой соблазнительный поступок бурю возмущения, его бы это предостерегло. А когда католики привыкли, что все, что ни делает Папа, чуть ли не от Бога исходит, у Папы появляется возможность разрушать Церковь.

Папа разогнал две итальянские гвардии из благородных дворян и буржуазии, которые поддерживали ценой своей жизни и своего достоинства Римский престол. Осталась только швейцарская гвардия. Совершенно непонятно, почему все это так делалось. Обнаружилась просто слабость католической Церкви.

Внедрялись новшества так необдуманно, что силы зла, силы безбожия могли на этом как-то наживаться. Людей просто в безбожие обращали, в антикатоличество. Разве можно сразу все поломать, пустить на самотек, а потом удивляться, что Церковь в плохом состоянии? В ответственный момент истории, когда Церковь должна была сыграть ведущую роль, Папа ее разоружил, разложил.

Хорошо, что Павел VI уничтожил чествование Пап. Ввел он новый способ их захоронения, в деревянном гробу. Но почему надо было уничтожить даже одежду

священников? Теперь нет сутаны. Некоторые священники даже крестик на лацкане пиджака не носят.

Как понять, что Павел VI в течение пятнадцати лет заблуждается? Можно понять, если человек заблуждается в течение пятнадцати дней. Сила католической Церкви — в догмате о безошибочности Папы Римского. Папа не имеет возможности и права ошибаться. Если Папа ошибся, если он настаивает на своей ошибке, если он произвел какое-то крутое изменение, которое противоречит догматам и основным традициям Церкви, то он уже не Папа Римский и надо срочно собирать Собор, чтобы его *excommunicat*⁷⁸.

Католический мир — это не только священники и епископы. Остальные католики приходят в церковь, не только чтобы бормотать молитвы. Христу нужны были верующие люди, если нужно, способные ради веры идти на жертвы и принять смертные муки, а не стадо каких-то барашков, которыми руководят их епископы или священники. В прошлые века рядовые католики могли следовать поучениям епископов и священников. А сейчас священники шатаются во все стороны. Ждать надежды католикам не от кого. Если Рим занимается ересью, то, возможно, им придется новый Рим создавать.

Я считал бы, что Павел VI действует в русле Духа Святого, если он говорил бы: «Да, нам нужны средства для того, чтобы начать бороться с безбожием. Образум семинары, институты». И свою тиару продать он должен был не для того, чтобы бедняков поддерживать. Пускай бедняков поддерживает в настоящий момент само достаточно богатое население. Конечно, часть средств можно и беднякам уделить, но основная пища для них должна быть духовная. Телесной пищи на Западе и в Америке хватает. Во время Собора Папа очень насторожил неумелой финансовой политикой. Разогнал тех людей, которые создавали богатства Ватикана. Но Ватикан достаточно богат. Взять хотя бы его художественные сокровища. Не нужно ли было потряхнуть мошной, продать несколько картин? Средства от этой продажи следовало пустить на

---

⁷⁸ Отлучить от Церкви (франц.).

борьбу с безбожием, с этой самой страшной чумой нашего века. Но это не было сделано.

Человек — сложное устройство, которое подвержено всевозможным воздействиям, влияниям, в частности среды. Иоанн XXIII — человек, полный добра, блаженный, и Дух Святой вполне был согласен с его избранием. В момент избрания Иоанна XXIII его душа была вполне хороша. Но далее нужно уже молить Духа Святого, чтобы Он присутствовал и благословлял все действия Иоанна XXIII и все наши действия. Дух Святой не несет никакой ответственности за то, что Иоанн XXIII устроил Собор⁷⁹ — вентиляцию Церкви. Полагаю, что Дух Святой был против Собора, который Папа собрал.

То же самое и с Павлом VI. В момент избрания и после избрания он был полон желания добра Церкви и, наверное, был уверен, что все сделал замечательно. Но избрание не гарантирует Папу от ошибок. Папа обязан каждый день стремиться быть угодным Духу Святому.

Как можно на уровне науки и философии XX века стоять на позиции гуманизма? Это какая-то вековая отсталость. Я рассмотрел гуманистический манифест⁸⁰. Ведь камня на камне от него не остается. Но Папа в священной рождественской проповеди ни разу Иисуса Христа не упомянул, а все толковал о человечестве, о великих его достижениях. Как это можно понять? Как можно вообще о гуманизме говорить, когда человека превратили в скотину и уничтожение миллионов людей стало вечным?

В шестьдесят пятом году Павел VI произносит речь о мире. Папа должен говорить о мире, но вместе с тем он должен защищать христиан. Когда мир расколот на коммунистическую безбожную власть, колеблющиеся слабые западные страны, считающиеся христианскими, и весь третий мир, который себе еще места не нашел,

---

⁷⁹ Папа Иоанн XXIII созвал Второй Ватиканский Собор, который продолжил Папа Павел VI.

⁸⁰ Д. П а н и н. О гуманистическом манифесте II. «Голос Зарубежья», № 6, Мюнхен, 1977.

разговор о мире в устах Папы — очень условная вещь. Конечно, кто может возразить, что все должны стремиться к миру. Но Папа ведь обращается ко всем людям земного шара, то есть и к террористам, и к членам ИРА⁸¹... Должен же он понимать обстановку, в которой коммунистические силы довлеют, разрушают все... Мир погряз в низости; благородное начало заплевано, никто на него внимания не обращает. Безбожие наступает. Мир миром, но скорей надо говорить о каких-то оборонительных вещах. Мир, но при этом защита христианских ценностей. Говорить просто о мире равносильно помощи коммунистическим режимам. Они тоже говорят о мире, но при этом взрывают Запад и третий мир.

Надо, чтоб кто-то имел мужество сказать правду. Мог бы и Папа ее сказать, необязательно это делать Солженицыну и другим. Павел VI мог бы и «Архипелаг Гулаг» прочесть. Могли бы всякую статистику ему подготовить, перевести что-нибудь, чего у него наверняка не было.

Почему Павел VI не обличает страшное развитие подлости, бесчестья? Как можно соглашаться с этим? Папа против марксистской философии. Но сказать об этом надо так, чтобы весь мир услышал, к каким результатам приводит эта философия, что она дает.

Церковь твердит на каждом богослужении: «Христос, Христос», а Его примеру, Его поучению не следует. Христос клеймил фарисеев, книжников за лицемерие, за то, что они не понимали, не хотели понять многого, но вера у них была. Этого отрицать нельзя никак. Нельзя сравнить верующих с оголтелыми марксистами, безбожниками XX века. Христос обличал книжников, фарисеев, изгонял кнутом из храма торговцев, которые наживались, но не убивали людей. А в наше время, когда чума безбожия и марксизма свирепствует, когда она уничтожает миллионы людей, Папу это не трогает совершенно. Какой же это викарий Христа?

Столько людей на глазах Папы уничтожили в Камбодже. Что ж он не поднял свой голос? Он против террора, но почему он умолял каких-то террористов, чуть

---

⁸¹ ИРА — Ирландская республиканская армия.

ли не поклоны клал перед ними? Почему Папа, если он гуманист, ценит и уважает людей, не мог свое веское слово сказать против лесбиянок, педерастов? Сатанинские секты открыто принимает Картер⁸². Еще не дошло до того, что их принимает Папа, но осуждения его не слышно, а ведь это надо было сделать в первую очередь. Почему не осуждается Папой порнография и прочая гадость? А осуждаться она должна в равной мере, как марксизм и безбожие.

В католических церквях я никогда не слышал в проповедях ничего о Сатане, о Дьяволе, о том, что он — грозная сила, которая мешает людям принимать хорошие, добрые решения, о том, что он — соблазнитель, князь тьмы, князь мира сего. А Христос об этом неоднократно упоминал...

Папа⁸³ умер. Можно задать себе вопрос: где он? Думаю, что в чистилище. Так вертеть Церковью никому не позволено. Когда Папа что-то делает, Дух Святой должен быть с ним. Неужели во всех его действиях в отношении «Остполитик» Дух Святой был с ним? Павел VI придумал закон, по которому с семидесяти пяти лет надо уходить в отставку, и отправил в нее сразу всех хороших кардиналов, чем сильно ослабил церковную иерархию. Теперь желательно, чтобы выбрали кардинала, у которого воля есть, чтобы повернуть назад, навести порядок в Церкви. Это была бы единственная возможность спасения Церкви.

Сейчас прочел в газете, что сто шестнадцать кардиналов будут голосовать. А для того чтобы избрать Папу, надо, по распоряжению Павла VI, чтобы за кандидата голосовали две трети из этого числа, то есть семьдесят семь человек. Павел VI устроил такую выборную систему, что теперь могут выбрать кардинала, как он или еще более уступчивого, последователя настоящих или еще больших разрушений. Часто люди себя утешают какими-

---

⁸² Президент США с 1977 по 1981 год.

⁸³ Павел VI.

то пророчествами. Это снижает их волю действия, вроде за них что-то будет сделано: вот, мол, будет пророчество, все наладится. Папу будет избирать Дух Святой, если будет выбран достойный представитель, у которого мудрые мысли для спасения Церкви. Но Дух Святой будет совершенно ни при чем, если соберутся карьеристы, образовавшиеся в результате всех действий Павла VI и всех несчастий этого века. Может, действительно Дух Святой вмешается и выберут Папу, который немножко наладит Церковь? Может, произойдет чудо.

Слава Богу, новый Папа быстро был найден, есть какая-то надежда. По своему внешнему виду Папа Иоанн Павел I⁸⁴ производит благоприятное впечатление. Будем надеяться на лучшее, хотя бы потому, что Папа *pastoral*⁸⁵. Если пастырский, то, может, он займется теми католиками, которые находятся сейчас в диком состоянии. Надеюсь, что пастырство включает это в себя. Но открыто ничего пока не сказано. Все будет решать Второй Ватиканский Собор. Очень надеюсь, что Собор понял, что Церковь на краю гибели находится.

Август 78-го года. Прислушиваю мои кассеты в Рондоне.

Димитрий Вячеславович Иванов, сын поэта Вячеслава Иванова, — умный человек. Он написал книгу о Ватикане. Когда я с ним встречаюсь в Риме, обычно говорит: «Да нет, что вы! Церковь в хорошем состоянии. Это вам кажется, что Церковь в развале». Видимо, живет в каких-то облаках. Если все так должно быть, то нечего и заниматься какими-то предложениями, утруждать себя, писать какие-то книги. Папа Павел VI оставил пять энциклик в духе диалога, вежливого разговора. Что они изменили в мире? Оказали ли положительное влияние? Кто о них знает? Не написал он энциклик, как его

---

⁸⁴ Через тридцать три дня после избрания Папой Иоанн Павел I умер.

⁸⁵ Пастырский (*франц.*).

предшественники, против безбожия, марксизма, коммунизма, на которые обратили бы внимание.

В статьях, которые сейчас появились после смерти Павла VI, его называют Папой диалога. Как можно Папу рассматривать как представителя диалога или говорить о Папе как о дипломате? Это же нонсенс. Папа прежде всего Папа, он ведет Церковь. Пусть диалоги ведет кто-нибудь из тех, кто рангом пониже.

Иногда отмечают правильно, что положение в мире такое, что если уж Церковь хотела бы обернуться лицом к миру, то следовало бы ей обернуться в сторону, где господствуют марксизм, фрейдизм, структурализм, тоталитаризм, прогрессизм, неомодернизм, всевозможные безбожные течения, которые проникли в религию. Одним словом, сила разложения действует всюду по линии идеологии. И главное, против нее вооружить Церковь.

Павел VI, с одной стороны, вроде как бы против всех этих течений, а с другой стороны — все эти диалоги. Диалог может быть в том случае, если ты не уверен в своей правоте, если ты можешь что-то взять ценное, хорошее у твоего противника. Но если ты убежден (а ты обязан быть убежденным), что правота на твоей стороне, что твои враги, твои противники распространяют заразу, то какой же может быть с ними диалог? Разве со смердящим трупом ведут диалоги? Его побыстрее хоронят, зарывают в землю, и все. Вот какое положение надо было занять Папе.

* * *

Год тому назад нам показали итальянский фильм об избрании русского Папы Римского. Де Сика играет главного кардинала. В дебатах после фильма делалось ударение, что он пророческий, хоть теперь избрали польского Папу⁸⁶. К сожалению, саму дискуссию я не слушал, но при развале Запада характерно, что она была после первой серии, где было показано только избрание Папы. А самые ягодки были во второй части. Фильм

---

⁸⁶ Иоанна Павла II.

бездарный. Во Франции его показали на несколько лет позже, чем в Италии.

Будущий Папа двадцать лет отсидел в лагере и работал даже сварщиком. За этот срок не то что в лагере, в тюрьме подохнешь, а он в прекрасной форме: не похудел, не поправился, таким же остался потом. Значит, питание и условия были там хорошие. Приглашать надо все-таки специалистов по лагерю как консультантов фильма!

Папу привозят к следователю, который его мордовал и пытал. У него с ним самые хорошие отношения, никакой обиды. Следователи тридцать восьмого года были или расстреляны, или отправлены на пенсию, а не здравствовали и перешли в ведущие учреждения режима. Когда зек уже стал Папой, он тоже принимает прекрасно другого следователя. Какие-то горсти земли тот ему приносит. Почему избирают русского Папу, неизвестно. Видимо, за его страдания. Это вроде история кардинала Слипыя.

История с Папой Римским спрограммирована, оказывается, в КГБ. Там считают, что важно, чтобы Папа понимал российские обстоятельства, ведь он влияет на шестьсот миллионов избирателей. И выбранный КГБ Папа становится великолепным выразителем его желаний, которые вполне понимает и разделяет.

В фильме все построено на конфликте с Китаем. Вот-вот должна война вспыхнуть. Папу приглашают какие-то агенты и совершенно по-дурацки его уговаривают: «мы, мол, своей головой рискуем, а вы ничем не рискуете». И вот он едет на свидание с главным чекистом и, видимо, главой правительства Китая. Когда этот замечательный Папа возвращается в Рим, он говорит кардиналам: «Я отдаю все богатства Церкви бедным». Поначалу они это не приветствуют, затем говорят: «Да, да, совершенно верно, мы должны все отдать, вплоть до сокровищ искусств». Сам Папа представлен каким-то дурачком, которого ничего не стоит перевернуть. Традиции Церкви можно легко нарушить, и его церковнослужители не протестуют.

Отдать богатство Церкви — это нарушить закон движения вещей. Если главная густота, которая собиралась в течение веков, будет роздана, то она прекратит свое существование и обретется уже в совершенно другом качестве. В тех условиях, когда от Церкви столько зависит

и когда на нее нацелено столько сил, ей предлагают отдать церковные богатства. Это означает, что она прекратит существовать как величина, которая может независимо какую-то активность проявлять, и станет полностью зависимой от каких-то подаваний. Это — разрушение католической Церкви и западного мира.

Кинокартина сделана в нарушение этического контроля. Не продумал, не проверил ничего сценарист. Развешенная клюква. Почему русский Папа? Если русский Папа, то должны быть и русские католики. Но русские католики в двадцатые годы были полностью уничтожены. Последний экзарх русских католиков Федоров погиб в Соловках. Католики, которые с ним сидели, описали его жизнь, его идеи. Почти всех их тоже расстреляли в Соловках. В фильме ссыла на Львов. Но его присоединили к СССР в тридцать девятом году, и никаких русских католиков в нем не было. Там были униаты, и так и надо сказать. И можно предположить, что кардиналы там были наподобие кардинала Слипыя. А поведение воображаемого Папы в фильме — это пощечина Слипыю.

Какая грандиозная глупость! Русский кардинал в польском Львове. Надо действительно ничего не соображать. И фильм сделан в Риме, где есть полная возможность получить исчерпывающую консультацию, хотя бы в Руссикуме⁸⁷.

Монополия в телевидении приносит вред. Телевидение, конечно, нужно иметь, но для каких-то случаев общенационального значения, важных сообщений, больших интересных научных и общественных явлений. Но нельзя каждый день забивать головы людей телевизионной жвачкой. Ее совершенно достаточно давать несколько часов в неделю. Раз в неделю должен быть показан хороший кинофильм и раз — театральное представление. Можно делать исключение для дальних провинциальных городов, где нет театра, — давать для них спектакли и фильмы чаще.

---

⁸⁷ Руссикум — Папский русский колледж (высшее учебное заведение) в Риме.

VI

23 сентября 1978 года по первому каналу французского телевидения была передача: правда о вьетнамской войне французов и Дьенбьенфу⁸⁸. Самое большое впечатление на меня произвел полковник Леруа — вьетнамец, католик, умнейший человек. Он прекрасно во всем разобрался. Если бы таких людей послушались, Вьетнам не пережил бы всех ужасов и был бы, может быть, действительно очень близкой Франции страной. Прежде всего следует отметить, что французы были слишком самонадеянны, доверяли только себе и с пренебрежением относились к совету местных людей. Леруа сказал им: «Наша сила — крестьянство; если мы его подыдем, то нечего бояться, нечего беспокоиться». Он доказал на деле правильность этой мысли. Всюду, где ему давали возможность действовать, у него все шло прекрасно и Вьетконг — красный Вьетнам немедленно улетучивался. Леруа одерживал победу, мобилизовывал людей, верней, обеспечивал оборону. Все очень разумно, просто; в тех местностях, которые были в его распоряжении, происходило немедленное замирение. Люди понимали его прекрасно, верили в то, что Франция им может принести счастливую жизнь, и дело налаживалось. Леруа отдал все почести французскому маршалу Латтру де Тасиньи, который тогда был генералом. Леруа уверен, что, если бы он скоростижно не умер, не был бы столь позорный

---

⁸⁸ Вьетнамский город, где Франция в 1954 году потерпела поражение.

ход французской и американской войны во Вьетнаме. Генерал Латтр де Тасиньи очень хорошо понял тактику Леруа и был с ней согласен. Таких, как Леруа, он не притеснял бы, а дал бы им местную власть. Вьетнамцы, конечно, организовали бы сопротивление, свои маленькие части, партизанили бы, пошли бы на Север, разложили бы напрочь существующую власть, и все было бы в порядке. Но нет! Французский генеральный штаб счел, что это ненадежные силы. Ему нужна была армия, танки, самолеты. Вот и провалил все дело. Какие-то совершенно неудачные генералы были назначены. В самый ответственный момент снимают умного генерала Салана. Впечатление такое, что французы обманывали: наобещали, предали, подвели. У этих политиканов армия одно, политика другое. Армия знает, что делать, — политика мешает. Армия дает обещания — политика их не выполняет. При таком положении нельзя ни одной войны выиграть. И добились французы того, что люди потеряли в них веру и стали переходить к красным. Лишнее доказательство необходимости этического контроля и борьбы честными, благородными средствами.

Из этой передачи можно сделать следующие выводы:

— Лучше не давай слова, но если его дал — умри, а выполни.

— У демократического правления нет ответственности.

В демократии один человек обещает, потом его переизбирают, приходят другие и делают новую политику. Как же так можно стране существовать? Как такой стране можно вообще доверять? Что Америка, что Франция — одно и то же. Честный, благородный офицер дает слово, а потом выглядит как какой-то обманщик. После этого он не хочет больше никуда соваться. Инициативу всякую нарушают. Одним словом, если Запад не возьмется за ум, если он не начнет менять свою тактику, не вернется от подлости к честности, к благородству, — он погиб, потому что действительно к нему рождается ненависть. Западных людей рассматривают как каких-то обманщиков, предателей, идиотов, которые ничего не понимают, как людей с огромным самомнением, которые в силу этого всё в конце концов прова-

ливают. Так нельзя. Люди не хотят, чтобы их обманывали, не хотят быть какой-то разменной монеткой, не хотят, чтобы в кулуарах парижских министерств устраивались за их счет какие-то сделки. Так не пойдет. Надо быть честным, держать свои обязательства, быть благородным. Для этого надо провести революцию в умах, вернуться к прежним духовным ценностям. И не просто вернуться. Нужно более передовое мышление. Раньше благородными людьми считались одни дворяне, а сейчас для нас благородные люди — все, у кого благородная душа; они — наши братья. И мы будем помогать всем людям постепенно освобождаться от низости и подлости. Революция в умах — вот что сейчас наиболее необходимо и на Западе и на Востоке.

Ставка Франции на танки и самолеты привела к тому, что когда Дьенбьенфу надо было защищать, как раз не было ни танков, ни самолетов. Америка не помогла, Франция после всех передраг не могла сама защитить город. Надо было доверять именно местному населению, умных людей в Дьенбьенфу послать. И ведь был ряд умных человек: маршал Латтр де Тасиньи, такой вьетнамец, как полковник Леруа. Надо было поручить Леруа искать подобных золотых людей. Он нашел бы их в достаточном количестве. А послали туда генерала, который ничего не соображал. К тому же вооружения было недостаточно. Еще секты всякие буддистские сыграли свою роль, потому что католики подорвали доверие, которое вьетнамцы к ним испытывали, потому что французы оказались болтунами, людьми, на которых нельзя полагаться. Вьетнамские крестьяне перестали им помогать, а своими силенками они ничего сделать не сумели. Вот и получили французы Дьенбьенфу.

Очень хорошо выступал один журналист, который, видимо, всю эту войну проделал. Он честно сказал: «Мне стыдно, мы — подлые, предаем людей не в первый раз». Ссылаясь на Алжир: «Через десять лет в Алжире то же самое делалось. Те же самые нравы. Опять обещания, опять мы его продали, опять мы убежали. Ведь так же нельзя, это же позор». Он с болью в сердце говорил, но на остальных это, по-моему, не очень действует. Для них это уже, к великому сожалению, не зву-

чит, настолько сейчас они привыкли ко всем марксистским омерзительным оценкам событий. Но если французы хотят выжить, не быть рабами у марксистов, то придется вспомнить им свое благородное прошлое.

Вчера мы смотрели с Иссой по телевидению картину «*Condamné au silence*»⁸⁹. Американский офицер, авиатор, вынес на своих плечах всю войну, имеет опыт. Он всячески старается доказать своим генералам, что необходимо авиацию перестроить. Он — новатор, человек мысли, но затрагивает чьи-то интересы. Его встречают очень недружелюбно, ему не верят. Чтобы подтвердить правильность своих мыслей, показать, как авиация может потопить корабль, он наперекор начальству топит один негодный корабль. Его разжаловали и послали в Техас далеко от моря.

В фильме показана история даровитого офицера, у которого нет ни политических врагов, ни сторонников. Он действует как изобретатель, прокладывает путь для будущей авиации. Случай самый простой: человек не мешает ни коммерческим, ни политическим интересам, а добивается признания правильности своих мнений. Если бы он только писал свои докладные записки, то их, вероятно, похоронили бы, как он это правильно понял, и свет никогда не узнал бы о его предложениях. Руководство армии вынудило его пойти на дисциплинарные нарушения. Он созвал корреспондентов и объявил, что считает действия генералов, генерального штаба в отношении авиации вроде как предательством. За это его судят и выносят приговор. А потом история показала, что все его предложения с точностью сбылись.

Схема очень жизненная и характерная для западного мира. Запад умеет и осуждать на молчание, и заживо хоронить. Наверное, много хороших идей было похоронено, когда это ему мешало по разным соображениям.

---

⁸⁹ Приговоренный к молчанию (франц.).

Я давно понял, что Запад — кладбище идей. В моем случае я думал, что уж слишком много интересов затронул, слишком уж опасен для врагов. Но оказывается, для захоронения не нужно иметь многочисленных врагов, достаточно затронуть интересы какого-то одного круга.

Важная подробность в фильме. В ходе судебного заседания генерал Макартур (не знаю, идет ли речь о знаменитом генерале Дугласе Макартуре) заявил, что нельзя лишать подсудимого права защиты, так как это — основа основ демократического общества. Право защиты обязательно должно быть. Это — закон общества, его узаконения. Право защиты даже скорей можно получить и в хорошей монархии, и при самодержавном режиме, и в империи, где все строго ограничено законом. Так что право защиты не является признаком демократии и каким-то ее достижением. Наш великолепный русский суд при самодержавии вполне отвечал этому требованию.

Отсюда лишний раз вывод, насколько важны этический контроль и думы. Были бы они, авиатор из фильма, если видел бы, что по военной линии у него не выходит, направил бы свою докладную записку в Думу, которая ближе всего относится к его отрасли, и, уж во всяком случае, там она не пропала бы. Дума, скорей, чем он сам, поняв глубокий смысл его предложения, могла бы воздействовать на генеральный штаб. Верней всего, генеральный штаб на ее запросы дал бы вразумительный ответ. Но если даже Дума не сумела бы на него воздействовать или докладной записке не дали бы ходу, то по крайней мере она смогла бы дать этому офицеру возможность развить, углублять и разрабатывать его идеи, и они были бы сохранены.

Только у благородных людей интересы общества, страны превышают их собственные интересы. Без этического контроля западный мир — какое-то слепое создание, в котором темные силы под различными оболочками портят жизнь человека и жизнь общества. Один человек поступает так из соображений честолюбия, другой — из соображений заработка; всегда соображения найдутся. Личные соображения очень сильны у человека; натура у него такая; большинство людей такие. Поскольку это так, нужно иметь незаинтересованный, над

ними стоящий центр, который я называю этическим контролем. Иначе западный мир будет совершенно слепым, таким слепым, как сейчас. Для изобретений все-таки созданы какие-то патентные бюро и полностью наведен порядок по той простой причине, что, во-первых, они многих интересуют, во-вторых, они — двигатели прогресса. Это люди поняли. А для идей, которые создают само общество, тоже необходимо патентное бюро из благородных людей, из элиты; оно необходимо для общества, ему его не хватает.

Большая централизация привела советский режим к тому, что ему пришлось создать какие-то центры, и главное, центры государственного контроля. Без этого он вообще развалился бы давным-давно. Режим держится на этих центрах контроля, принуждения, террора. Слепота и слабость режима заключаются в том, что того, кто подаст какое-нибудь предложение о его совершенствовании, он сразу прячет в дурдом. Если вы выдвинете предложение технического порядка, то вас замучают во всяких инстанциях. Центры работают против себя. Центр ничего не может сделать. Слишком многим людям мешают все новшества: перестройка производства, новая технология, освоение нового. Производственники всегда думают об этом как о каком-то ужасе: премии летят и тому подобное.

Я это все хорошо учел и использовал в своей инженерной деятельности. Передо мной вопрос стоял так: перестать вообще быть инженером, совершенно сойти на нет или найти способ не приносить пользу этому режиму. Мне кажется, я его нашел. Когда я вынужден был принимать участие в разработке каких-то крупных проектов, волей-неволей я должен был свой узел, свою часть работы выполнять. Но я старался всегда браться за такие работы, которые, во всяком случае, военного значения не имели. Это мне почти всегда удавалось. Помню, что взялся сделать монтажный кран для сооружения крупнейших плотин — Братской, Красноярской и других. Мне удалось разработать удачный переносный

десятитонный кран, который мог бы в значительной степени ускорить монтаж, скромно говоря, на двадцать процентов: если он производился бы пять лет, то стал бы производиться четыре года. Прямо скажу, такой подарок режиму мне не хотелось делать. Я учел самую простую вещь: для того чтобы пробить все препятствия и провести в жизнь такое новшество, нужно кувшин собственной крови испортить и затратить огромное количество энергии. В моем случае было очень просто: не пробивай ничего и не кипятись; оставь хлопоты; пускай его захоронят по первому разряду. В данном случае мне помогло, что партийного инженера, с которым мы враждовали в институте, перевели в конструкторское бюро по сооружению электростанций, где я в это время работал, и он стал моим начальником. И вопрос решился сам собой. Враг сделал все, чтобы задержать эту работу, и не нужно было для этого особенно проявлять себя.

* * *

Третьего или четвертого августа по телевидению часа полтора выступал Марше, отвечал на вопросы. Основное замечание: устраивать такие встречи в виде вопросов и ответов — это помогать коммунистической партии. Нужен спор, одинаковое количество времени у обоих противников. Задается вопрос, Марше отвечает, другая сторона обсуждает его ответ, возражает. А здесь получилось так: задается коротенький вопрос, Марше нахально перебивает, не дает его закончить и начинает молоть свое, выдает свою фразеологию. Журналисты — вежливые люди. Иногда, может, они и повторяют свой вопрос, но в большинстве случаев в поток этой болтовни некуда вставить слово. Мельница какая-то. Этой болтовней он, собственно говоря, и берет; благодаря ей на самый тяжелый вопрос он не дает ответа, а напускает словесный туман. Может, у слушателя остается впечатление, что он ответил, что вопрос не такой уж важный.

Например, вопрос о стене в Берлине. Держи и не выпускай Марше, возвращай его к истоку, что бы ни сказал он, повторяй: «Почему существует до сих пор эта

позорная стена?» Он говорит, что были какие-то исторические причины. Хорошо. Какие причины? Он скажет, что фашизм и так далее. Хорошо. Допустим, это существовало тридцать лет назад. Но почему же эта стена появилась не сразу, а во времена Хрущева, в шестидесятом году, через пятнадцать лет после войны, когда с фашизмом давно покончили? И главное, почему она до сих пор существует? И почему существуют сейчас все эти сторожевые вышки, минные поля, электронное автоматическое оружие? Что ж за странность такая? А сколько людей убили при переходе границы? И почему люди бегут именно с Востока на Запад, а не с Запада на Восток? С Запада на Восток бежать нечего, возьми да поезжай; для этого рисковать жизнью не надо. Возвращаясь к этому вопросу, можно было держать Марше в течение всего вечера и вывести его на чистую воду.

Кроме того, надо было подчеркнуть, что зритель имеет дело с опасным оратором, который способен все объяснить, верней, оправдать. Коммунисты, говорит он, с этой стеной не согласны. С каких пор? Надо было спросить у него, в каком документе, в каких газетных статьях было об этом, на каком съезде стену осудили. Отговорочка для того, чтобы пыль в глаза пускать. Разве было серьезное предупреждение, серьезный разговор с Советским Союзом, требование прекратить издевательство со стеной? Ничего этого не было. Какой-то журналистик по заказу написал статеечку, и теперь на нее можно ссылаться. Это ж обман.

Историческими причинами можно все оправдать. Когда коммунисты в Португалии рвались к власти, думали, что власть почти в их руках, когда уже начался разговор о расправе на стадионах Лиссабона, Миттеран и Марше один за другим, разница была в неделю, сказали одну и ту же фразу, слово в слово: «Что ж, это можно понять, ведь там фашизм был не то сорок, не то пятьдесят лет». Позвольте, то же самое коммунисты скажут и во Франции, когда они возьмут власть: «Во Франции две тысячи лет была монархия, двести лет — капитализм, Петен во время войны на половине Франции господствовал, конечно, надо вывести исчадия капитализма, буржуазии. Французы — страшные индивидуали-

сты, надо с этим индивидуализмом покончить. Исторически это вполне оправдано». Вот такую пилюлю, милые французы, вам преподнесут, будьте готовы.

В итоге телезрители не расстались с мыслью о правильности поведения коммунистической партии. У них осталось в голове, что у коммунистической партии были какие-то причины, когда она что-то осуждала, что не так уж все страшно, не так уж все плохо. Мальчишки-журналисты только вежливенькие вопросы задавали. Самый лучший из них был из газеты «Орор»⁹⁰: он все-таки нападал. Но на Марше надо выпускать зубра, который на все может ему ответить и держать его в руках. Мальчишки не в состоянии были это делать. Поэтому форма коротеньких вопросов и длинных ответов была в помощь коммунистической партии.

Звучал, конечно, и вечный припев Марше о том, что Францией руководят люди, которые обслуживают международные монополии. Но ведь ему можно было тоже сказать: «Позвольте, а вы кого обслуживаете? Разве Советский Союз не мировая монополия? Уж более мировой монополии трудно себе представить. А кого вы имеете в виду под мировыми монополиями? Назовите. Иначе это какая-то абстракция, вранье. «Дженерал моторс»? Скажите, кем эта компания руководит и какой процент ее участия? «Форд»? Назовите мировые фирмы и объясните, в какой мере они влияют действительно на политику». Если против абстрактных фраз не сделать нужных возражений, то у людей действительно остается впечатление, что Жискара — приказчик монополий. Может быть, в какой-то мере это и верно. У Жискара органических недостатков хватает, но надо доказать с цифрами в руках, что его надо рассматривать как приказчика монополий. Компартия Марше имеет колоссальные деньги, людей, институты. Что ж она этого не докажет? Видимо, не так-то просто. А вот что компартия имеет банк «Креди де Нор», в котором миллиард долларов принадлежит

---

⁹⁰ «L'Augore — французская газета правой ориентации. В настоящее время выходит под названием «Le Figaro. L'Augore».

не то Советскому Союзу, не то компартии, доказано⁹¹, но почему-то Жискара это не использует. А надо бы.

Нас совершенно не должно интересовать, что во французской компартии какой-то раскол или спор. Эта партия — шайка и, как всякая шайка, может существовать только при единоначальнике и приказах. Заранее можно сказать, что, если кто-то поднялся против чего-то, не согласен с чем-то, его просто выкинут, и все. Поэтому весь этот раскол — театр, и надо сказать французам, что люди, которые посмели высказаться против Марше, будут исключены. Проследите. Придет время XXIII съезда, и они будут исключены⁹². Останется сталинистская шайка, которая по каким-то своим политическим соображениям будет подделываться под демократию.

Споры коммунистов с социалистами — их внутреннее дело; и те и другие хороши. Кстати, когда речь идет о внутренней дискуссии, коммунисты оказываются самые демократы, дискуссия для них — самое главное. Но при этом они еще и демократические централисты. Собственно говоря, это тоже только вывеска: «Вот мы обсуждаем на всех этажах. Но когда мы приняли решение, в период от съезда до съезда проводим его в жизнь, таково наше требование, называемое демократическим централизмом». С виду более или менее складно, но на самом деле совершенно не так. Дискуссия, по сути дела, отсутствует или превращается в обсуждение каких-то лозунгов, чтобы довести их до сведения рядовых коммунистов. В прежнее время лозунги диктовали Москва и Коминтерн, а теперь партийное руководство их диктует. К этому все и сводится: довели до сведения, и кто-то для виду высказался. Как мы знаем, всегда подстраивают, что надо: заранее есть ораторы, которые говорят «за», и для виду, может, кто-то и «против» скажет; а в общем, все это декорация, выставка. На самом деле одна обяза-

---

⁹¹ Jean Montaldo. Les finances du Parti communiste français (Ж. Монтальдо. Финансы коммунистической партии). — Paris, Albin Michel, 1977.

⁹² Так и произошло. На этом съезде были исключены из компартии ряд ее диссидентов.

тельная директива сменяет другую, в настоящий момент обязательную. Нежелательных людей демократический централизм разрешает выкидывать, как это делается в любой шайке.

В двадцать пятом — двадцать седьмом году в СССР была оппозиция троцкистов и зиновьевцев, которая действительно стала не соглашаться с партией и говорить свои вещи. В какой-то мере коммунисты Альтшулер и Эленштейн повторяют эту историю. Конечно, их неудобно назвать оппозиционерами, а надо рассматривать как малюсенький клан *intellectuels*⁹³ в партии. Основная партия, в которой, как говорит Марше, семьсот тысяч (конечно, это вранье), за ЦК, но ряд каких-то отщепенцев что-то болтают против него. В демократической стране неудобно показывать все свои сталинские зубы, потому такая декорация: «Да, мы очень рады, что есть диссиденты у нас. Это наш воздух, он нам необходим». Посмотрим, что даст этот воздух. Конечно, будет принята нужная для ЦК их партии, для Марше политика, а диссидентов партийных или выкинут, или заставят молчать.

Демократический централизм — это очередной обман. Он сводится к следующему: пахан дает установку, для виду происходит обсуждение, конечно, девяносто девять процентов «за», и потом эта установка проводится в жизнь. Мы знаем, что это не партия, не демократия. И при Ленине так было, и сейчас то же самое. Ленин был против демократии. Для чего же теперь у Марше слово «демократ»? Только для обмана людей. Это надо было тоже довести до сведения телезрителей во время передачи. Жискар был страшно рад, что Фабр⁹⁴ из партии левых радикалов принял какое-то его предложение. Марше на этом играет: «Мы это доказывали; конечно, они скатились к правым». Не обыграли это его противники, не сказали, например: «Вот видите, когда единственный человек из вашей левой считает, что Франции

---

⁹³ Интеллигенции (*франц.*).

⁹⁴ Робер Фабр — основатель и председатель (1973 — 1978) движения левых радикалов (MRG), из которого он затем был исключен.

нужно как-то помогать, берет на себя разрешение вопроса о безработице, тотчас на него все обрушиваются, говорят, что он прислужник, лакей. Так какая же тогда у вас демократия? Вы — оппозиционеры, вы в оппозиции, но не должны все же мешать улучшению страны. Или вы только за забастовки, за разрушение, и тогда надо сказать, что коммунистическая партия — партия разрушения этого строя. Не скрывайте этого. Силы, которые против вас борются, должны разоблачать вас на каждом шагу. Кто вы есть? Вы есть разрушители и, пожалуйста, не рядитесь ни в каких демократов. Вы хотите уничтожить Францию, ее экономическую систему, устроить свою власть — так и скажите. Поэтому, если человек какой-то пошел навстречу интересам Франции, вы не шельмуйте его, а скажите, что он вам неудобен, плох тем, что укрепляет Францию, которая вам ненавистна и которую вы хотите превратить в свою вотчину».

Во всех случаях, когда коммунистическая партия выражает против политики Жискара, надо вскрывать ее натуру, объяснять, для чего это делается. Во всех случаях, когда Марше против или за, надо всегда выяснять причину. Скажем, он против вхождения Испании в свободный рынок. Но, конечно, не потому, чтобы сделать хорошее для фермеров Франции, чтоб конкуренцию уменьшить — об этом Жискара думает не меньше, — а для того, чтобы получить лишние голоса и лишнюю демагогию развести: «Вот смотрите, коммунистическая партия защищает интересы крестьян». Коммунистическая партия — худший враг крестьянства, враг, который боится не знаю как крестьян и их уничтожает, и вот Марше напяливает на себя шкуру любителя фермеров и их защищает. Но никто не задал Марше вопросов, показывающих его лживость. Например: «Почему же вы уничтожили всех фермеров? Почему в Советском Союзе и в других странах были против них?» Нельзя было во время этих дебатов задать вопрос, а потом дать Марше возможность молоть чуть ли не час всякий вздор, который слушать противно.

Каждый раз когда Марше говорит, что его партия — партия рабочих, надо говорить, что это вранье, что она — враг рабочих: коммунистам рабочие нужны толь-

ко для того, чтобы захватить власть, а когда власть захвачена, рабочие становятся первыми жертвами. Надо было сказать о том, как коммунистические профсоюзы разрушают Францию. Полтора часа вечером французы слушали Марше, и никому в голову не пришло сказать: «Смотрите, какое безобразие творится сейчас в аэропортах. Позор! Франция не государство, а просто какой-то бардак. Нарушено сообщение на всех линиях, Франции и различным компаниям нанесены огромные убытки. Жалко людей: дети, женщины сидят на аэродромах по три-четыре дня в тяжелых для западных людей условиях, и все страшно дорого им стоит; деньги у них уходят на ресторан, хоть поехали они не для этого. А кто это устроил? Да, конечно, коммунистическая партия. Вот ее любовь к Франции, к рабочим людям». Надо об этом говорить.

«Компартия на страже интересов трудящихся, наше воздействие на буржуазию приводит к тому, что у нас невозможно то, что в Германии», — сказал Марше. А что в Западной Германии плохого? Богатейшая страна, немного больше порядка и меньше безобразий, забастовок, чем во Франции. Там, где коммунистическая партия сильная, там идет разрушение страны. Рабочий класс ничего не выигрывает.

Затем Марше начали клеветать за то, что он в сорок втором году добровольно поехал работать в Германию. Депортация была в сорок третьем, а он уехал раньше; для депортации какая-то подпись требовалась, которую он не представил. В общем, доказано, что он уехал из Франции по собственному желанию в сорок втором году. За это я Марше меньше всего обвинял бы. Он был тогда молодым рабочим парнем. Он воспринял идеалы Народного фронта, Леона Блюма, на которых был воспитан. А в тридцать девятом начинается роман коммунистов с Гитлером, который продолжается два года. Вот Марше и понимает, что эту буржуазную войну с Германией нечего поддерживать: с Германией не надо бороться, а, наоборот, в ней надо пролетариат, братские узы крепить. С сорок первого года надо было сразу переключиться по приказу Москвы и быть против Германии, а он годик в ней задержался. Ну что ж тут такого? Молодой человек, партия не была еще такой сильной, как сейчас, может, и печать была немножко ограниченная,

подпольная. Значит, не дошли до него эти приказы, вот и все. Он продолжал с тридцать девятого по сорок первый действовать в русле директив компартии времен Народно-го фронта. Потом разобрался, ему подсказали. Виновата целиком партия, которая этим и была замечательна, что была то против, то за Гитлера. Таково ее лицо.

Французская правая на уровне своего правительства — сплошной позор. Крупного арабского террориста⁹⁵ выпустили из тюрьмы и разрешили покинуть территорию Франции, а завтра, может, он убьет одного из членов ее правительства. Ведь Карлос⁹⁶ перебил полицейских, бывших чиновников, но все забыли, простили. Дожидаются. Такая же картина во французских салонах, даже тех, которые считают себя правыми. Самое главное: они уже решили, что все кончено, что приходит к власти *la gauche* — левые партии — и надо сдаваться заранее. Что можно делать с таким настроением? Взглядов никаких, убеждений никаких, что-нибудь возразить не могут. Мне просто интересно: «Я предлагаю то-то, возразите. Найдите слабое место и скажите, что Общество Независимых почему-то не пойдет». Нет, никогда. Сейчас книжки исчезли, весь тираж вышел⁹⁷.

---

⁹⁵ Имеется в виду Абу Дауд, подозреваемый в организации террористического акта во время Олимпийских игр в Мюнхене. В 1977 году он приехал во Францию под вымышленным именем, чтобы присутствовать на похоронах делегата ООП (Организации освобождения Палестины), был арестован французской полицией и тут же освобожден.

⁹⁶ Карлос Ильич Рамирес — известный венесуэльский террорист. В 1997 году французский суд приговорил его к пожизненному заключению.

⁹⁷ «Le Monde oscillatoire» (Осциллирующий мир), в котором было кратко изложено «Общество Независимых», был сразу распродан на лекциях Д. П а н и н а.

Отвратное впечатление от этой хваленой демократии. Все делается, конечно, политиканами, делегатами, которые выносят в своих очень узеньких кругах решения, оповещают людей своей партии, а до сведения населения доводят следующее: «Вот, мы решили вчера так». Более чем демократично, возражений никаких нет, а коли кто возразит, так это ведь никакого значения не имеет. Что им нужно, они сами проведут.

По сравнению с этой кучей проходимцев, которая стоит во главе каждой партии, насколько действительно лучше и честней как-то для населения, чтобы был у него свой король, свой царь, человек, который уже с детских лет приучен к правлению, ибо его воспитали с этой мыслью. Он специалист и окружен специалистами; любой его министр не боится, что его спихнут, потому что какие-то выборы могут произойти. Кому нужны эти выборы? Это спектакль, театральная постановка. В результате выборов довели министров до такого состояния, что они боятся действовать. И правильно. Зачем им действовать, портить себе жизнь? Он побыл министром, для его карьеры это очень хорошо, для послужного списка прекрасно. Он может после этого спокойно жить до конца дней, в каком-нибудь акционерном обществе заседать. А для этого ему не нужно портить отношений ни с кем. Вот он и ловчит, чтобы свои четыре года побыть министром, приобрести как можно больше знакомств, никому на ногу не наступить. И получается, что все катится к черту.

Надо помнить, что королевский способ управления покоится на законе движения вещей⁹⁸. Религиозная, христианская струя течет именно от большей густоты к меньшей, потому что Христос заповедал монархический принцип управления Церковью. Прибавьте к этому обычай, традиции, уважение к помазаннику Божьему. Все это разрушает произвол власти, делает ее какой-то чистой.

---

⁹⁸ Согласно следствию закона движения вещей, открытого Д. Паниным в 1950 году, все изменения во Вселенной происходят от большей густоты к меньшей.

Нагляделся на эту демократию. Это движение вниз, ибо приходится прислушиваться к воле толпы. А мы знаем, что из себя толпа представляет. Недавно экологи-сты кричали: «Не нужно атомных электростанций». А депутаты перед ними расшаркиваются, стараются завоевать их голоса, обещают им исполнить их желания, тормозят развитие электростанции. В результате Франция совершенно в чудовищном положении находится. Какая-то авария на какой-то линии вывела всю Францию из строя. Господи, это же такой позор для конца двадцатого века. В Советском Союзе такая вещь невозможна: режим готовится к войне и всегда у него мобилизационная способность страны — вопрос номер один. Целые институты созданы, чтобы проверять способность страны, как она на данном участке должна себя вести в военное время. И на первом плане электроснабжение. А на Западе экологисты внушили каким-то профсоюзам и дуракам, что атомная электростанция приносит вред окружающим людям. И никогда военные не выступают против. О них мы слышим, только если их награждают. Вот и все их участие в общественной жизни.

В условиях монархии можно сделать так, что советы тоже можно будет давать, но только монарх от них не зависит. Должен быть абсолютный монарх, самодержавный монарх, который имеет хороших представителей в думе. Дума из деловых людей и не хулиганит, как Ассамблея у нас во Франции. И если в думе какой-то болтун, то его можно будет оттуда удалить. Дума — это совет, собранный из серьезных людей всех слоев.

В «Обществе Независимых» я показываю, как можно использовать гражданские и демократические свободы. Боюсь, что это уже поздно для этого общества, которому нужна военная диктатура типа Пиночета, Салазара или Франко, чтобы навести порядок. Для многих нужна хорошая встряска. Боюсь, что одной тихой проповеди недостаточно. К моей книге надо будет дать приложение: статьи о путях становления этого общества.

Когда душа нации оскудевает, признаки маразма и разложения во всех слоях. Впрочем, по моей теории, как раз наоборот. Душа нации есть функция душ отдельных людей, их равнодействующая. Взаимовлияние, взаимоналожение тоже наличествуют, но основа идет от каждого человека. Если бы люди верили в Бога и имелось бы хорошее положительное силовое поле, какие-то идеалы, то душа была бы крепкая.

* * *

К нам приехал молодой красивый comte d'Entremont⁹⁹ с супругой. Во мне он вызывает определенную симпатию. Он, конечно, не согласен с тем, что творится во Франции, и критикует французские порядки со знанием дела, со знанием обстановки. Естественно, что он в поисках чего-то, что можно было бы предложить, что могло бы изменить положение. Но он в каком-то очень закрытом обществе, ограниченном кружке подобных ему титулованных особ, и все, что исходит не от них, в лучшем случае может быть использовано как цитаты, причем как цитаты рыночного характера: цитировать надо звезд, тех, кто признан. Не по уму оценивают в этом обществе, а по одежке. Это уж общая установка.

Выход из положения он видит в книге о постановке образования в лицеях, которую написал в соавторстве с другими. Корень зла в том, что образование ведется с совершенно неправильных, точнее, с враждебных Франции позиций. В этом отношении он прав. Латынь совершенно изъяли, а она для католической страны обязательна. Дальше он показывает, что учебные программы, которые формируют ребенка, сделаны не так, чтобы он научился мыслить, стал человеком, ответственным за свое поведение, с развитым взглядом на мир. Все делается, чтобы сделать из человека робота, послушного исполнителя. И в этом, конечно, авторы книги совершен-

---

⁹⁹ Граф д'Антремон (франц.).

но правы. Они против установки, которую разделяют не одни социалисты, а с какой-то стороны и Жискар. Одним словом, авторы книги бьют в набат. Увы, не набат это, а маленький колокольчик, но он звенит по праву. Действительно, если так дело пойдет, то люди будут превращаться в какое-то быдло потребителей, требующих управления, не имеющих собственного мнения, пассивных членов коллектива.

Я был не склонен вести с ним разговоры, но слушал его довольно долго и книгу обещал просмотреть. Исса уже нашла в ней интересующие меня двадцать страниц. Может, я даже запрошу его, какие страницы он считает самыми актуальными, поскольку читать все невозможно.

Уже сейчас на основании этого разговора мне хочется сказать, пока не изгладилось впечатление о нем, что люди бьются действительно как рыба об лед. Но бьются они не потому, что нет решений, а потому, что не умеют их искать, потому, что они искалечены воспитанием. Думающему и действующему французу вбили в голову, что Франция — самая великая страна, французы — самые умные люди, а другие нации в сравнении с ними ничего сделать не могут и прислушиваться к их мнению нечего. И вот на этом они и горят. Умники настоящие у французов перевелись. Я не вижу сейчас среди них людей, которые поражали бы своим умом. Все у них на довольно среднем уровне. И опять общая установка — рыночная: принимать человека по одежке. И если человек не имеет должной одежды, не имеет известности, славы, то его читать не будут. При таком положении разве можно найти решение для выхода из тупика?

Я поставил в упрек графу: «Вы-то почему "Шуа" не читали, ведь это же для вас написано? Для кого же мы тогда стараемся и издаем?» — «Извините», — ответил. В общем, ему сказать нечего. Читать он его не читал, знать его не знает. «Ну как же? Там ведь есть целый ряд решений. Почему вы начинаете на ровном месте изобретать велосипед? Ведь мы же приехали с опытом, со знаниями, с готовыми решениями. Посмотрите, сколько я привез с собой продуманных рукописей. Вот сейчас их выпускаю. Где же ваш ум? Где же ваше старание? Что

это за правые партии у вас? Вы разъединены, есть только какие-то малюсенькие группки. В эти группки и проникнуть даже нельзя, потому что они боятся свежего дуновения и рассматривается в них все как посягательство на их первенство. Разве так можно? Я вам предлагаю объединительную идею — Общество Независимых. Если у вас такие нравы, что каждый в свой куток смотрит, то вы — конченные люди. Вы тогда сами себя готовите для Гулага». При следующей встрече собираюсь ему сказать: «Книжка, которую вы написали, хоть на все сто процентов написана прекрасно, никакого влияния на ход дела иметь не будет. Как вы и толковали сами целый вечер, к кому ни обратишься, все боятся, отнекиваются, никто на себя ответственность не хочет взять. Поэтому, что бы вы ни писали и ни делали, если у вас не будет в руках власти, все это бесполезно. Для того чтобы наладить правильное образование и многие другие вещи исправить, нужно иметь в руках власть. Нужно готовить людей, способных взять власть в свои руки. Потому что коммунисты и иже с ними со своей стороны готовятся, за ними стоят большие силы, и надо что-то делать для того, чтобы и за вами стояли тоже немалые силы».

Самое потрясающее в рассказах графа — это равнодушные родителей к судьбе своих детей. Зарботок для них безусловно во главе угла. Но я думал все-таки, что для них превыше собственные дети, судьба детей. Казалось бы, уж этим можно затронуть французов. Оказывается, нет. Граф объяснил, что вопрос об образовании их совершенно не трогает. Ты можешь их убеждать, говорить, что их детей превращают в роботов, что им с детства прививают какие-то рабские повадки, что они не смогут построить хорошее общество, — они это отбрасывают.

Но это же страшный признак. Если человек настолько погружен в свои материальные узколичные интересы, что даже материальные интересы собственных детей его мало трогают, как тогда такое общество может обороняться? Время изменилось. Поэтому совершенно недостаточно отбоаиваться и сводить вопрос к государству и к тем повинностям, которых оно требует от граждан. Так было в прежние времена. Сейчас война идет на всех этажах. И в домах граждан, и в их общинах, и на их

работе. Сейчас каждый должен вести эту войну и каждый день себя спрашивать: что я сделал для того, чтобы победило то, что я считаю правильным? Коммунисты и те, кто принадлежит к другим левым партиям, ведут такую борьбу. У них есть и воинствующие активные члены, и соответствующая организация, и деньги. Они лезут во все щели.

Вот вчера звонят в дверь свидетели Иеговы — два здоровых парня. Исса их спрашивает: «В чем дело?». — «Не хотите ли узнать судьбу Иеговы?». — «Не хотим». — «Ну ничего, мы вам под дверь подложим наш журнал». Верно, оставили свой журнальчик. Вот так эти свидетели Иеговы и коммунисты умеют действовать. А коренные французы, которые должны свою страну, своих детей, свое будущее защищать, за полицию должны прятаться. Это сейчас, пока положение еще мирное. А что было в шестьдесят восьмом году? Мы тогда еще не были во Франции. Наверное, французы дрожали и ждали, что вот-вот левые возьмут власть. Вот в чем трагедия Франции. И приходишь к выводу, что сами французы в демократии ничего не сделают, чтобы изменить положение.

* * *

Согласно моей политической экономии, центры природной энергии, скажем нефть, должны быть международной собственностью, собственностью всех народов. Нефть должна продаваться по определенной цене, эта цена не должна колебаться и не должна находиться в руках отдельных лиц. Продавать ее могут компании, они могут делить свои барыши, но никакой спекуляции, никакой конкуренции не должно быть. Иначе это подрывает всю экономику. Теперь мы видим, что собственность на нефтяные разработки в руках арабов привела к тому, что началась война между Ираком и Ираном, и огромные установки нефти, которые питают весь западный мир, находятся сейчас в огне, бомбардируются. Это лишний раз говорит о том, что эта собственность должна быть в руках надежных сил, а не местных князьков.

Долг Польши Западу — двадцать семь миллиардов долларов. Долг Советского Союза и его сателлитов — пятьдесят семь миллиардов. Все эти деньги никогда не вернутся. Что это за экономика? На чем она построена, на чем она держится? Из моей политэкономии вытекает, что, если вы даете Польше двадцать семь миллиардов в кредит, это значит, что вы на двадцать семь миллиардов передали ей сконцентрированной энергии в виде изделий, технологии. Если вы даете кредит непосредственно в виде денег, то на эти деньги сейчас же покупаются нужные изделия, то есть опять-таки вы даете достаточно большое, даже огромное количество овеществленной энергии в виде изделий, которые пойдут на укрепление и существование Польши.

Если вы те же деньги вкладываете в свою военную промышленность, то вы даете тоже изделия, открываете кредиты, но эти кредиты могут быть возвращены и в не-малой степени, и даже не будучи возвращены, создают вашу силу, мощь. Там вы теряете наверняка, здесь вы теряете частично. Вы передаете на двадцать семь миллиардов изделий Польше, вашему явному врагу, вы его спасаете, выручаете — и не даете этих денег для того, чтобы создать себе военную промышленность. Это совершеннейшее безумие. Если при создании военной промышленности какой-то дредноут или броненосец частично не вернет этих денег, то из Польши и из Советского Союза вы тоже никогда не вернете денег. Окажите тот же кредит, дайте на тех же условиях деньги военной промышленности своей страны, чтобы повысить ее военный потенциал. Если вы не взлетаете на воздух и дадите деньги Польше, то вы можете то же количество денег в виде изделий передать на оборону своей страны. У вас не будет безработицы, будет занята металлургия, не будет целого ряда проблем.

* * *

Частенько перебираю старых мастеров и не очень старых. Полотна французского художника Дюфи. Вот

его картина: порт, мол, на конце мола — маяк, на молу гуляющая пестрая публика. Мазки, лиц не видно, но по телодвижениям, по фигурам — это самодовольная публика, которая выпитывает все блага жизни. За этими людьми — ослепительное море, сверкающее небо, какие-то чайки летают, их благословляют. Вспомнил гуманизм, гуманистическое течение, с виду привлекательное, а по своей сути пустое.

Потом я посмотрел другие картины Дюфи. Они все такие: блеск и пустота. Ведь могут быть люди, а могут быть обезьяны, которых нарядили, и они им подражают. Вот какой-то оркестр или в каком-то баре перед нами светские люди, кадеты, офицеры, но это не человеческая публика, а манекены. Так можно нарядить людей для того, чтобы рисовать с них костюмы. Картина не содержит в себе какого-то элемента жизни, впечатления, настроения.

Дюфи для меня выразитель гуманизма, светской болтовни: мы хорошие, мы гуманисты, зачем нам религия, всё мы можем сами, у нас замечательная техника, искусство. Все картины Дюфи в одном и том же духе. Не то замок, не то какой-то дворец из красного кирпича. Все очень яркое: уж зеленый, так зеленый, черно-зеленый; небо не синее, а черно-синее. Люди тоже какие-то пестрые, сытые, довольные. Гуманизм. Купальщицы — куски мяса. Если у купальщицы выражение есть, то оно животное. А зачем гуманисту другое? Раз Бога нет, души нет, что ж остается? Остается тело и восхищение самим собой. Раз ничего нет, кроме тела, ума, восхищайся своим телом и умом. Какие-то маргаритки в доме, тоже сверхпестрые, сверхкричащие. Души нет, духа нет, устремлений в высь нет; то, что ты видишь, тем и наслаждайся. Таким и должен быть гуманист. Правда, если все время будешь наслаждаться, то на третью неделю, пожалуй, убежишь. Но Дюфи выдержал всю жизнь и неплохо заработал, неплохо кончил.

* * *

И в Канаде, и в Штатах бог — доллар. С десяти-двенадцати лет дети стараются подрабатывать, скажем раз-

нося газеты. В Канаде родителям дано право не содержать своих детей с шестнадцати лет, и государство вынуждено выплачивать им какие-то пособия. Студенты должны сами обеспечивать себя во время учения и платить за него, поэтому летом почти все работают. Это имеет свои положительные стороны: ребята учатся не так, как в Европе, в частности не так, как во Франции.

В Королевском университете в Кингстоне, куда меня пригласили осенью 1978 года прочесть курс лекций, на стенах не было никаких серпов и молотов, портретов Мао, воззваний. Вид у студентов сознательный, улыбаются, лица открытые. Все чинно, прилично. Правда, этот университет имеет репутацию более консервативного. Университеты в Монреале приближаются к парижским и, по слухам, очень левые, марксистованные.

Для жителей Канады лечение очень хорошо поставлено и почти бесплатное.

Довольно большая украинская конгломерация. Украинцы русской культуры — образованные, умные. У самостийников, как правило, чего-то не хватает — ума ли, образования ли. Какие-то вообще неполноценные люди: лишь бы ты был украинцем, каким — неважно. Потому и пригласили Плюща¹⁰⁰, Некрасова. Встречали их, привечали, а потом разобрались, что один коммунист, а другой — безбожник, в прошлом тоже коммунист, да и сейчас не очень от всего этого отстал. Вот и сели в лужу. Но русские для них — брак. С этим настроением ничего не поделать, хоть предельно все глупо.

Существует небольшая прослойка умных людей из старой русской эмиграции. Эмигранты второй волны¹⁰¹ почти все ушли в быт. Несколько человек бьются как рыба об лед, пытаясь что-то из идей пробить, но как раз у них денег нет. Другим разрешают приезжать в Советский Союз, а за это — сиди и молчи, не смей ни в какие организации вступать. К тому же их еще и завербо-

---

¹⁰⁰ Леонид Плющ — украинский диссидент; в настоящее время живет во Франции.

¹⁰¹ Приехавшие в страну после второй мировой войны.

ывают. Многие из них сами недовольны сложившейся ситуацией и жалуются на нее. Лада нет, склада нет. Церкви разделены — люди разделены; одни к другим в гости ходить не могут, если не ходят в одну и ту же церковь. Прямо удивительно, как мы могли создать великую империю с таким народом. Правильно было сказано в летописях: «разбредашися розно». Поэтому у нас всегда и были какие-то иноземные властелины.

Марксизм в Канаде еще не угрожающий. Там его, собственно говоря, не знают, в образование он еще не проник. Но угроза нависла. На моих лекциях были очажки красных. Английское высокомерие не позволяет более чем двумстам преподавателям социальных наук Кингстонского университета что-либо из жизни почерпнуть; учатся только у больших авторитетов.

Посещение Кингстонской женской тюрьмы для самых больших преступниц запомнилось. Это — курорт, санаторий. Воздух не тюремный, а как в любом другом учреждении. И понятно почему: чистота, всё кругом уют. У каждой женщины своя комната — камера с решеткой. Все двери, конечно, открыты. Арестантки свободно ходят по коридорам, гуляют. Кое-кто сидит в комнате, делает вид, что учится. У одной из арестанток вид отдыхающей, ноги забросила на стол. Некоторые в парикмахерской волосы завивают, сушат их под колпаками. Другие что-то шьют, рукодельничают; в их распоряжении швейные машины. Огромная спортивная комната была пустой. Все там тоже чисто, прибрано. В большой комнате черно-белый телевизор, но тюремщики сказали, что начальство собирается поставить цветной. В столовой тоже все блестит, порядок. На сегодня — индейка; для тех, кто ее не хочет, — другое мясо. Тюремщику платят в год шестнадцать тысяч долларов. (Я получал в канадском университете тысячу долларов в месяц: триста пятьдесят мы платили за квартиру, на оставшиеся шестьсот пятьдесят многое можно было сделать; на человека совершенно достаточно сто — сто двадцать долларов, если дома питаться.) Арестанток отпускают домой: За хорошее поведение им сокращают срока. Одна из них получила десятилетний срок за провоз наркотиков, ее муж еще больше. На тот свет отправили немало

людей! «Ничего, — говорит, — четыре года просижу, и меня выпустят за хорошее поведение». Она помогает делать местный журнальчик, и ей разрешили без присмотра прийти на мою лекцию.

Канада произвела на меня впечатление благополучнейшей страны. Это отделение королевства еще не расшатало. Конечно, процесс идет, уничтожают традиции. Американская Церковь не самая сильная. На своих лекциях я много о религии говорил; объяснял, то, что мне нужно было. Ни протестанты, ни католики меня в свои церкви не пригласили. Пригласила меня лишь маленькая греческая община. Прочел там бесплатно лекцию — для Бога надо делать бесплатно.

* * *

Нью-Йорк. Американцы нам сказали, что это свалка Америки, а не Америка. Я не совсем с этим согласен. Если это и так, то Нью-Йорк остается местом, где очень хорошо наблюдать Америку. Ее язвы в Нью-Йорке представлены наиболее выпукло, а хорошие стороны, может быть, и спрятаны. Но хорошие стороны всегда можно заметить, для изучения же плохих — думаю, что Нью-Йорк место очень подходящее. Впечатление он производит страшное. Жить в таком городе отвратительно. Не город, а крепость: черные пуэрториканцы местами терроризируют население; в Бронксе негры сожгли собственные дома, чтобы получить от страховой компании большие деньги. Не все негры — дикари, но умные образованные негры, проживающие в разных частях города, страдают от негритянской черни из негритянских кварталов. Там жизни нет.

Одна еврейская семья из Советского Союза поселилась в прекрасном доме в квартире из пяти-шести комнат по баснословно дешевой цене — сто долларов в месяц. Но девочку на улицу выпустить нельзя, что угодно могут с ней сделать. Часто негры барабанят на большом барабане или запускают магнитофоны и приемники на всю железку. Деваться некуда. Многие из Бронкса переезжают в Квинс и платят по двести пятьдесят или три-

ста долларов за квартиру, чтоб только не сойти с ума, не изувечить своих детей. Вечером по улицам ходить опасно: могут поранить, обворовать.

Мы прожили в Нью-Йорке месяц. Хотели снять квартиру в Манхаттане, но, увидев нас, хозяйка сказала: «Не хочу вас подводить. Я как-то переночевала здесь, и всю ночь ко мне кто-то ломился».

Работать многие из негров не хотят, потомственно живут на велфере¹⁰² — двести пятьдесят долларов на человека. Нищих в Америке нет. Но наркоманам и пьяницам не хватает этих долларов. Вот они и побираются или стараются зарезать человека. На улице можно часто встретить обормотов, сумасшедших и полусумасшедших. Негр почти безнаказан. Полиция решила на него махнуть рукой, все равно его сразу же освободят.

Вашингтон тоже в руках негров. Как-то в течение восьми часов там не было света, и начались жуткие грабежи. Если советские трахнут по электростанциям, они смогут создать нечто вроде революции или гражданской войны. Негры, пуэрториканцы — это взрывчатый материал, который может помочь Советскому Союзу.

Расовая проблема в Америке не решена. Так ее не решают. Расы смешивать не следует. Совместная жизнь людей разных рас на разном уровне развития не решает проблемы. С культурными людьми можно жить совместно. Дикарской части населения надо раньше прийти в себя, развиться. Это процесс длительный. Если лет пятьдесят тому назад американцы сообразили бы отдать неграм три штата, скажем, Луизиану, Миссисипи, Джорджию, где земли хорошие, климат жаркий, подходящий для американских негров, помогли бы им вести хозяйство, поставили бы просвещенных негров и белых американцев, культурных, образованных, во главе — в общем, создали бы им самостоятельную страну, то проблема была бы намного проще. Но смесь, которую устроили в Нью-Йорке, не решение вопроса. Что-то не в по-

---

¹⁰²Велфер (welfare, *англ.*) — государственное пособие неимущим в Америке.

рядке. Несовместимость какая-то крови, рас... Белые не хотят с неграми жить.

На идею переселения негров мне возразил Бернар Аман: «Лет тридцать — пятьдесят назад негры жили в Южных штатах как в черте оседлости; в Северных штатах негры были просвещеннее, но на них тоже распространялась дискриминация. В голову не могло прийти образовать отдельную республику из негров. Такое решение посчитали бы утопичным. Привели бы тысячу соображений: повлияет на экономику, уйдут дешевые рабочие руки, лишимся сельскохозяйственных рабочих, хороших земель». Я думаю, что соображения Бернара Амана верны, если не проведена никакая подготовительная работа. Тогда предлагаемый проект, безусловно, будет похоронен. Но будущее зависит от наших усилий и способностей его предугадывать. Если работа проводится, есть уважаемые силы, которые проектом занимаются, то данная идея вполне возможна. Это совсем не такая уж утопия, как кажется на первый взгляд.

Свобода в Америке доводится до предела. Ставка на свободу отражает нежелание людей отвечать за что-то и думать. Куда легче сказать: «Мы живем в свободной стране, у нас все определяется плюрализмом». Объяснение свободы с точки зрения широчайшего плюрализма освобождает людей от необходимости выносить критические оценки, бороться с заблуждениями, с ложными установками. Все правильно, все законно, все имеет право на существование. Таким образом подготавливается и проводится гибель цивилизации. Должны быть ответственные люди, которые отстаивают истину. Например, знаменитое изречение «laissez faire, laissez passer»¹⁰³ дало свободу промышленнику. Дали эту свободу, действительно не вмешивались. И к чему это привело? К страшному рабочему движению, которое, конечно, использует темные силы. В результате пришлось создать рабочему очень хорошую жизнь. Но ее можно было сделать и раньше без жестокой эксплуатации, которая име-

---

¹⁰³ Оставьте без внимания (франц.).

ла место. И все рабочее движение было бы гораздо мягче, не приняло бы таких ожесточенных форм.

В Нью-Йорке мы с Иссой пробыли немногим больше месяца, и очень хорошо поступили. Если мы это время истратили бы на поездку по отдельным городам, то не получили бы ценного для нас опыта. Пускай Нью-Йорк — сточная яма Америки, но, во всяком случае, мы эту сточную яму более или менее прочувствовали. В Рондоне французы и бельгийцы были на отдыхе, не у себя в привычной обстановке. До этого, на конференциях и лекциях, я всегда встречался с людьми вечером, а утром уезжал. Это не то. Здесь же я видел их поведение, отношение ко многому. То были часто люди самовлюбленные, холодные, недобрые, злоязычные. Под видом вежливости встречается часто лживость. Друг про друга говорили разное. Я же, как всегда, говорил то, что считал нужным, что обязан говорить, что могу доказать. Меня выслушивали с деланным удовольствием, вежливо; соглашались. Три наиболее умных и солидных господина пробовали читать наш №7-8 «Шуа», который я им дал. Первые день-два они выражали высокое мнение, но по прошествии трех дней разговор прекратился — им было уже неинтересно. Это не их тема, не их разговор. Мне кажется, их разумность на пределе. Когда учатся в школе, им нужен разум, чтоб сдать экзамен, затем на работе пользуются им лишь в какой-то мере, именно в той, в какой он необходим. А дальше в салонах, при чтении газет разум, по-моему, у них расходуется на проталкивание болтовни. А поскольку болтовня идет механически, разум принимает в ней очень малое участие. Один повторяет другого.

Высокопоставленный господин, который мне больше других нравился, хорошо понимавший сложные вопросы, напоминал мне нашу французскую знакомую, бедную калеку Жизель, говорившую всегда: «Да, да, да». Вот и он все время мне поддакивал, но не в присутствии своей супруги. И было видно, что поддакивание ему дорого обходится. Видимо, в своем обществе он слывет умником, высказывает свои мнения. Вывод такой: все эти господа не переносят отрицательной для них разности густот, не переносят, что там, где большая

густота, — кто-то другой вместо них. Они хотят сами быть источником каких-то мысляток, заключений. Они тараторят Бог весть что, когда им дается возможность, когда им не препятствуют, чем и разрушают, подрывают свое общество. Они действуют без контроля, без ограничений; теперь плюрализм позволяет им говорить любую глупость. Вся эта обстановка и явная бесполезность твоих слов, твоих действий приводит к старому рыцарскому правилу: делай свое дело и не хлопочи о последствиях. Заботиться о себе они должны сами.

Опять почувствовал, что даже хорошим и умным людям нужен дом, центр, который давал бы правильные мнения. Лишний раз убеждаюсь в необходимости и религиозных центров, и умственных центров. Нужны авторитеты. От авторитетов идут цепочки мыслей. А сейчас, когда сокрушили авторитеты, эти цепочки идут из гостиной, где разоряется всякая умственная шпана. По моим наблюдениям, «козявки» сейчас одни из первых разрушительниц общества. Дали им право выборов, они возомнили о себе и подтачивают своей болтовней устои. Когда их слушаешь, понимаешь, что для них нет ничего святого. Убеждаюсь в том, что этический контроль совершенно необходим.

Этический контроль связан тесно с законами, с конституцией, с законами духа. Этический контроль хорош тогда, когда законы хороши, когда ему есть что защищать. Связь должна быть прямая и ясная. Закон должен работать, и работать правильно. Проводником этой правильной работы должен быть этический контроль.

* * *

Картину «La poursuite impitoyable»¹⁰⁴ я видел лет пятнадцать тому назад в Москве. В ней в крайне неприглядном виде показан небольшой город Америки, его

---

¹⁰⁴ Безжалостная погоня (франц.). Американский фильм «Погоня» 1966 года Артура Пенна.

нравы. Когда я эту картину видел в «совсоюзики», я думал, что всё слишком преувеличили, краски сильно сгустили, не совсем, наверное, все это так, в общем из враждебных каких-то соображений ее сделали, из особого кармана показалась мне эта картина оплаченной. Но вот мы с Иссой побывали в США, провели месяц в Нью-Йорке, и я понял, что эта картина совершенно правильно отразила положение, которое уже было пятнадцать лет тому назад в Америке. А сейчас что там творится? Надо полагать, что совсем уже дело плохо. Поскольку в США уже официально существуют союзы педерастов, лесбиянок, сатанистов и их представителей принимает Картер, есть все основания полагать, что пятнадцать лет назад, когда все это только намечалось, картинки в этом фильме были изображены совершенно справедливо, без натяжек и преувеличений. Конечно, не нужно думать, что так бывает каждый день. В фильме показан уик-энд — день отдыха, пьянки, хулиганского раздолья. Это не рабочая Америка. Но если в воскресный день такие нравы, то они и в будни примерно те же.

Что же прежде всего поражает? Жуткое пьянство, развал нравов. Вовсю, вероятно, наркотики употребляют. Жены нагло, открыто изменяют своим мужьям; мужья нагло, открыто изменяют своим женам. Это открытое блядство называется у них сексуальной революцией. Женщины — хорошенькие, милые, миловидные — рассадник бардачных нравов, какие-то падшие существа, у которых ни морали, ни совести, ни чести — ничего нет. От таких созданий детей-то иметь нельзя, да они, по моему, и не могут их иметь. Одна из них все время пьет и, пьяная, говорит какие-то глупости; другая, самая древняя из них, изводит своего мужа. А муж ей попался тихий. В молодости он какую-то оплошность сделал вместе с одним своим товарищем, который теперь оказался беглецом. И вот она казнит своего мужа и, главное, при всех плетет что-то: пятьдесят долларов украл он, а не беглец, который будет ему мстить. Все насмеются над ее мужем, он ни жив ни мертв сидит, и стыдно ему. Вот такие нравы. Какие-то грязные денежные махинации. Я вполне этому верю, в Америке дол-

лар — бог. Все в этом городке ненавидят друг друга, просто какой-то зверинец. Непонятно даже, за что избивают зверски шерифа — хорошего, милого парня, который старается какой-то порядок навести. Просто за так, как у нас говорят. Мотивы какие-то звериные: жажда крови, жажда насилия, жажда разрушения. С удовольствием белые какой-то пожар устроили во время ловли этого беглеца. А когда его уже схватили, они его вырывают у шерифа и устраивают суд Линча, убивают его. Ведут себя нахально. Сейчас, наверное, все это как-то изменилось, потому что негры за них взялись. Я уверен, что эти замечательные джентльмены, которые так распоясались, сейчас тихонько сидят, ни одного слова теперь не скажут. И вот при таком положении они имеют наглость, нахальство или глупость еще что-то говорить о своем американском образе жизни да мерять по нему других. Пиночет для них плохой человек, потому что у него не такой бардак, как у них.

Лишний раз все это мне подсказало, что демократия, а самое все-таки главное, социал-демократия — гниль, обман, слабость, беззаконие, развал души. Вот в фильме: налетели на этого парня — полное непонимание свободы. Как это произошло? Уж столько действительно в Америке философов сидит, столько там университетов, грантов. Тысячи профессоров занимаются вопросом свободы и не смогли в нем разобраться. Но когда им приносишь решение о свободе, оно их не трогает, а может, они его не понимают. Им надо его преподнести от имени какого-нибудь великого философа, тогда они заинтересуются. Если же мысль сама по себе преподнесена, для них это ничто, она их не затрагивает; они не стригут, не бреют.

Хоть какой-нибудь проблеск был бы в фильме. Ничего решительно. Ни одного высокого проявления. Шериф, единственный, как-то еще отстаивает законность, да и то его измолотили так, что на него страшно смотреть. Где же их религия, секты, хваленые американские взгляды? Да ничего нет, все давно прошло. Пресытились на коктейлях... И вот такая публика теперь дирижирует миром.

При таком развале и распутстве они даже свои хищнические качества потеряли. Посмотрите, как американцы проворонили Кристину Онассис¹⁰⁵. Все было подстроено КГБ. А они ничего не могли сделать; лишь поговорили, поболтали — и все. Волчьей хватки у них уже нет, во всякий развал все ушло.

Еще один штрих к американской жизни, который не следует из виду упускать. Это так называемый стендинг жизни. За него американец цепляется зубами и когтями. Очень многое объясняется этим стендингом. Рядовой американец получает приличную сумму денег, скажем пятнадцать тысяч долларов в год. И, живи он в каком-нибудь скромном районе, ему этих денег вполне хватило бы даже для вполне хорошего образа жизни. Но стендинг требует обязательно жить в каком-нибудь определенном районе, принимать участие в каких-то встречах, приглашать к себе, хорошо одеваться, менять машины, холодильники. А для этого денег не хватает. И люди начинают закладывать свою душу. Ради того же стендинга. Доллар для них буквально превращается в божество. Это страшная вещь.

Сейчас часто происходит избиение учителей. Ученики избивают учителей! Учитель молчит. Почему? Потому что, если он об этом скажет, — скандал. Его могут выгнать из школы. Но главное — огласка. Известно, что он битый, и уже в обществе к нему другое отношение. Он может вылететь из этой обоймы, вне стендинга оказаться. Поэтому он предпочитает терпеть унижение: унижаться перед учениками, перед их родителями, только чтобы получать свои двенадцать-пятнадцать-двадцать тысяч долларов в год. Для этого он идет на любые жертвы. Стендинговые условия жизни должны соблюдаться любой ценой.

Еще штришок к Америке. Довольно странное собрание было в Кемп-Дэвиде, где две недели президент ве-

---

¹⁰⁵ Речь идет о недолго продлившемся браке Кристины Онассис и Сергея Каузова.

личайшей державы в мире охаживал двух ближневосточных стариков, Садата и Бегина, какие-то особые условия им создавал. Одним словом, вытягивал из них согласие. Может, и угрожал им. Наконец получил это согласие, унизив себя так, что трудно даже придумать. Так мог себя вести глава государства на Балканах. Реакция американцев: восторг, аплодисменты. Почему? Да потому что лишняя угроза войны отпала. Ничего еще не отпало, может, наоборот, будет война. Но показалось им так. Уж очень хочется им верить, что дела устроены, мир подписан, Израиль больше не беспокоит, на остальных наплевать — и все идет хорошо. Вот лицо американской демократии.

У нас мораль рабов, нас терзали, мы действительно не очень воспринимаем идею греха, в общем, история за последние шестьдесят лет нас исковеркала. А американцы как сыр в масле катались; все хорошо — церкви, колокола звонят, всякие секты, свобода. Им-то чего так портиться? А они испорчены хуже нас. Мы хоть понимаем, что мораль рабов — вынужденное дело. Нам она не нравится, противна, но мы вынуждены ее воспринимать как средство борьбы с режимом. А у них натура такая; они врут, обманывают на каждом шагу. Не верь ни одному их слову.

Американцы были отзывчивыми, добрыми людьми. Уже в двадцатом, даже в восемнадцатом году АРА¹⁰⁶ начала спасать голодающих детей в России. АРА миллионы советских людей спасла. И в последнюю войну долго шла в СССР американская помощь. Был и план Маршалла¹⁰⁷. Но вот с шестьдесят восьмого — шестьдесят девятого года, с войны с Вьетнамом, что-то у американцев оборвалось. Сейчас в Ливане уничтожают христиан. Ну хоть какое-то давление американцы оказали бы на Картера. Никакого.

---

¹⁰⁶American Relief Administration (англ.) — Американская администрация помощи.

¹⁰⁷План экономической помощи странам Западной Европы после второй мировой войны.

Он молчит. Раз он молчит, значит, американцы тоже молчат. Что-то потрясающее.

Деградация Америки произошла за последние сорок лет. Ильф и Петров ездили в Америку в тридцать пятом году. Тогда они вынуждены были сквозь зубы, но признать, что американцы — хороший, честный, веселый народ, с которым можно иметь дело. Ну, немножко легкомысленный, пустоватый, не очень интересующийся многими событиями, но в общем впечатление оставалось об американцах как о хороших ребятах¹⁰⁸. Сейчас Америку переделали в корне. Там не встретишь настоящих американцев. В своих ранчо, может, еще они остались, но не в городах.

Русская эмиграция, да не только русская, украинская и всякая другая, которая долго живет в стране, — зеркало народа, и, глядя в это зеркало, можно сказать, что американцы деградировали, подчас с ними дела не хочется иметь. Я не хочу обобщать, я не знаю всей Америки. Всегда, конечно, есть прекрасные люди среди рабочих, фермеров, инженеров. Из рук вон плохо, что мы не встречались с теми, кто задает тон, а ведь мы должны были встретиться с людьми общественного порядка. Нас принял только брат бывшего сенатора Беркли, радиоманат, который считается правым, — принял, потому что ему было неудобно нас не принять перед нашим американским другом писателем Снеллингом. Но первое, что он нас спросил, чем он может быть нам полезным. Господи, да разве я для этого приехал? Я посмотрел его передачу, в которой он какую-то столетнюю даму вытащил, бывшую пятьдесят лет тому назад послом у Папы. Так ли уж это интересно? Могли бы и мы поговорить с ним на всю Америку. Вот лицо этой американской хваленной демократии, которая всюду старается свой образ жизни насадить и если немножко не по ней, то сейчас же начинает всякие эмбарго накладывать. Дивольские силы собирают против тебя прямо военный совет, и ты приезжаешь как в пустыню. Вот Америка и выиграла. Приехал Панин, который действительно мог

---

¹⁰⁸ Ильф и Петров. Одноэтажная Америка.

бы ей помочь, открыть глаза, дать свои идеи, свои предложения, а ему заперли все ворота, все двери. Кто отвечает за то, что людям ярлыки, этикетки всякие приклеивают: «реакционер», «расист», «антисемит». И достаточно. Могут придумать все что угодно. Если ты хочешь своего противника уничтожить, валяй вовсю. Лениным возмущались, что он мог такие вещи делать. Ведь он говорил, что надо «приклеить прежде всего бубновый туз, а там разберемся». Прав человек, не прав — не имеет значения. Если прав, то долго доказывать, куда проще сказать про него, что он социал-предатель, социал-фашист. Это к нему приклеится, потом пускай он оправдывается. И вот в Америке этот самый грязный арсенал, арсенал политических подонков, можно сказать, право гражданства приобрел. Если в отношении меня так поступили, то какое же исключение сделают для другого? Поступят так в отношении любого неугодного человека, который приедет туда. Да так оно и есть. Захоронили дивизию прекрасных людей, которые действительно хотели помочь западному миру, свой вклад могли сделать, что-то разоблачить, на что-то открыть глаза. Вот американцы и оказались в положении каких-то балбесов, которые не то предатели, не то идиоты, и предают, проваливают одну страну за другой.

Американцы — страшные индивидуалисты; их так воспитывают с детства. Каждый отвечает за себя. То, что нормально для европейцев, для нашего брата, у американцев не положено и даже им непонятно. Например, говорят, что в американских школах совершенно не принято, чтобы один ученик списывал у другого. Он приготовил урок, ты не приготовил. Значит, ты слаб, плох, не имеешь права воспользоваться чужим трудом. В какой-то мере резон в этом есть, но эта ментальность как-то расширяется, перекидывается на всю жизнь. Американцы никогда не дают человеку совета и могут даже дать неверный совет, потому что придерживаются такого правила: пускай сам плавает. Смысл следующий: если пловец достаточно хороший и у него есть силы, он сам найдет направление, сумеет выплыть; если пловец слабый, так зачем же ему помогать советом, он ничего с ним путного не сделает.

С этим принципом связана уже совсем нехорошая привычка, лучше сказать — новинка. Вы просите кого-то о чем-то. Он вам не откажет, это не принято, надо сказать «да, да», обнадежить вас. Для чего? Оказывается, чтобы не создавать у человека дурного настроения. И не считается чем-то зазорным, что при этом другой человек станет вруном, не сдержит своего слова. Это, конечно, страшная вещь. Из-за этого образа мыслей люди начинают жить в полной разобщенности.

Дело доходит до того, что, когда ты на улице спрашиваешь у кого-то, как пройти туда-то, тебе не скажут «не знаю», но, улыбаясь, могут указать совершенно неверное направление. Почему? Да опять же чтобы не говорить «нет», чтобы не ухудшать настроения человека. Вот и говорят всегда «да». Однако я не понял, почему, если тебе указали неправильно дорогу, это означает, что «не ухудшили» твоего настроения. Мне кажется, что в этом случае в десять раз больше его ухудшат, чем если тебе честно скажут «я не знаю». Какая-то странность, связанная с крайним индивидуализмом.

В Америке нет нищих. Американцы вышли из положения так: каждому человеку, который не работает, или не способен работать, или не хочет работать, в общем каждому, кто докажет, что у него нет работы — а доказать это очень просто, — выдается пособие, как рента отказчика в Обществе Независимых, в двести пятьдесят долларов. Сто долларов хватает на жизнь; за сто долларов, а то и меньше, если человек один, он себе всегда снимет какое-нибудь жилье; долларов пятьдесят остается на всякие проказы. Сами американцы говорят так: «Это богатые сделали для того, чтобы бедные не устроили революцию». Такое соображение, конечно, тоже есть, но мне кажется, во-первых, и это самое главное, американцы подняли этим покупательную способность населения, а во-вторых, сделали это, чтобы успокоить свою совесть. Почему человеку, у которого миллиарды, не выделить из своих богатств сумму в виде налогов и не помочь бедным? Я думаю, что в этом отношении Америка превзошла институт отказчиков в Обществе Независимых.

Из наблюдений людей и из первого закона развития следует, что очень большая свобода в обществе порождает на одном из своих полюсов обязательно какую-то преступность или террор. Большая свобода и террор как-то связаны: чем больше свободы, тем больше террора, всякой преступности. Ведь больше свободы, чем в Америке, и не придумаешь, и вместе с тем в ней терроризм, страшная преступность. То же во Франции, Германии, Италии. Причина, видимо, не только в людях, и объясняется это не только первым законом развития: полюс большой свободы порождает полюс какого-то преступного принуждения, насилия и, наоборот, нарушения свободы отдельного человека. Безграничная, великолепная свобода у одних людей, а на другом ее полюсе — несвобода, антисвобода, террор: заставить делать, что я хочу; делай, что моя воля желает. Кроме того, есть и очень простое соображение: раз существует огромная свобода, люди высокого уровня стремятся или должны стремиться к высоким образцам свободы, и часть из них, безусловно, к ним приходит; люди низкого уровня приходят к низким образцам свободы, их свобода выливается в преступления, в террор, в насилие.

Демократия имеет большой изъян: она может быть хороша, когда в ней достаточно сильная власть, которая исполняет законы, то есть обязательно действует на власть имущих, на них влияет, заставляет их делать то, что хочет большинство; вольно-невольно, но все время какое-то воздействие оказывается на общество. И судьи, следователи, даже тюремщики начинают поддаваться этому воздействию. Так было в конце девятнадцатого века и начале двадцатого века в России; сейчас то же во всю происходит в Америке, во Франции, в Германии, в Италии. Но власть там дряблая, слабая. Демократия не может дать сильной власти. В начальный момент у нее идет ничего, обычно после того, как монархия превратилась в демократию, когда все еще хорошо налажено и есть сильные мужи общества. А потом, когда эта структура долго продолжается, она начинает быть какой-то

квелей, слабой. И демократия начинает разрушаться по собственному поощрению, по слабости.

Склоняюсь опять-таки к монархии. Не лучше ли иметь все-таки монархию, где имеется традиционная власть и можно всегда устроить разделение законодательной и исполнительной власти, выделить судебную власть, обеспечить эти власти неподкупными или, во всяком случае, сильными и смелыми людьми из традиционных семей, которые этому содействуют, или для оживления состава из лучших семей других слоев. И получается как в России начала двадцатого века. Что в этом плохого? Преступления совершались страшные, когда слишком демократический суд был. А когда ввели военно-полевые суды, то почему-то этот террор уничтожили. Власть не должна зависеть от населения. А раз так, то в лучшем случае она должна зависеть от помазанника Божия, чтобы быть связанной с христианством, с высокими христианскими принципами. Тогда в хорошее время власть может быть не менее демократичной в хорошем смысле, чем в той же Америке. Когда же происходят какие-то отклонения от системы, ее ослабление, власть мешкает. В какой-то мере это исправляется этическим контролем. Он поможет и слабой монархии, и дурной демократии. Но если нет этического контроля и надо выбирать между демократией и хорошей монархией, думаю, что монархия имеет много преимуществ.

* * *

Второй раз мы с Иссой были в Америке в разных штатах и опять в Нью-Йорке. Пролетели над континентом. В каждом городе жили примерно по неделе: в Лос-Анджелесе, Сан-Франциско, Милуоки, Чикаго, Спрингфилде, Кливленде, Вашингтоне, Бостоне. Языка я не знаю, и общение у нас было целиком с русскоязычной средой. А поскольку в основном мы общались с людьми, что недавно прибыли в Америку и бьются за жизнь, мы были погружены во все их основные проблемы. У американцев многое уже позади, жизнь устроена и есть вещи, на которые они уже внимания не обращают, тогда

как вновь прибывшие столкнулись лицом к лицу с новой для них жизнью. Конечно, знание языка дало бы больше, позволило бы жить в американской среде, половину времени провести в ней, но наше общение с людьми, которые осваивают Америку, оказалось чрезвычайно ценным, и то, что могло из поля зрения исчезнуть, в данном случае было рассмотрено достаточно подробно. Ильф и Петров, Пильняк не могли спрятать свое восхищение перед Америкой. Я могу восхищаться ее техникой, торговлей, индустрией, продуктами индустрии (вероятно, дело поставлено хорошо на заводах, хоть я там не был) и, конечно, избытком продовольствия, дешевой одежды, обуви. Но мне кажется, что основные проблемы в Америке не решены, а если решены, то достаточно скверно.

О демократии я говорил не раз. Мнение о ней у меня давно сложилось, и то, что я видел, еще более к нему добавило. Картер был избран президентом и четыре года разрушал Штаты. Несмотря на это, за него опять голосовала немалая часть (соотношение: 55 и 45) американцев, и главным образом из тех, кто считается либералами (профессура в университетах). Вот беда-то! Что ж это за интеллектуалы, которые своей головы не имеют: на их глазах разрушают страну, разрушают Свободный мир, а они даже не понимают и голосуют за этого барана.

У американцев магическая боязнь ярлыков: правый, консерватор, Уотергейт (какое-то страшное название вроде ку-клукс-клана). В Европе все-таки много коммунистов, социалистов, действительно есть на кого ярлыки приклеивать — борются все-таки люди. А в Америке спокойная сытая жизнь, но если тебе приклеют «консерватора», то будь уверен, тебя не пустят в салоны либералов. А в этих салонах творится вся политика современная.

Оттого, что белым можно жениться на черных, расовую проблему не решили. Америка становится теперь серой. Если бы она была черной, белой, желтой! Живут отдельные расы в общей стране и сохраняют свое достоинство. А тут получается какое-то серое месиво. Закон движения вещей категорически против этого. Должна быть разница уровней, а не их нивелирование, не их уничтожение. Равенство — это смерть развития. И ведь

ничего этим не достигли. Вроде как дали все права неграм, а негры ненавидят белых и ждут только часа, чтобы с ними разделаться. Восемь часов не было тока в Нью-Йорке, и начались страшные расовые волнения, бандитизм, грабеж, все что угодно. Отдали бы неграм южные штаты: живите, устраивайте свое государство вроде негритянского Гаити. У американцев совершенно безголовый подход к сложнейшему расовому вопросу. С ходу какие-то мальчишки его решают, защищают диссертации, левая пресса подхватывает, средства информации распространяют и вколачивают в головы: женитесь, плодитесь и черт-те что делайте. Негры за хорошие деньги идут в армию, но ее боеспособность снижена. Когда американцев послали спасать заложников в Иран, они фильтры не сумели поставить на воздушных насосах, а так как летели совсем низко над пустыней, то весь песок насосы засосали, и все двигатели испортились. Вот такой кретинизм. В армии около пятидесяти процентов генералов сейчас негры. Белые — совершенно опустившаяся, вырождающаяся раса. Им лишь бы клерками работать и сидеть вечером дома у телевизора. Белый все на это променяет; ему наплевать — есть армия, нет армии; никакой ответственности. У меня впечатление, что я разговаривал не с американцами, а с репродуктором или телевизором и слушал ту ерунду, которую передают по французскому телевидению. Америка очень сильно влияет на Францию: то, что в Америке имеет место, модно во Франции.

Политическая активность американцев страшно низкая. А ведь голосование решало, в сущности, судьбы мира; если еще раз этого болвана Картера выбрали бы, конец был бы Америке. Рейган еще что-то сделает, приостановит процесс разрушения. Американцы не понимают этого. Так что ж это за демократия? Это повторение того, что людям внушают. Что телевизор скажет, то у американца в голове. Зачем этот театр городить? Возьмите тогда себе царя — он хоть будет умные вещи говорить и окружит себя настоящими людьми — и то, что он говорит, внушайте теперешними средствами информации. Пожалуй, неплохое было бы дело. И люди думали бы, что это они управляют.

В Америке не демократия, а охлократия, плутократия, засилие левацких элементов. Какую проблему ни возьми, все ни к черту не годится. Демократия, а конгрессмены — жулики, американские агенты ЦРУ нарядились арабами и покупали на корню конгрессменов. Суд — позор. Братец Картера у Каддафи деньги брал, огромные суммы, и ничего с ним не сделали; его дело надо было замолчать, потому что он из левых. И американцы это проглотили, Уотергейта не устроили, хоть здесь он был бы уместен. Полицию довели до ручки. Полицейский не может ничего сделать, сейчас же его начинают судить. Отчасти как во Франции. Свою разведку американцы развалили.

У ученых страшно узкая специализация; у каждого своя проблема, и ему наплевать на других. Те, с кем я говорил, стремились найти предлог, чтобы от меня избавиться более или менее вежливо, без обиды: обиду не считают хорошим тоном. Интерес к науке просто нулевой. Каждый ученый уже к какой-то школе принадлежит, он в ней трубил, свои штаны протирает, лекции там читает. Перестраиваться ему невозможно; это для него катастрофа; он будет цепляться за совершеннейшую ерунду, лишь бы только свою карьеру не испортить. Разделение, поганый индивидуализм, совершенно ничего хорошего в этом нет. И в этом свете отношения с учеными. Они тебя рассматривают так: зачем ты мне нужен, ты пришел мне мешать, я от тебя ничего хорошего не жду, ты можешь взорвать какие-то мои представления, я должен тратить на тебя время, да ну тебя. То же с философами. «Спихнотехника» доведена у них до виртуозности.

Тот раз в Нью-Йорке и в Канаде я видел, что кумир американца — это доллар. Теперь в этом убедился. Доллар — основа жизни. Только о том идут разговоры, где что подешевле купить, как он торговался и выторговал в этом магазине лучше, чем в другом. Американцы до предела погружены в материализм. Конечно, все у них замечательно: у всех машины, большие магазины ломаются от всяких вещей, прекрасно все устроено, покупай продукты на всю неделю, набивай холодильник. В общем, жизнь твоя обеспечена. Питаться можно двум че-

ловекам на двести долларов в месяц, а роскошно — на триста. Цены на жилье подороже, но для тех, кто работает, они нормальные. Для бедняков, как вновь приехавших, всякая помощь здорово в Штатах налажена. С «велферами» с голоду нельзя умереть, даже голодным быть нельзя. Сейчас же тебе помогут, дадут деньги, даже если ты шлопай. Негры в Гарлеме из поколения в поколение годами не работают: живут на велфере. Могут хулиганить, безобразничать, разрушать Америку — деньги им выплачивают.

Рейган пытается что-то исправить, но как исправить такую махину. Курам на смех систему устроили. Через четыре года придет демократ и снова ее развалит. Но ведь Америка — мировая держава, которая должна еще сопротивляться коммунистическому засилию.

Мораль там какая-то странная. До черта всяких сект, вплоть до сатанистов. Все они не запрещены, все можно делать, все подходит под свободу. Мораль разрешает врать сколько угодно. Для каких-либо карликовых стран она, но не для мировой державы. Вместо благородства, честности, открытости проповедуется какое-то вселенское вранье.

Там, где техника, лабораторная наука, индустрия, там, где все пахнет наживой, дело поставлено здорово. Но это не мешает американцам хлопать ушами и терять рынки. Здорово-то здорово, а Япония их вытесняет в самой Америке в отношении автомашин. И электроника почти вся японская.

Высочайший образ жизни рабочих. Рабочий — обеспеченный человек. В десять раз, наверное, больше получает, чем советский инженер. Впрочем, разница между хорошим рабочим и хорошим инженером тоже невелика. Ты можешь конкурировать, если у тебя производительность хорошая. Но американцы все время хотят больше и больше. В таких странах, как Япония, Корея, Тайвань, рабочий понимает, что он не царь Вселенной и надо довольствоваться хорошими уделом и образом жизни, но не подбираться к чужому караваю. У американцев этого нет. Их могучие профсоюзы могут встрясти душу у любого предпринимателя. Об экономике не буду распро-

страняться, эта область уже разобрана со всех сторон, тут нового ничего не скажешь.

Уединенность колоссальная. В больших городах нормально, что живут люди в одном доме и не знают друг друга. Это и в Москве, и в Лондоне, где угодно. У американцев большинство населения живет в коттеджах, и город имеет огромную округу из них. В больших домах, скорей, негры живут. В маленьких городах во многих случаях даже тротуаров нет, и пройтись нельзя: вся жизнь на автомашине. Наши американские знакомые удивлялись: «Как? Вы пешком пойдете? Да что вы! Вас собьет машина». Автомашина способствует разъединению. Соседи друг друга не знают. А почему они должны друг друга знать? Они могут принадлежать к разным нациям, к разным сектам, иметь разные политические убеждения... Между ними перегородок гораздо больше, чем между людьми в Европе. Евреи объединяются вокруг синагоги, у англосаксов своя церковь, православный едет в православный храм, буддист — в буддистский. Расстояние не имеет значения, у всех машины. Одним словом, это народ, который разъединен по очень многим причинам и по очень многим обстоятельствам. Неудивительно, что люди живут рядом в своих коттеджах годами и могут скорей ссориться, чем мирно жить: для ссоры всегда можно найти повод, а для мирного общения в этих условиях трудно. Ограничусь этими замечаниями, не развивая их.

Городской транспорт в самом плачевном состоянии. Из тех городов, где мы были, только в Сан-Франциско он дешевый, и там довольно много трамваев и автобусов. Но не так в Чикаго, Лос-Анджелесе. В Нью-Йорке — страшное метро и в ужасном состоянии. В Чикаго немного получше, но не для белого человека все это сделано. А что ожидает Америку, если вдруг не будет горючего? Америка остановится. Завод за тридцать километров. Что можно сделать? Сиди дома. Трагедия.

Американцы не подготовлены к войне. Ничего не знают о Советском Союзе. Кое-что еще соображают студенты, советологи. А так — общие сведения; СССР для них как луна. Они живут за морями, за долами, далеко. Никогда никакой настоящей войны внутри страны не

было. Войне за независимость далеко до войны, как в Европе или в Японии и на Дальнем Востоке. Картер обещал не воевать, никуда солдат не посылать. Вот за него Америка и голосовала. Но так не поступают граждане: остальные люди пускай гибнут, а американцу на это наплевать. Только заикнулись об обязательной военной службе, сразу против этого демонстрации были. Как же тогда нести общую повинность? Армию начнут готовить, только если действительно на Америку нападут и деваться будет некуда. Что это будут за солдаты, которых на скорую руку, на долгую муку приготовят? Армия у Картера катастрофически уменьшается количественно. Америка по вооружению была первой страной. Но она давно съехала с этого уровня, Советский Союз ее перегнал. Американские атомные бомбы, атомные ракетные установки гораздо слабее советских. Развалили в Америке оборонную промышленность: закрыто множество верфей, ракет не делают, рабочие на велфере. Но об этом не говорит телевидение. Об оборонной промышленности я один раз только слышал от специалиста, который пожаловался мне на ужасное ее состояние.

Сенат теперь стал республиканским. В конгрессе часть демократов — консерваторы, за предложения Картера не будут голосовать. Но пресса ведь в руках леваков и других личностей вроде Давида Рокфеллера, у которого миллиарды. У несчастного Картера нет ни гроша, и по любому поводу опять начнется скандал, новый Уотергейт. Уже Хейгу¹⁰⁹ Уотергейтом угрожают. А сделать какой-то решительный шаг конституция не позволяет. Всем вершат prostituiрованные конгрессмены и пресса, которая неизвестно кем дирижруется, но не в пользу Америки.

Я рад был избранию Рейгана, но ведь впечатление довольно мрачное. Его скрутят так, что он не многим будет отличаться от Картера. Конечно, он какие-то законы проведет экономические, но, как это ни прискорбно, не верится, что Рейгану удастся исправить положение

---

¹⁰⁹ Александр Хейг — государственный секретарь США с 1981 по 1982 год.

так, как это нужно. Конституция все разработала. Эту конституцию составляли люди, которые боялись что-либо затронуть и сделали так, чтоб не было хорошей центральной власти, чтоб торжествовали всякие сектанты, преступники, авантюристы, которым, конечно, ценно иметь такую конституцию и соответствующие ей законы.

Я думаю, что даже хорошо, что я имел дело с новыми американцами, которые впитывали всю эту американскую премудрость, сталкиваясь со всякими проблемами при своем устройстве. Вообразим, что, зная прекрасно английский язык, я общался бы со старыми американцами. Следуя своей установке, они всегда улыбались бы мне. Если у тебя третья ступень чахотки или рак тебя одолевает, на вопрос «Как ты живешь?» надо широко улыбаться и говорить: «Прекрасно, живу замечательно». При таких сугубо положительных оценках страны впечатление у тебя о ней будет как в кривом зеркале. Кроме того, если ты приехал и задаешь вопросы, можешь подойти под такое рассуждение: «Мы живем тут всю жизнь, а он приехал на готовенькое и хочет все узнать. Вот пускай поживет и узнает сам». Здорово в американцев въелась с детских лет установка: «Пусть сам научится плавать; пусть тонет, если не научился». С такими людьми трудно, и хорошо, что мы с ними не встретились. Были у нас какие-то пустые встречи с американцами. Если чуть-чуть копнешь их, станешь возражать им, скажем, насчет Уотергейта, Картера, они сейчас же замыкаются.

Знаменитая помощь на дороге, отзывчивость представляют собой роль прагматизма на дорожном уровне. Сегодня у меня неприятность на дороге и мне помогли, завтра надо, чтобы и я другим помог. Если я не буду помогать, то и мне помощи не будет. Это не мораль на высоком уровне, а потребительский подход, что и снижает всю Америку. Такой подход хорош в коммерции, но не когда решаются огромные вопросы.

В общей сложности в Северной Америке мы прожили пять месяцев. Думаю, как я уже говорил, что знание языка мне много не принесло бы, даже затемняло бы верное впечатление. Люди правды не говорят, а так я вынужден был наблюдать то, что есть, делать выводы сам, и, видимо, довольно правильные.

Не могу сказать, что понял после Америки, почему капиталисты считают, что надо спасать Советский Союз. Я это во Франции тоже не мог понять. В Америке я не соприкоснулся со слоями финансистов. Но для этого надо действительно знать язык и доверие к себе иметь. Познавать без препятствий американскую жизнь я мог только в бытовом житейском разрезе.

Володя Бродский¹¹⁰ рассказывал, что он спросил у одного американского промышленника, почему западный мир не протестует, не объявляет никаких ультиматумов, не требует от производителей нефти, чтобы они прекратили безобразие непрерывного повышения цен на нефть, разрушающего мир. Американский делец ответил: «Ничего не сделаешь, законы рынка. Их собственность, они вправе назначать цену». Знай я английский, поговорил бы с таким дельцом сам и получил бы, возможно, ответ на должном уровне.

Сколько я бился, чтобы передать промышленникам свою политэкономия. Никаких результатов. Чугунные лбы, медные лбы, не понимают. Как им объяснить? Как им разъяснить? Ходить на предприятия? Добиваться, чтоб тебя выслушали? Я написал статью, по-русски, по-французски. Распространять сам не могу.

* * *

Показывали недавно старые картины Чарли Чаплина. Как человек очень талантливый и чувствительный, он воспринял бедствие, несчастье маленького человека, задушенного в городе всей обстановкой. Запад безжалостен. Такого положения у нас в России все-таки не было. Какой-то отдушиной служили нам все наши просторы, богатства, возможности. А может, и сам народ был добрее. Делились все-таки друг с другом, подавали Христа ради; качества в этом отношении у нас были неплохие. А Запад — холодный, какой-то замкнутый. Лю-

---

¹¹⁰Московский искусствовед, эмигрировавший в Америку.

ди там эгоисты, себялюбцы какие-то; сейчас мы видим их в масштабе один к одному, видим, что они из себя представляют. Вот сообщили по радио, что французы истратили перед Рождеством шесть миллиардов франков на игрушки своим детям. На эти деньги можно было построить двадцать огромных авиационных кораблей «Конкорд». Вот их лицо: только себе.

Чаплин полон страданиями маленького человека. В начале века он показал его доброту, его отзывчивость, его способность сопротивляться, его маленькую, смешную отважность. Тогда, мне кажется, еще не дошло до такой степени, как сейчас. И народ был гораздо бедней. Сейчас во Франции, в Швеции, Швейцарии народ богатый. Люди там богачи по сравнению с тем, что раньше было. Средний заработок чуть ли не четыре тыщи франков¹¹¹ на рыло. Да в большинстве случаев в семье работают он, она и дети, когда подрастают. Все бары полны; все время пьют, пьют, жрут и пьют. Тратят деньги, бросают деньги, но на дело, на спасительное дело — их нет.

Вещички Чаплина навеяны какой-то грустью, добротой, любовью к маленькому человеку. Такое бы отношение должно быть к нему в этом мире.

---

¹¹¹ Данные 1977 года. В 1996 г. минимальная месячная заработная плата во Франции (SMIG) была уже 6000 франков.

VII

В мире животных зло отсутствует. Оно было неизвестно совершенному человеку. Совершенные люди были бессмертны, так как высокое сгущение трансфизических частиц души производило благотворное целебное излучение, которое помогало клеткам, говоря условно, работать идеально. Попавшие в них бактерии должны были извергаться из человека, не причинив ему вреда. Я полагаю, что если человек ушибался или наткнулся на какой-то острый предмет, то, вероятно, эти же излучения давали ему возможность заживления тканей в небольшие сроки. Но одновременно совершенный человек был абсолютно реальным человеком из плоти и крови. Поэтому если на него обрушивалась скала или медведь разрывал его на части, то в этих обстоятельствах и при отсутствии чуда он умирал. Все великолепные качества души уже не могли способствовать собиранию человека из частей — эти части к тому же могли быть в какой-то мере уничтожены, — и восстановление человека было бы какой-то фантазией. Следовательно, возможна была смерть. Но даже в этих случаях совершенные люди вели себя разумно, и естественные события не могли вызвать у них злобных переживаний.

Злобные переживания появились тогда, когда совершенные люди нагло и вполне сознательно нарушили волю Бога. Если Авель и Каин могли бы жить в раю до грехопадения и Каин, будучи совершенным человеком, убил бы Авеля, то произошло бы резкое снижение густоты души, ее порогов и искажение трансфизических

построений души. Вот в чем суть эффекта, который мы называем первородным грехом. После этого события зло начало хозяйничать в нашей душе, получило в нее полностью доступ. Наши грехи представляют собой всегда нарушение воли Бога. Зло появилось в результате того, что человек, обладая свободной волей, пошел против воли Бога. Если человек не пошел бы против воли Бога, то люди были бы совершенные и не познали бы никакого зла. Они не знали бы даже, что такое зло, как не знают его животные. Но и в животном мире, и в человеческом обществе царит и властвует первый закон развития. Борьба противоположностей неизбежна и наполняет наше существование. Раз есть борьба противоположностей, должна быть сторона победившая и сторона потерпевшая. Сторона, потерпевшая поражение, ощущает боль, страдание. Боль — ощущение общее для животных и людей; страдание — прибавка к человеческому существованию, к человеческой природе. Сами по себе боль и страдание не представляют собой зла, потому что в первую очередь дают возможность человеку не забывать о своих недостатках, мобилизуют его силы, иногда устремляют его к высоким целям. Наоборот, боль и страдание представляют собой путь к добру. С точки зрения высоких этических учений проявление боли, страдания тоже есть благо.

Возникает и такая мысль: не является ли вообще боль признаком жизни? Если существо живет, то оно должно быть готово к проявлению боли, несчастий, страданий. Страдание — побудительная причина, сила, которая гонит человека вверх, к совершенству. Эта сила может гнать и ко злу. Но это уже будет против воли Бога, и совершенно ясно, что в этом случае направление деятельности человека будет демоническим. Если в результате нашего несовершенства боль и страдание приводят нас иногда к еще большему нарушению воли Божьей, к безбожию, к преступным поступкам, ко злу, то это зависит уже от нашей свободной воли. Бог от нас требует другого. И если мы противимся воле Божьей, то за это и расплачиваемся.

Чем бы занимались животные, если бы в их мире не было боли, смертности? Они бы ели, пили, спали и раз-

множились. Но мы находимся в реальном мире, а не в сказочном: количество животных было бы громадным, начались бы эпидемии, голодная смерть. Регуляторы, необходимые для саморазвития животных, — смерть и боль — в помощь мутационным изменениям, которые вносил Бог. Боль и смерть — стимулы, позволяющие выживать более совершенным, активным, деятельным, умным. Если отбросить эти стимулы, то Богу пришлось бы нянькой ходить за существами, подсказывать им, и это не были бы уже по-настоящему живые существа.

Бог начал творить с высоких слоев и творил что-то гораздо более похожее на Него. Ангелы высоких ступеней, вероятно, в очень сильной степени повторяли Божью природу. Это были совершенные существа. Они не были, конечно, триедины и содержали какое-то количество злого начала, вероятно в одном лице, в своей сущности. У низшего слоя ангелов злое начало уже возымело силу (восстание ангелов), появились носители этого начала: демоны, демонические существа, возникшие из падших ангелов. Бог перешел к созданию жизни в условиях физического мира. Эта жизнь была совсем далеко от Бога и повторяла его природу только в отдаленной степени в совершенном человеке. Но этот человек не выдержал испытания. Вся живая природа была, конечно, лестница. Все, что получилось после грехопадения, — несчастье, которое человек должен сам изжить.

Для Бога природа животных в большом отдалении от Него была интересной лабораторией, где Он вынужден был принимать для образования жизни в физическом мире законы, которые невозможны в трансфизических высоких слоях. В этом мире боль и смерть были совершенно необходимы. Конечно, это не означало, что Бог решил причинить боль существам физического мира. Он хотел, чтобы они жили, размножились, были живыми, чтобы у них был какой-то задаток, если не своей, не свободной воли, то все же воли, позволяющей не быть рабами. Он хотел, чтобы жизнь и элемент свободы были у каждого животного. Для этого, для активизации пове-

дения животного, и для того, чтобы, освобождая дорогу последующим поколениям, можно было стремительно провести его повсюду, необходимы были условия физического мира: ощущение чувства боли и смерть как ее предел.

Мы не можем рассматривать Бога только с точки зрения блага, любви. Закон движения вещей требует, чтобы мы исследовали густоту, которая разрежается в данном направлении. Когда Бог проявляет свою любовь, благость, помогает, спасает людей, учит их, творческие густоты не работают или работают в небольшой степени. Когда Бог творит, экспериментирует, основное разрежение — творчество, и оно требует определенных, совершенно закономерных построений. Конечно, существуют густоты блага, любви, которые тоже работают и действительно стараются смягчить закономерности, но это — вспомогательные величины, имеющие второстепенное значение. Например, появление хищника — в какой-то мере проявление блага. Вместо того чтобы были гекатомбы смертей от эпидемий, хищники в одну-две секунды перегрызают становой хребет или горло животного, и его страдание минимально, доведено до предела, длится в течение одной секунды. Хищники — ассенизаторы и санитары животного мира. Если их не было бы, животный мир, быть может, вообще не мог бы развиваться и остался на уровне простейших. Таким образом, в хищнике мы видим проявление и творческого начала, и блага. Наши сожаления о судьбах животного мира должны пропускаться через призму глубоких размышлений. Ведь известно, что, когда истребили ястребов, думали, что глухари станут размножаться. Оказалось, что ястребы истребляли именно больных глухарей. В районах без ястребов начался туберкулез, который почти полностью уничтожил глухарей. Здесь благо очень сложным образом сочетается с творчеством Бога.

Мы все время переносим свою природу на животный мир, мы его очеловечиваем, боимся, что там зло, взаимопожирание. У животных этого не существует. У них нет зла, у них нет инструмента, который различил бы добро и зло. Но природа мудра: хищник убивает одно животное, то есть ровно столько, сколько ему надо, что-

бы насытиться. Есть какие-то редкие, может, даже сумасшедшие животные, которые могут всех кур передуть. Но это исключение из правила. А вообще, убивают слабейших, больных, в битве, когда идет борьба за существование в самом жестоком смысле, когда на карту поставлено само существование. Все это было необходимо, иначе не получился бы человек.

Надо быть очень осторожным, когда мы стараемся арифметически считать и задаем вопросы: ну, а где же проявление Бога? Почему взаимопожирание? Значит, Бог не всеблаг? Да нет, Бог всеблаг, но при этом Он — Творец и Экспериментатор. Если Он был бы только всеблаг, то мог бы вполне удовлетвориться наблюдением за поведением высших ангельских сил или восхищением ими, ибо нет у них ни взаимопожирания, ни зла. Но уже появление демонов говорит о том, что Бог дает в своих конструкциях свободу воли и не насилует ее. В этом тоже проявление блага. Он мог бы, конечно, скрутить эти своевольные существа, проявив Себя как Творец, но сомневаюсь, чтоб это было проявлением блага. Лишить человека свободы, превратить его в заводную куклу — не есть проявление блага. Проявление блага именно в том, чтобы демоны изжили в себе злобу. Это проявление блага, может быть, рассчитано на тысячелетия. Но благо идет. Бог знает цель. Он уверен, что человек к ней придет.

То же самое можно сказать и о пределах человеческой жизни. Мы можем надеяться, что изживем все наши пороки, грехи, безобразия и окажемся сильнее греховной, слабой стороны своего существования. В этом надо искать проявление блага. Я думаю, что к этому сложному вопросу не раз будут возвращаться мыслящие люди и каждая эпоха будет все больше и больше давать что-то новое в объяснении как блага, так и проявления блага и любви Бога в спорных, как нам сейчас кажется, случаях.

Мы должны отдать дань необозримым исследованиям, а на сегодня мы сделали скромный вклад. Важно, что Бог не создавал зла, а создавал благо, добро и предоставил человеку возможность выбора. Если вы не согласны с волей Бога, то будете в области зла. Богом

была дана возможность проявления зла, и Он установил соответствующие для этого пороги сгущения в нашем физическом мире и в трансфизическом мире, где падшие ангелы. И зло проявилось. Если совершенные люди идеально держались бы воли Бога, то не было бы никакого зла. Уже тогда было бы богочеловечество, а сейчас развитие людей было бы невероятно высоким и никто не помышлял бы о наших ужасных делах. Мы сами все испортили. А Бог ведет эксперимент. Он надеется, что, несмотря на то что мы так себя мерзко и отвратительно повели, в конце концов все-таки восторжествует доброе начало и люди постепенно, через свои грехи, ошибки, спады все-таки придут к исполнению воли Бога. Вот почему наши усилия должны быть к этому направлены. Общество Независимых, которое я предлагаю, — один из способов реального приближения к обществу стадильному: от одной осцилляции подниматься к другой, к более совершенному человеку, к богочеловеку. Соответственно, общество будет обожествляться.

АРТУР КЁСТЛЕР. ЧЕЛОВЕК — ОШИБКА ЭВОЛЮЦИИ¹¹²

Кёстлер считает, что произошла какая-то ошибка во время эволюции, и человек стал подвержен маниакальным идеям, которые его толкают на путь самоуничтожения. Он обращает внимание на то, что человеческие жертвоприношения были с самых дальних, древних времен и в Азии и в Америке. Собственно говоря, они существовали до начала двадцатого века. Животные не убивают своих особей, а человек это запросто делает: геноцид, постоянная внутренняя война между людьми. Огромный разрыв у человека между разумом и эмоциями. У человека способность к иррациональным верованиям, навязываемым чувствами... (*Обрыв записи.*)

---

¹¹²Время и мы, 1977, № 17.

Кёстлер знакомит нас со статьей доктора Мак-Лина в журнале нервно-психических заболеваний, который считает, что у человека три мозга; несмотря на полнейшее несходство, они должны совместно функционировать и быть в постоянном контакте друг с другом. Древнейший из них — мозг пресмыкающегося; второй мозг достался ему от низших млекопитающих, третий — достижение высших млекопитающих, именно он сделал человека. Выражаясь фигурально, нетрудно вообразить, что, когда психиатр предлагает пациенту лечь на кушетку, он тем самым укладывает рядом человека, лошадь и крокодила.

Мак-Лин в своем объяснении мозга человека, даже не материалистическом, а чисто анатомическом, ничего не говорит о его душе. Первые два мозга, пресмыкающегося и низшего млекопитающего, давным-давно приладились и великолепно действуют у животных без возможности для них духовной жизни. У всех высших млекопитающих мозг только размером да числом извилин отличается от мозга животных. Конструкция мозга у всех та же самая. Но человеку дана духовная жизнь. Так что дело не в физиологии мозга. Бог дал человеку еще и душу. Вся эволюционная лесенка необходима Ему для того, чтобы произвести свой эксперимент.

Как примирить трансфизическую душу и довольно сложное тело с тремя ярусами мозга и со свободной волей? Если бы не было свободной воли, то человек делал бы, что ему положено Богом, и эксперимент был бы очень простой. Поведение человека было бы ближе к поведению разумного животного. Но Бог дал нам душу, свободную волю, тело, хотя оно тянет нас в другую сторону. И получается разрыв, нагромождение качеств. Божественные указания, которые нам тоже дали, мы не исследуем, потому что для этого требуется преодоление сопротивления. Раз у нас есть душа, у нас богатая палитра чувств, несравнимая с палитрой чувств животного. Раз у нас есть разум, все чувства живут, вибрируют, действуют, просят выхода. Старые инстинкты тоже проявляются. Все очень сложно. Там, где действует разум, у нас дело идет хорошо. Там, где нужны человеческие отношения, где выступают на арену наши чувства, стремления, эгоистические интересы, мы находимся еще в совершен-

но полуживотном мире. У нас нет ни воли, ни желания следовать указаниям Бога. Мы хватаемся за всякие неполноценные шутовские объяснения — лишь бы к ним прицепиться, лишь бы они оправдали наши действия, безумие, страсти. Животное не может оправдать свое поведение, поэтому у него и пороков нет, поэтому оно и зла, по сути, не причиняет. А мы подвержены злу, порокам, мы сознательно на них идем, мы сознательно с ними не боремся.

Мак-Лин считает, что образование мозга человека за короткий промежуток времени, особенно на последнем этапе его взрывообразной эволюции, привело к разрыву, отсутствию нужного соответствия между высшим мозгом человека и двумя другими, более древними. Дихотомия, то есть функционирование старого и нового кортексов, вызывает несоответствие эмоционального и интеллектуального поведения. Мак-Лин называет это явление шизофизиологией.

В действительности это не так. Когда человек думает, изобретает, работает серьезно, его чувства не действуют или, во всяком случае, ему не мешают. Успехи науки и техники, всевозможные современные достижения как раз основаны на спокойной умственной работе человека без помехи чувств. При контакте с обществом, с самим собой у человека невольно начинают играть чувства, как-то: самолюбие, всякие переживания, вызванные часто борьбой интересов. Но это уже не ученый, если он вступает в борьбу интересов и что-то начинает подгонять, подделывать.

В обществе людей их взаимоотношения, а соответственно, переживания личного порядка, занимают главенствующее место. И этим распоряжается наша душа, а вовсе не наш мозг. У человекоподобных обезьян почти тот же самый мозг, что у нас. Разница в количестве нейронов, в их длине, в их переплетенности; еще, может быть, в весе. Но у обезьян никакого разлада нет. Если переживания человека объяснялись бы только дихотомией, то есть чистой физиологией, человекообразные обезьяны должны были бы резко отличаться своим поведением от других животных. Но у них, как у всех животных, — животный ум, инстинкты.

У человека совсем новая сущность: его душа трансфизической природы приносит свои чувства. Эти чувства — главные, тогда как чувства телесные очень ограниченные. Громадная гамма всяких переживаний, чувств, которые действуют на человека, исходит из души. Душа — виновница того, что мы в области человеческих взаимоотношений не можем оседлать наши чувства.

Но Спаситель указал нам путь. Это — путь христианства. Христианство объясняет нам, как надо себя вести, какие заповеди надо исполнять, как относиться к людям, к Богу, как выполнять его волю. Для этого люди должны оказать сопротивление соблазнам. Но они от этого всячески стараются отклониться. Путь преодоления сопротивления — тяжелый путь, хотя большинство понимает, что это путь благой. Но легче не идти по этому пути. А в двадцатом веке, когда появились все эти лжеучения, стараются вообще об этом забыть и погрузиться во всякие удовольствия, телесные и другие, стараются всячески оправдать свое отвратительное поведение, свои пороки. Все это ведет к развалу всей цивилизации.

При своеволии, распущенности нравов происходит как раз дихотомия, только дихотомия разрыва между телом и душой, а не между старым и новым мозгом.

Есть и такая точка зрения. Бедственное положение человека обуславливается длительной зависимостью человеческого детеныша от его родителей. И то же самое: более сильный товарищ по охоте определил его угнетенное положение. Отсюда возникает наша племенная солидарность.

Детеныш обезьян тоже довольно долго находится на их попечении. Но племенные особенности обезьян от этого не меняются. Слишком длительный период младенчества и детства человека зависит от формирования души. Если мы будем формировать душу правильно, в русле христианства, то решим уйму проблем. И наша солидарность будет тогда человеческой, божеской солидарностью, а не солидарностью первобытных людей, которые соединялись, чтобы идти на охоту и отразить натиск медведя... *(Обрыв записи.)*

К ДИАЛОГУ ОБ АНТИСЕМИТИЗМЕ ОТЦА ИГУМЕНА ГЕННАДИЯ (ЭЙКАЛОВИЧА)

К огромному вопросу о еврействе можно подойти с разных сторон. Поскольку у отца игумена Геннадия речь идет об антисемитизме, постараюсь пойти по пути, который уже назначен. Мне кажется, что следует несколько уточнить не очень ясное сочетание «анти» и «семитизм». В самом деле, семитизм относится и к девяности миллионам арабов, тоже семитов, тогда как антисемитизм к ним не относится. Для мысли, выражаемой словом «антисемитизм», больше подходит слово «антиеврейство». В общем виде для несогласия с чем-то применим термин «антиомега»: приставка «анти» означает «против чего-то», а «омега» могут быть разные вещи. Один из примеров омеги в Западной Европе одиннадцатого — тринадцатого веков — катары, вызвавшие своей какой-то действительно дьявольской религией волну опасений и ненависти. Они жестоко поплатились за попытку погрузить Европу во тьму демонических культов. Другой пример омеги — национал-социализм. Один народ говорит, что все только для него, а остальные народы — навоз, удобрение; в лучшем случае этот народ может согласиться, чтоб жили под его опекой, под его руководством; евреев, славян, цыган вообще стричь под одну гребенку. Ясно, что такая омега вызвала «анти», совершенно естественное антиотношение, и национал-социализм тоже постигла кара. Цыгане — маленькая омега — народ довольно безобидный, но живущий по каким-то своим законам. Хорошо, когда цыгане гадают, пляшут, поют в ресторанах; плохо, когда начинают воровать, особенно коней, — и в России над ними такие самосуды устраивали, что не дай Бог. Так что тоже понятно «анти» в их случае. В этих трех случаях мы установили, что омега имела отрицательную направленность по отношению к другим народам и к народам, среди которых жил представляющий ее народ. По третьему закону Ньютона, отрицательное действие со стороны омеги вызывало противодействие со стороны соседнего или

окружающего ее народа. Приставка «анти» уравнивала омегу с отрицательной направленностью.

То же самое произошло с евреями. Омегу, применимую к ним, назовем «еврейство» («семитизм» — термин неудачный). Антиеврейство, конечно, существует. Дело не в расе, не в каких-то особенных национальных признаках, а в отношении самой омеги, в данном случае евреев, к народам тех стран, где протекала их деятельность. Раз возникла «анти», несомненно, что еврейская омега имела отрицательную направленность для народов, среди которых евреи жили. Например, татары в нашей стране, где сотни народов, не были омегой, вызывающей «анти». Антитатарства не было. Татары устроили нам татарское иго, но, коль скоро оно кончилось, они стали жить у себя в своих губерниях; в старое время ходили по дворам, собирали «шурум-бурум». Их нормальная деятельность была совместима с деятельностью других народов.

Исследуем характер еврейской омеги и причины ее отрицательного воздействия на народы, которые евреев как-то приютили. По моей гипотезе о строении души, монада¹¹³, представляющая Я души, залетает в нее в мо-

---

¹¹³ В моей «Вселенной глазами современного человека» я объясняю, что термин «трансфизический» и идею о том, что монада строит душу, заимствую из рукописи одного нашего современника Д. А. Теперь можно назвать его имя. Это Даниил Андреев, сын русского писателя начала нашего века Леонида Андреева. Даниил Андреев — великий визионер. Его рукопись «Роза мира» я читал с большим вниманием еще и потому, что меня вдохновила идея монады в нашей душе. Трансфизический мир, разделенный на адские слои, чистилище, райские слои, где поэт Даниил Андреев гулял в сопровождении другого поэта Александра Блока — Вергилия XX века, впечатляет и убеждает. Идея о монаде в этом блестящем произведении как нельзя лучше пришлась к моей концепции строения души. Понятие монады у меня заменялось Я. Но Я не было выражением монады как вещи. Если мне не пришлось бы встретиться с монадой у Даниила Андреева, то я назвал бы эту вещь «организационным центром» или чем-либо подобным. Слава Богу, что как раз удалось прочесть его рукопись, и я приношу глубокую благодарность Даниилу Андрееву, давшему мне возможность использовать два термина: «монада» («монада» у Лейбница имеет совершенно другое значение) и «трансфизический». Когда я поставил на место центра главной густоты, которой является Я, живую, Богом сотворенную монаду, все стало на свое место.

мент зачатия, когда из эманации души отца и матери образуется какой-то зародыш души. Вот в этот зародыш души, в эту трансфизическую оболочку попадает монада, причем она выбирает себе по возможности схожих отца или мать, или еще лучше, если обоих вместе. Это не всегда получается, но все-таки черты сходства с душевным складом отца-матери обычно налицо. Итак, монада выбирает себе зачаток, зародыш души, который близок к ней самой. Такова общая схема. В случае с евреями, когда Бог хотел создать народ, который пронес бы единобожие, Он создал и специальную монаду — еврейскую монаду, которая была наделена высокой способностью духовного восприятия: она могла вступать в контакт с Богом. Поэтому у евреев было большое количество пророков. Монада отличалась большой энергией, большой страстью, предприимчивостью, отважностью, умением вести бой и была наделена определенной жесткостью, твердостью, чтобы суметь отстоять то, чего достигла. Бог направил эту монаду в Авраама, когда он был еще халдеянином, и она начала попадать в его род, и сделал Он из халдеян евреев. Бог начал вводить в зародыши небольшого круга людей (Авраама, Исаака) эти монады. Он сам выверял наследственные клеточки, или, в данном случае, зародыш души, сделал заранее специальное ее построение, и в нее начали проникать еврейские монады, которые Он создал. Народ стал размножаться, шло его формирование. Еврейская монада организует свою душу: от отца, матери, сына, дочери залетает в нее еврейская монада, которая снова формирует еврейскую монаду. В результате получилась сильно выраженная еврейская нация, раса, по моей терминологии — народ. Нация — это единство расы, крови и языка. Народ — трансфизическое понятие. Народ — это взаимодействие душ людей в трансфизическом поле вследствие сходных устремлений; в его формировании участвуют душа и создавшая ее монада.

Еврейский народ был очень ярко выражен. Он был орудием, инструментом Божиим, должным внедрить единобожие, и поэтому был наделен качествами, благодаря которым мог в условиях дикого кочевья противодействовать языческим и развращенным нравам. Он бился в

схватках, вырубал себе дорогу, конечно, положив много трудов и допустив спады и срывы, за что его наказывали. И великий еврейский народ прорубил дорогу к единобожию великого невидимого Бога. В этом величайшая заслуга евреев. Еврейский народ осуществил свою историческую миссию. На него, возможно, обижались соседние народы, но евреи, безусловно, тоже могли обижаться: и Вавилон их пленял, и Ассирия, и римляне. Обиды были взаимные. Нельзя сказать, что омега (евреи) была резко направлена против какого-то другого народа. Нет, это была схватка, борьба.

Ветхозаветная часть Истории вполне удалась еврейскому народу. Он был жесток с другими народами при выполнении своей миссии, но в ответ получал еще большую жестокость. Он принес какие-то закономерные облагоустроенные нормы. Если за какое-то увечье его соседи уничтожали целую семью, то у него все же действовало «око за око, зуб за зуб», что уже было большим шагом вперед. Будем считать, что до рождения Христа все в полном порядке с еврейским народом и с еврейским вопросом. И если, как говорят, уже со времен царя Соломона образовалась диаспора и начала формироваться обособленность еврейского народа, то потому, что еврейские души, еврейские монады объединяли евреев вокруг невидимого, великого, вездесущего Бога. И конечно, если они расплылись бы, то не сумели бы удержаться. Ведь монада не какой-то кусок алмаза, который сидит в душе; она — живое, одаренное существо, которое развивается в теле. Если человека ударили кирпичом по черепу и тело замедлило свое развитие, монада при всем своем желании ничего сделать не сможет; если тело даст какого-то идиота, монада будет томиться как пленница или — в лучшем случае, — может быть, что-нибудь исправит. Во всяком случае, монада — это не все, что человеку нужно. Человек — сложный организм, представляющий собой монаду, то есть дух, душу, которую сформировала монада, и тело.

За тысячу лет до Рождества Христова, в диаспоре со времен царя Соломона, евреи действовали совершенно закономерно, знали, что делали, выполняли миссию. Евреи существуют приблизительно около четырех тысяч

лет. Преимущественно их монады, но также религия и воспитание выработали тип еврея со всеми его сильными качествами, который воспроизводился в каждом поколении. Религия иудейского народа была религией избранного народа Божия.

Когда в двадцатом веке после всех расовых преступлений люди читают Библию, невольно остается впечатление, что тогда тоже существовал какой-то расизм, который они и подвергают осуждению. Это, конечно, поверхностные, внешние признаки; так можно сделать несправедливые заключения. Под слово «раса» подставляют богоизбранный еврейский народ и позволяют себе считать, что Библия наполнена расовым содержанием: преимущество одного народа за счет других. При этом забывают, что у иудейского народа была величайшая цель, а у Гитлера, когда он вершил свои дела, была низменная цель: свое брюхо набивать. Для исполнения своей цели иудейскому народу пришлось, может быть, даже пойти и на огромную жертву. Иудейская религия для ветхозаветного человека была колоссальным шагом вперед. Это был свет, который две тысячи лет старались законопатить, уничтожить, а он все-таки пробился, нашел свою дорогу. И пришел Иисус Христос.

Почему избранный народ Божий не поверил в Спасителя и произошла трагедия? Тому глубокие корни. Можно объяснить это тем, что очень уж евреи были уверены в том, что их Мессия будет грозный царь, завоеватель, который сделает их владыками всей Вселенной, и они будут судить мир и им руководить. Эта заманчивая перспектива, видимо, взяла верх, и потому их совершенно не устроила проповедь любви, страданий, прощения, которую принес им Спаситель. Во времена Христа она не устроила синедрион, но других потом могла бы устроить. Нет, сопротивление идет упорно. Видимо, дело в монаде. Монада была так создана. Ее не изменить. Она может только сама просветлиться.

У законной области свои законы. Бог не в бирюльки играет. Иначе было бы не развитие, а игра. Он создал монады и перед каждым человеком поставил задачу его усовершенствования, прихода к Богу. На первых порах было необходимо, чтобы еврейская монада была прочно

сформирована. Провидение Господне шло дальше: эта монада увлечет евреев не в христианство.

Мы не можем проникать в волю Божию, но можем говорить о последствиях, судить о том, что происходит на наших глазах. После Иисуса Христа иудейская религия стала явным анахронизмом. Она обособляет евреев, делает их враждебными другим народам, называемым ими гоями. В отношении их она разрешает вещи, недопустимые в отношении какого-нибудь еврея. Если какой-то еврей, какой бы он ни был негодяй и подлец, попадает в беду, то, раз он еврей, надо его защищать, стоять за него горой. Это, конечно, не может нравиться ни одному народу, тем более народу, среди которого евреи живут. Если в любом народе плохих людей преследуют, казнят, сажают в тюрьму, почему делать исключение для евреев? Исторически евреи вынуждены были так себя вести, потому что рассуждали следующим образом: если какого-нибудь еврея осудили за преступление, то это накладывает пятно на всех евреев и любой ценой надо этому противостоять, доказать, что он хороший. С одной стороны, сама монада на этом стоит, с другой стороны — формирование с детства. Если это остается сейчас, то это пережиток.

Еврейская омега сама обособилась от народа, с которым живет, проявила к нему отрицательное отношение. Этим объясняется, что отрицательной омеге оказывают противодействие. В данном случае «анти» — ответ на отрицательное воздействие еврейской омеги. А так как еврейская вера в течение двух тысяч лет не ослабевала, а закалялась и еще более твердела в силу всевозможных гонений, переживаний, бедствий, монаде было очень легко строить души евреев. Эти души были сильными, очень крепкими, обладали большими способностями. Они в гетто, кругом гонения. История, предания, воспоминания о всевозможных обидах, хедер воспитывают евреев с детства, сгущают их силы, помогают наладить, организовать душу. И получались люди, которые с ненавистью смотрели на окружающих и с пеной у рта защищали, несмотря ни на что, любого еврея, какой он ни на есть. Открылась возможность представлять евреев гораздо хуже, чем они есть.

Соединение специальной еврейской монады и еврейской религии делает из евреев ударный отряд. При развитии наук их таланты стали особенно хорошо применяться. В Америке девяносто процентов евреев с образованием, в Советском Союзе — семьдесят процентов. Это армия образованных и предприимчивых людей. И если при этом евреи не расположены с добром относиться к коренному населению, то эта омега рождает «анти».

Отец игумен Геннадий цитирует Мартина Бубера¹¹⁴: «Мы стали кошмаром нации, и каждая нация желает от нас отделаться». В средние и новые века, даже в начале двадцатого века, христиане шли евреям навстречу, во всяком случае в европейских демократиях. Во Франции, в Голландии евреям дали все права, в Америке тоже. Евреи, которые все потеряли в России в 1917 году, были далеко не сторонниками Ленина, а скорей Николая II. Дело там шло к отмене черты оседлости. Но о положении евреев в России особый разговор, двумя словами тут не отделаешься, и можно даже обидеть людей, чего уж я никак не хочу. Надо, чтобы была мера истины, правда — пускай горькая, но правда, — и ею мы должны руководствоваться.

Сионисты стремятся строить Израиль. Другие евреи не собираются в Израиль, их не привлекает сионизм, их туда калачом не заманишь, но зато они Израилю деньгами помогают. Ортодоксальные израильские евреи ждут Мессию, государства Израиль не признают; к ним приывают люди с огромными деньгами и с опасными мыслями: под видом Мессии можно такого антихриста евреям на шею посадить, что они сами не рады будут. Среди евреев большая прослойка тех, кто разрушает общество, в котором живет, марксизмом, социализмом, всякими другими «измами». Еврейская монада хорошо заряжена, воспитание у многих евреев еще иудейское, а если нет настоящего иудейского религиозного воспитания, то еврейскую оборону крепит иудейское национальное воспитание. Евреи все делают с энергией, с умом, с

---

¹¹⁴ Мартин Бубер (1878 — 1965) — еврейский религиозный философ.

предприимчивостью. В мире они — возмущающая сила, есть в механике такое понятие. Возмущающие силы нужны, иначе можно загнить. Когда будет Общество Независимых, ради Бога, пусть действует возмущающая сила. Но сейчас, когда мы подходим к критической точке нашего мира-маятника, это страшно: все может взлететь на воздух. В век атомных бомб, ракет, подлостей, которые расползлись по земле, простая честность, я уж не говорю о благородном начале, изгнана из человечества. В обиходе, между близкими хорошими людьми, сохраняется постоянство, а чуть подалеже — держись за карман. Нам надо искать выход.

Моя гипотеза подсказывает путь, ибо считает, что с помощью религии можно менять строй души. Евреям нужно самим добровольно отказаться от иудейской религии и заменить иудейскую монаду, которая совершенно не ко времени, не для нашей эпохи. Сейчас у ортодоксального еврея явный строй души древнего иудея со всеми его качествами. Если возможно было бы, чтобы вследствие какого-то потрясения или какого-то пророчества верующий еврей перешел в христианство (не сразу; скажем, за одно-два поколения), то он стал бы верующим христианином, который ходит в церковь и молится. Его строй души изменился бы в течение одной жизни, и он, может, стал бы даже христианским святым. Новая, могучая христианская религия дает нужный христианский строй души, и если человек достиг христианского строя души в течение своей жизни, то и у его детей эманация душевной оболочки будет другого строения. А раз люди стали другими, монада должна стать другой. Старая иудейская монада не пойдет уже в такую душу, ей там будет неприятно, тесно; она будет себя чувствовать пленницей. В эту душу пойдет другая монада — переходного, потом христианского типа. Я думаю, что это было бы самое безболезненное решение и для самих евреев, и для всех окружающих. Но обращение евреев в настоящих христиан должно быть добровольным. Бессмысленно такую операцию проводить насильно, по принуждению.

По моей гипотезе, в душе тончайшие трансфизические структуры, алмазные и жемчужные горы. Человек

сам, своей религиозной жизнью, своей религиозной работой приходит к другому строю души. Я встречал крещеных евреев в лагерях. Другая религия изменила строй души евреев, и не исключено, что в душах их детей уже другая монада. Но об этом в другой раз.

В сталинских лагерях преобладали евреи-безбожники, советские евреи. Все знали, что я христианин, но должен сказать, что моя вера в Бога не вызывала ненависти. У меня с евреями были прекрасные отношения. Но все-таки было несколько ортодоксальных верующих евреев, можно сказать, древних иудеев, из местечек, из гетто Польши, Литвы, которые, я замечал, относились ко мне с ненавистью только потому, что я был христианином.

О моем друге, Борисе Рейхесе, я пишу в своих лагерных записках, в главке «Белый и голубой». Борис был свой в доску. Он был нашей выучки, за вычетом того, что был атеистом. Об иудейской религии он никакого представления не имел, но об иудейской истории, еврейской нации, еврейском народе он нам кое-что рассказывал, и это было интересно. Он был сионистом, ему очень нравился Жаботинский.

В лагерях никакой национальной розни не было между евреями и неевреями. Мы были братья. Мы смотрели иначе, у нас были другие характеристики: стукач, негодяй по своей природе, не может держать своего слова, вор. А еврей ли ты, болгарин ли — да Господь с тобой. Мы миролюбиво относились к тем, кто верил в Бога по-еврейски; это гораздо лучше, чем быть безбожником. Евреи-безбожники были совершенно индифферентны к национальной розни.

Надо внести уточнение. Я против сектантства, но в условиях Советского Союза лучше быть сектантом, чем безбожником, потому что, конечно, направленность сектанта к Богу не сравнить с направленностью безбожника от Бога. Не сравнить также враждебного Ему безбожника еврея и ортодокса еврея иудейской веры. Конечно, сравнение надо вести при прочих равных условиях. Случай еврея-ортодокса и еврея-безбожника, который в ЧК полез, сомнений не вызывает. Сравнить надо братьев, близких по своему уровню, задаткам, способностям, с точки зрения продвижения к христианству. Еврей-без-

божник ближе, чем ортодоксальный еврей, к усовершенствованию самого себя и, соответственно, ближе к христианству. Он на переходном этапе, ему легко перейти в христианство, принять его. Гораздо труднее ему принять иудейскую веру. Существование Израиля это показало. В нем делают все, чтобы люди пришли к иудейской вере, но мне кажется, что многие очень далеки от нее. Они соблюдают субботу, потому что она узаконена и другого выхода нет. Но люди не рвутся к иудейской религии, обратное — скорей исключения.

Иудейская религия отстала на две тысячи лет. Трудно на людей надевать ее аркан со всеми правилами и предупреждениями. Я был в Израиле, общался с разными людьми, посетил религиозные школы, где учатся милые дети в ермолочках. Но по плодам надо мерять, а они дают разъединение. Это нехорошо, особенно в наше время. В журнале «Менора»¹¹⁵, выходящем в Израиле на русском языке, можно получить правильное впечатление об иудейской религии из некоторых статей религиозных еврейских мыслителей. Но архаизм, когда считают, что еврей обязательно должен жениться на еврейке, и если он не женился на еврейке, то не может быть гражданином Израиля. Отец Даниил Руфайзен, католический монах, который спас чуть ли не двести евреев, живет в Израиле, но, когда я был там в семьдесят третьем году, ему не дали права быть его гражданином. Если еврей или какой-нибудь человек занимается миссионерской деятельностью в Израиле, то это тоже преступление. В этом вопросе иудейская религия несовременна, сами евреи ее немножко стесняются или пожимают плечами. Я не хочу никого обидеть, я просто делюсь моими наблюдениями и впечатлением, которые я вынес из чтения на русском языке еврейских религиозных книг. Мартину Буберу в данном случае карты в руки, а он, скорее, говорит в том же смысле, что и я.

---

¹¹⁵ Журнал был основан в 1972 году Павлом Гольдштейном, 17 лет пробывшим в сталинских лагерях. (См. его книгу «Точка опоры».)

Очень уж крепкой была еврейская монада, а ее соединение с религией, их взаимовлияние затормозили переход евреев в просветленное полностью христианское состояние.

Сталинские лагеря оказались великолепной лабораторией, конечно чудовищно жестокой, откуда можно черпать, извлекать очень строгие выводы. Я неоднократно обращаюсь к этому источнику. В тех условиях даже плохонький, нехороший человек, невысокого морального уровня, нередко держался вполне нормально и, хоть заметен был у него всегда какой-то крен, был на общем уровне, не клевал носом. Почему? Я объясняю это тем, что жуткая обстановка, колоссальное количество всяких чудовищных переживаний, плохие условия жизни, непрестанное давление на человека дают ему сотни битов информации в каждую секунду. Как известно, львиная доля идет в подсознание, а до сознания доходит лишь их горстка. Но биты информации, которые не доходят до нашего сознания, быть может, идут в монаду. И если монада ими бомбардируется, то на нее в конце концов это влияет, изменяет не ее характер, но поведение, мнение. Может, но не окончательно, когда эта бомбардировка кончается, все приходит в исходное состояние. Исключение представляли еврей-ортодоксы, у которых монада была защищена с помощью их иудейской религии. Иудейская же монада евреев-атеистов, видимо вследствие бомбардировки битов, тяжелых и неприятных, облагораживалась, смягчалась, переставала быть такой жесткой, и их отношение к людям резко менялось. Полагаю, что объяснение именно в том, что наши монады меняла в нужном направлении бомбардировка огромных количеств битов очень тяжелой информации. На всех это действовало в равной мере. Менялись люди, которые имели какую-то гордость, неприязнь, и ярые антисемиты, с детства в духе антисемитизма воспитанные. Когда эта бомбардировка кончилась, по истечении ряда лет все стало на свое место. Природа битов информации, которые идут в подсознание, еще недостаточно изучена, и есть достаточно оснований думать, что они тоже попадают в душу, следуя схеме рецептор-мозг-душа. В подсознание, конечно, идут биты из физического мира,

в надсознание — из трансфизического. Биты, поступающие в подсознание, не доходят до нашего сознания, не осмысливаются нами, и дуга душа-мозг при этом не работает. Но часть этой дуги (рецептор-мозг-душа) работает, и биты действуют, может быть, незаметно прямо на монаду и на густоты сгущения чувств. И когда это доходит до какого-то осязаемого, осознаваемого предела, появляются какие-то осязательные образы, и мы их воспринимаем в виде какого-то переживания, чувства. Я думаю, что моя гипотеза достаточно обоснована¹¹⁶.

Бог троичен в лицах¹¹⁷. С точки зрения универсальных законов природы, которым должна подчиняться Вселенная, во всяком случае в разрезе физического мира и его связи со стороной Бога, которая им управляет, это несомненно. Иначе мы в мире фантастики. Законы природы универсальны. Они — лучи, связь, средство для вмешательства Бога в наш мир. Если мы это допускаем, то мы в мире науки, мире физики, не противоречащем нисколько Божественным откровениям. С точки зрения Божественных откровений о триединстве Бога, которые дал Спаситель, первый закон развития (развитие есть единство борющихся противоположностей) дает совершенно удовлетворительный ответ. Если Бог был бы в одном лице, то как средоточие добра, блага, любви Он обязательно должен был бы в своих пределах содержать какое-то зернышко зла, что невозможно. Бог любви не может в себе содержать зло. Если мы люди веры, нам не надо это доказывать, мы просто верим в это. Если мы идем по пути мысли, поиска, то я предлагаю опираться на универсальные законы природы. Они нам дают ответ: если мы признаем единобожие, то обязательно в Боге должна быть частица зла. Так как это невозможно с точки зрения религии, веры в Бога, немыслимо с позиций всех Божественных откровений, надо прямо сказать, что модель Бога, которую нам дают иудаизм и магометан-

---

¹¹⁶ В главе 21 моей «Теории густот» изложены гипотеза зарождения души и модель души. В данной статье я придерживаюсь терминов этой главы. --- *Прим. автора.*

¹¹⁷ См. в «Теории густот» главу 8: «Бог един, но троичен в лицах».

ство, — ошибка. Иудейская религия и магометанская как ее повторение отстали на две тысячи лет. Сейчас их бытие, в сущности говоря, незаконно. Для своей эпохи иудейская религия была приемлема. Но внедрить идею единобожия и еще считать, что Бог в трех лицах, — это превосходило все возможности богоизбранного народа.

В рукописи отца игумена Геннадия о еврейском мессианизме сказано следующее: древние израильтяне не знали учения о личном бессмертии; считалось, что душа умершего еврея прилагается к коллективной душе народа, и целый народ был субъектом бессмертия; одновременно все хорошие и дурные дела накладывались тоже на эту коллективную душу, и, следовательно, коллективная душа или страдала, или, наоборот, радовалась в зависимости от количества выполненных добрых или злых дел.

С точки зрения моей гипотезы, которая отвечает современной науке, такая коллективная душа невозможна. Я смог построить модель души, связанной с определенной частью головного мозга, на основании своих изысканий в области пространства и времени. Все явления происходят в пространстве и во времени, и там действует открытый мною закон движения вещей. Это относится и к психическим явлениям. Моя модель души закономерна для основных положений моей гипотезы. Допущение, что человек состоит из монады со своим космическим разумом, который формирует душу, а из души — тело, отвечает как Священному писанию, так и, в сущности говоря, всем явлениям. Душа человека нечто совершенно живое и ясное; мы с ней сталкиваемся, и хоть с очень большим трудом, но можем ее изучать.

Но моя гипотеза отрицает термин «душа народа». В главе двадцать первой «Теории густот» объяснено, что душа и мозг все время подвержены взаимному влиянию: душа дает приказ мозгу осмыслить что-то через волевою густоту, совершить какие-то действия; верней, главная густота, монада, отдает приказ в волевою густоту, и волевая густота действует на мозг, который соответствующим образом передает в нужные рецепторы, органы, приказ, и он начинает осуществляться. В этом случае перелив энергии идет из трансфизической души в мозг. В душу также поступают сигналы из физического мира,

и перелив энергии идет из физического мира в трансфизическую душу. Эти постоянные переливы вполне закономерны; нарушения закона сохранения энергии в пределах всей Вселенной при этом не происходит, как это показано в главе девятой «Теории густот». Переливы энергии создают небольшую вибрацию трансфизического поля, которое окружает душу человека. Израсходованная душой энергия пополняется из этого трансфизического поля, то есть пополняется всякая убыль энергии, которая ушла из души в мозг. При этом в поле происходит движение, перемещение каких-то частиц, сгущение частиц. Когда люди живут бок о бок, вибрации их полей налагаются друг на друга. Чем сильнее вибрации каждого поля, определенным образом окрашенные, чем сильнее наложение элементарного воздействия каждой души на трансфизическое поле, которое ее окружает, тем сильнее общее наложение вибраций. Сумму, совокупность наложения этих вибраций я называю народом. Можно условно, литературно, назвать это душой народа.

Вещь, по моему определению, состоит из частиц¹¹⁹, находится в пространстве, во времени и кем-то воспринимается. В душе человека наличествуют эти элементы: душа в пространстве, во времени обладает монадой, состоит из трансфизических частиц и воспринимается данным человеком и окружающими. О воображаемой душе народа можно лишь сказать следующее: у нее есть поле, состоящее из трансфизических частиц, она находится в пространстве и во времени, которое вибрирует сильно или слабо, и действительно выражает народные переживания, события. Но она не представляет собой огромного образования с монадами. Мне представляется фантастичным построение модели такой души и ее обоснование. Души народа нет. Есть поле трансфизических частиц, которое может то сильно вибрировать в определенном отношении, то совсем замереть. У сильного народа это поле вибрирует всегда; его вибрации помогают

---

¹¹⁹Мы говорим «состоит из частиц» о природном образовании, тогда как к изделию или творческому произведению применяем равнозначное словосочетание «построено из частиц». — *Прим. автора.*

каждому отдельному человеку, и вместе с тем при сильной вибрации людей поле вибрирует более сильно. Когда отдельные вибрации трансфизического поля складываются, народ, как, например, иудеи, имеет ярко выраженную направленность. То же происходит, когда у людей в одном направлении работают их ум, воля, душа. Например, если народ борется в порыве патриотизма, получается сильное наложение вибраций, дающее сильное выражение народа, дух народа, дух армии.

Говорить о бессмертии воображаемой души народа бессмысленно. Можно говорить о бессмертии души человека, потому что ее бессмертная монада создана Богом. При этом душа как оболочка монады состоит из эфирных, астральных одежд и может сама по себе преобразовываться. Но в воображаемой душе народа никаких монад нет, а просто вибрации. Кончились вибрации — кончилась и душа народа. Были ацтеки, инки, были у них вибрации, но сейчас их вибраций нет и этих народов нет. Нет их души народа ни в пространстве, ни во времени; никем она не воспринимается и тем самым не существует. Поэтому если, как сообщил отец игумен Геннадий в своем труде, в современном иудаизме есть понятие души народа, то это его очень серьезный порок.

Гипотеза о связи души с трансфизическим полем в очень сильной мере облегчает нам понимание пророчеств, получение Божественных откровений: если у монады сильно развитый космический разум, то он может принимать определенно направленные вибрации трансфизического поля; происходит передача каких-то сообщений. Так, огромная монада души Моисея принимала огромные пророческие сведения, совершенно изумительные, гениальные Божественные откровения, которые предвосхитили развитие наук на три тысячи лет.

Все можно объяснить из одного истока. Философы, которые заменяли слово Бог, старались Его закодировать, назвать абсолютом; в глубине своего сознания они в Него верили, признавали Его. Отец игумен сообщает, что философ Ю. Вронский¹¹⁹, которого он ценит, гово-

---

¹¹⁹ Юзеф Вронский — польский математик и философ-мистик первой половины XIX века.

рит, что «задача человечества состоит в том, чтобы познать абсолют как истину и осуществить Логос как благо». Если это задача человечества, то еще в большей степени это задача философа.

Свою цель я выразил бы несколько более просто на доступном мне самому языке. Во-первых, самое главное — это познать Бога в доступных нам пределах. Мы можем познать Бога только в очень маленькой мере, можем познать лишь какую-то Его часть, которая обращена к физическому миру и с Ним связана; вся остальная часть Бога непознаваема. Во-вторых, задача философа — сделать все возможное, чтобы дать картину Вселенной, в которой из какого-то логического центра должны быть объяснены все существующие явления, те, которые открывает наука сейчас, и те, которые будут открываться дальше. А для этого, естественно, философия должна быть построена в форме гипотез. Время от времени, когда наука уходит вперед, согласно плану лаборатории Бога, гипотезы надо менять. С развитием науки мы должны переосмысливать даже Божественные откровения, которые нарочно даны в виде иносказаний, чтобы мы могли всегда наполнить их содержанием, соответствующим нашей эпохе. Философ должен быть не только отвлеченным мыслителем, метафизиком, но и строителем, во всяком случае инженером; он должен думать о том, как сделать все необходимое на земле, чтобы на ней как идеал было Царствие Божие. Внешняя обстановка должна только помогать. Царствие Божие внутри нас, в нашей душе. Это не значит, что в какой-то специально устроенной казарме будут жить люди, воображая, что они в Царствии Божиим. Наша душа должна как можно большее количество времени находиться в состоянии, которое спасительно и разрешает назвать его Царствием Божиим. Конечно, это будет не все время, будут и спады. Но мы должны стремиться создать условия, чтобы Царствие Божие на земле выражалось, может быть, не так часто, но все-таки очень ярко, сильно, значительно. Это дело науки будущего. Одновременно с достижением Царствия Божия на земле мы должны всячески думать о завоевании Царствия Небесного, то есть Царствия Божия на небе, в раю, чтобы не угодить в тяжелые адские слои. Повседневная жизнь и работа человека должны

быть всегда связаны с совершенствованием его внутреннего мира, монады, души. Это задача даже не обязательно философа, а каждого верующего, каждого христианина, каждого хорошего человека. Философом же можно назвать человека, который берет на себя совокупность задач и выполняет их, который предлагает ясное логическое построение, вытекающее из центральной гипотезы. Наука и Божественные откровения дают ему реперы, важные узловые точки, на которые он опирается. Между ними — неизведанное, что-то темное, неясное. В этой темноте и ведет философ свою сложную работу, состоящую из четырех задач: 1) познать Бога в возможных пределах и Его волю, 2) нарисовать картину Вселенной, исходя из центральной, всеобъемлющей идеи, 3) предложить усовершенствование общества, чтобы человечество не металось из стороны в сторону, а подымалось вверх от одной осцилляции к другой, и 4) совершенствовать свою собственную душу, как это должен делать каждый верующий.

Философ не повторяет задачи богослова. Богословие — наука колоссальной сложности. Богослов должен знать историю, археологию, языки, чувствовать эпоху. Но философ и просто мыслящий человек могут взять узловые точки из богословия и выдвинуть гипотезу о том, как устроена между ними Вселенная.

Мне кажется, что богословы пренебрегают построением Царствия Божия. За эти две тысячи лет развелись революционеры, марксисты, анархисты, потому что это был совершенно заброшенный участок. Богословы согласились, что «Царство Мое не от мира сего»¹²¹. Но эта мысль вовсе не означает, что надо бросить мир, идти в монастырь и только там жить. Это неверно. Христос пил вино, пировал с грешниками, любил маленьких людей. Он вовсе не заставлял всех поститься. Ветхозаветная струя относится скорей к Крестителю. Христос был величайшим реалистом, и мы должны быть реалистами. Этой частью богословия, которая была в забросе, философ должен заняться.

---

¹²¹ Евангелие от Иоанна, 18:36.

Поиски пути к Царствию Небесному задача не столько богословская, сколько церковная. Я нисколько не врываюсь в эту область. Только жизнь меня научила, что этот вопрос касается каждого человека, а его решения не всегда ведут к спасению души. Поэтому важно, чтобы этот вопрос изучался со всех сторон и люди получали в нем помощь и поддержку. Из нашей российской действительности знаю также, что не всегда то, что говорит священник, падает на благоприятную почву, да к тому же в русской православной Церкви во многих случаях было очень пренебрежительное отношение к священникам. Поэтому, если образованный человек подсказывает что-нибудь, повторяет даже то, что говорит священник, это иногда гораздо лучше ложится в душу человека. Во всяком случае, и в своих книгах, и в лекциях я усиленно подчеркивал силу молитвы, обета Богу. В своих лагерных записках я рассказал о чуде, которое Бог совершил со мной¹²². Это действует больше иногда на людей, чем когда читают в Евангелии о воскрешении Лазаря. Оно ведь было когда-то; Бог решил сделать чудо. А когда в страшной лагерной обстановке спасает молитва, сильная вера, это производит впечатление, оставляет след у людей. Поэтому я считаю, что правомерен вклад в вышеуказанную четвертую задачу, если есть только у человека возможность. И не нужно думать, что ты у кого-то хлеб отбиваешь. Возможно, у Вронского цель была такая же, как у меня, но он выразил ее на сто лет раньше языком своего времени. По-моему, я говорю то же самое, но в категориях, близких мне. Я совершенно не боюсь религиозной терминологии, потому что считаю Бога Творцом видимого и невидимого мира и для меня Божественные откровения — выражение Его ума на деле. У Вронского осифицидность как благо расшифрована в трех своих последних степенях, а я это выражаю по ступеням, но в общем это одно и то же. Он был хри-

---

¹²² Д. Панин заболел в 1942 году пеллагрой, от которой в лагерных условиях не было излечения. Он горячо молился в бараке смертников, в который его поместили. На сороковой день вдруг смертельный понос прекратился («Чудо на сороковой день». — В кн.: Д. Панин. «Лубянка — Экибастуз»).

стианин, я христианин, и цели у нас, вероятно, одинаковые, но уровень науки сейчас, конечно, совершенно отличный от того уровня, когда отсутствие больших научных данных породило метафизику. Поэтому мне было легче строить свою систему, чем ему. Мой метод мне кажется более плодотворным, но метафизику я уважаю и ценю и, если нужно, забираюсь в метафизические высоты.

О душе, принадлежащей все время метафизике, нежно разговаривали. В двадцатом столетии решили, что она вообще не в пространстве, потому что мысль не имеет углов и тому подобное. Мне же нужно было изыскание пространства и времени, чтобы строить модель души как пространственно-временной континуум. Развитие науки очень помогает мысли; философия становится более определенной, менее оторванной от вещей.

Отец игумен устанавливает определенное сходство между Вронским и Мартином Бубером и приводит утверждение Бубера о том, что роль Израиля в истории человечества выражается в исправлении и направлении следования других народов по пути к абсолюту. Причем Бубер считает, что это дело небезопасное, и подчеркивает, что такое понимание абсолюта может вылиться в идолопоклонство: идея становится идолом и этой идее поклоняются. С этим опасением Бубера нельзя не согласиться, но возникает вопрос: почему нужно как-то зашифровать мысль и что вообще означает абсолют? В индийском йоговском учении есть абсолют, но это прикрытие безбожия. Зачем нам нужен какой-то абсолют, когда у нас есть Бог? Абсолют нельзя изучать, абсолют — какой-то далекий, надмирный; Бог же личный, Он связан с нами, Он сотворил мир, Он помогает нам своими Божественными откровениями, вмешивается во всех узловых точках — одним словом, направляет наше развитие. Его надо познавать, к Нему надо стремиться, Его надо любить, как можно ближе Его к себе привлекать, а не начинать разговор об абсолюте, как будто всего этого нет, как будто Христос не дал нам своих откровений, как будто даже ветхозаветные откровения куда-то делись. Я не могу это простить даже Вронскому, а Бубера, вероятно, можно только извинить тем, что ему было тесно в рамках архаической иудейской религии. По-

этому он начинает говорить в терминах, которые ему кажутся более созвучными времени. Но мыслитель должен все-таки какой-то смелостью обладать и называть вещи своими именами. Если ты веришь в Бога, так и говори. Не бойся, что тебя кто-то закидает камнями, если весь твой склад ума и мыслей к этому приводит. В «Теории густот» бытие Бога доказано, во всяком случае в том смысле, что Вселенная немислима без Творца.

В понимании древних иудеев и всего древнего мира, ветхозаветный Бог требует, наказывает, карает, то есть в какой-то мере можно считать, что такой Бог не является только олицетворением любви, а может быть, содержит в себе что-то и другое. Для той эпохи это было совершенно неизбежно. Одно Божественное откровение сменяет другое. Ветхозаветное Божественное откровение дало возможность иудеям прорубить дорогу, а потом Христос дал новое Божественное откровение. Уже во времена Ветхого Завета частично происходил прорыв в область более современной христианской мысли, христианских идей: были пророки, Амос начинал говорить о Боге любви, который хочет милости, а не жертвы. Для ветхозаветных времен было справедливо, во всяком случае необходимо, наличие однозначного Бога и с признаками неумолимого властелина. Но удерживать этот взгляд на Бога после откровений Иисуса Христа неоправданно. Около десяти пророчеств говорят о Мессии, который воплотился в Христа, а не в грозного царя-завоевателя (пророчества Исаии, Даниила). Иудейский народ, естественно, мог иметь стремление к защитнику, который его защитит, поставит выше всех, потому что он чувствовал себя совершеннее, лучше остальных. Но после того, как пришел Христос, ожидать нового Мессию чревато большой опасностью. Под этим флагом может прийти враг рода человеческого. Современные древние иудеи должны здесь пересмотреть свои позиции в корне.

Выскажу некоторые соображения по поводу оценок Владимиром Соловьевым талмудического еврейства, иудейской религии и вообще значения иудейского наро-

да. В «Голосе Зарубежья»¹²² помещена очень интересная статья А. Патрашникова о работах Соловьева по этим вопросам. Соловьев был большим почитателем иудаизма и подчеркивал его высокий смысл, отмечая отрицательные особенности еврейства: «Между законничеством Талмуда и новозаветною нравственностью, основанной на вере и альтруизме, нет противоречия в принципе. Принципиальный спор между христианством и еврейством [...] в вопросе о богочеловеческом значении и искупительной жертве Христа». Соловьев упрекает христианский мир, что он возвел в принцип абсолютное разделение между религиозной истиной и действительной жизнью. Никак нельзя отрицать, что это имело место в наших церквах, достаточно казенных. За это Россия взлетела на воздух. «Против этого безбожного и безнравственного разделения талмудическое иудейство восстает всем своим существом, и в этом его оправдание», — продолжает Соловьев. «Если евреи не хотят признать в христианстве осуществление этой всемирной миссии, то в этом виноваты сами христиане». Бесспорно и это. «[...] еврейство представляет собой как бы ось всемирной истории». С этим тоже надо согласиться. «В Талмуде нет дурных законов, которые хотят отыскать в нем антисемиты». Еврейство «стоит доселе живым укором христианскому миру. Оно [...] обращается к нам с требованием [...] или отказаться от христианства, или приняться решительно за его осуществление в жизни». Целиком под этим подписываюсь. Это великолепно сказано. Совершенно правильно заклеил Соловьев нашу слабость и нашу распушенность, наше растворение в каких-то мелких житейских делишках. «Заставить евреев отказаться от законов Талмуда мы не можем, но применить к самому еврейству евангельские заповеди всегда в нашей власти. Одно из двух: или евреи не враги нам, тогда и еврейского вопроса вовсе не существует, или же они враги, и в таком случае относиться к ним в духе любви и мира — вот единственное христианское разрешение еврейского вопроса». Патрашников указывает, что

---

¹²² №3, 1976.

Соловьев в последний период своего творчества в повести об Антихристе говорит, что первыми восстали против него евреи, хотя вначале они как будто впали в некоторое заблуждение. В конце этой повести евреи соединятся с христианами в момент чудесного низвержения Антихриста и сошествия с неба Христа. Радостно, что наш любомудр Соловьев с такой прямоотой и решительностью заклеил пороки, недостатки, слабости христиан и происшедшие из них бедствия, до которых он, к счастью, не дожил. Одновременно он отнесся к еврейству как к идеальному еврейству. Соловьев оценивает евреев — жителей Российской империи, с которыми был связан. Среди них были прекрасные верующие — христиане, с которыми он был в тесном общении. Соловьев изучал Тору, прекрасно знал древнееврейский язык, цитировал целые псалмы. Он был глубоким знатоком евреев своего времени.

В России все-таки евреи имели возможность сохранить свою иудейскую веру. Ее искоренения не было. Предлагали стать христианином, но насильно не крестили. Вопрос о погромах и о черте оседлости требует специального рассмотрения.

В конце своей статьи Патрашников указывает, что основная ошибка Соловьева, как дань гегельянскому воспитанию, — аксиома неизменности национального характера, что равносильно раз навсегда установленной и не меняющейся в течение веков душе народа или чему-то вроде этой души. Я думаю, что в этом отношении моя гипотеза дает правильный ответ: есть трансфизическая равнодействующая, которая имеет колоссальное влияние и колоссальное значение, но она не является вечным организмом, она меняется. Конечно, в еврейском народе с сильной еврейской монадой и очень целеустремленной религией она сравнительно мало менялась, и Соловьев прав. Но в отношении всех других народов и в отношении евреев, которые потеряли веру, картина совершенно другая: эта равнодействующая начинает очень сильно скакать и колебаться. У одних она постоянная, сильно направленная, мало меняется, направление ее все время одно и то же. У других она слабенькая,

колеблется, и такой народ быстро сходит со сцены истории, уничтожается.

Прошло больше ста лет с тех пор, когда Соловьев все это писал. Двадцатый век нам преподнес большие сюрпризы. У Соловьева речь идет о евреях прежней России, евреи СССР почти сплошь безбожники. Евреи в соловьевском смысле, идеальные евреи — раввины, законоучители, мудрецы — были в значительной мере размолоты в советской мясорубке. Вырубили их, истребили, объявили незаконным изучение древнееврейского языка, не печатали еврейских книг. Одним словом, от того, что говорил Соловьев, остались рожки да ножки.

Уровень иудейской веры в Советском Союзе ни в какое сравнение не идет с ее уровнем в Европе. На Западе, как я наблюдаю, тоже очень высокий процент безбожников среди евреев, но будем надеяться, что верующие евреи находятся на уровне соловьевских представлений. Я целиком доверяю авторитету Соловьева касательно отсутствия враждебности к другим народам в Торе. Но сами евреи не скрывают, что они не ангелы и в отношении другого народа далеко не всегда точно следуют указаниям Торы. Национальный момент, обида влекут неправильное истолкование Торы; можно всегда сделать ударение не на том, что требуется.

Из идеальной плоскости спустимся в реальную. Люди обладают всевозможными свойствами, и в том числе не очень высокими. Евангелие ведь тоже не содержит в себе никаких враждебных указаний, но тем не менее его ведь использовали: устроили Варфоломеевскую ночь, а в России во время еврейских погромов изуверы тащили из церкви хоругви, кресты, замавав не знаю как нашу Церковь и восстановив евреев не только против себя, но очень сильно против христианства. Так что в реальной обстановке надо считать, что, хотя Талмуд и не содержит в себе никаких указаний, противных другим народам, но каждая религия имеет не только свое евангелие, но свои традиции, жизненные указания, обиды, которые в пределах воспитания и руководства раввинами поведением отдельных евреев получали — не всегда, конечно, — очень определенную направленность против всего христианского. И возникала антиомега. Первый закон

кликается своя (предназначенная для данного случая) монада. Но вибрация зависит и от монады отца, и от монады матери. Монады могут поляризоваться, интерферировать и не складываться, а вычитаться. В результате получается ребенок, который не отвечает высокому замыслу отца. Вопрос очень сложный. Пока об этом можно говорить в самых общих чертах: монада должна проникнуть в душу, ее построить, и не надо забывать строительные способности данной монады. Надо учитывать также, в каком положении была мать и как потом воспитали ребенка. Но все же если вспомнить о законе больших чисел, то, к примеру, во время наполеоновских войн была уничтожена лучшая часть мужского населения, а в первой мировой войне лучшая часть французского населения. И результаты мы видим: какое-то понижение уровня людей; после наполеоновских войн — резкое понижение, после второй мировой войны еще большее понижение. Видимо, носители высоких, сильных и героических душ не дали потомства, может быть, не успели его дать, и потомки родились у людей слабых, второстепенных, третьестепенных, что привело к снижению их уровня.

Я уже говорил, что в русской истории вырубали всю благородную часть, но благородство определяется не генами, а монадами. Если вырубает постоянно в течение столетий носителей благородного начала, носителей благородных монад, то эти монады не получают приглашения от данного народа, и их приглашают другие народы; и получается, что общий уровень благородства данного народа снижен. Так оно и было в России. Я думаю, что мое объяснение в какой-то мере, а может быть, даже в значительной мере, может объяснить, почему мы подошли к семнадцатому году с таким запасом хамья и с таким малым количеством благородных людей.

* * *

В. Ч.: Вы знали лично Даниила Андреева?¹²⁴

---

¹²⁴ Беседа с Владимиром Чернявским.

Д. П.: Нет. Он умер в пятьдесят девятом году.

В. Ч.: А что за рукопись Вы читали?

Д. П.: «Роза мира». Ее и Агурский читал.

В. Ч.: Это он написал о нем статью?

Д. П.: Он. После этого я раскрыл рот. Решил написать А. Д. в своей рукописи. Теперь можно раскрыть инициалы.

Даниил Андреев — Данте XX века. Он спускался во все этажи чистилища, ада и поднимался на некоторые райские этажи. Его Вергилием был поэт Александр Блок. Книга блестящая. Я рассматривал ее глубже, чем литературное произведение. Я старался понять, насколько она отвечает его замыслам. Действительно ли он проверил все, истинность всего этого. Он описывает отдельные этажи чистилища. Читаю: я видел, я слышал, я спускался, мне это показывали. Мистика. У него озарения. Словарь неведомых нам слов. Языковед, занимающийся сравнительной лингвистикой, может судить, откуда он их взял. Д. Андреев не лингвист. Он учитель географии, занимался оформительством.

Нижний этаж у него: фиолетовое море. Дьявол в виде крылатого существа. Когда он подымает черные крылья, на море начинает будто бирюза играть. Только два человека сумели выдержать его взгляд. Один из них — Торквемада. В книге отдельная глава: Сталин как неудавшийся антихрист. Даниил Андреев говорит: Я — поэт. Научно с меня не спрашивайте. Я слышал, я видел. Я — вестник. У меня могут быть aberrации. Не ручаюсь, что все, что сообщаю, так.

Многие вещи для нашего восприятия не уловишь. Чудовище Уицраор в человеческом обществе. Где он взял это слово? Он не был ни в Мексике, нигде. Каждый слой назван у него причудливым и вместе с тем звучным словом.

В тюремной камере он отворачивался к стене, впадал в транс и видел. Он был осужден на двадцать пять лет и вышел с пороком сердца. Посадили за его роман. Люди слушали этот роман. И всех, кто слушал, взяли — при Сталине это было — и дали по двадцать пять и по десять лет. На шарашке у нас был один парень, который с Даниилом Андреевым сидел. Второй зек с шарашки,

тот, кто мне дал позже рукопись и от которого я узнал все подробности, был художник Кондрашов из «Круга первого»; настоящая его фамилия Ивашов-Мусатов.

У Даниила Андреева в чистилище остров как бы выжжен. Вершины гор все наклонены в одну сторону. Никого нет. Один только человек на этом острове. По свечению можно узнать, что он там. Он молится все время. Это — Иуда. Он поднялся с нижнего этажа до верхнего этажа чистилища. Страшно интересно. Какое воображение надо иметь, чтобы все это придумать.

В. Ч.: Недаром людям, видевшим Данте, казалось, что его лицо опалено адским пламенем.

Д. П.: И Даниил Андреев это повторяет. Блестящая глава у него о Блоке. Он не вылезает из адских слоев. Он — ложный вестник. Северная незнакомка. Это все — диавольщина. Блок должен был дать высокие представления, но он снизился, погряз в демонизме.

Каждый художник, если он сделал греховную вещь, потом дорабатывает свой образ. Сервантес, к примеру, довольно низко пал. Видимо, не надо было рыцарство низводить.

* * *

Я перечитал «Мастера и Маргариту» Булгакова¹²⁵, и впечатление у меня осталось тяжелое. Уже при первом чтении я как-то внутренне восстал против перефразировки евангельских событий, которую допустил Булгаков. Ведь у него они в общем провозглашены самим Воландом, то есть дьяволом. Мастер — инструмент этого дьявола, возлюбленная мастера оказывается ведьмой. Они поклоняются дьяволу и соглашаются служить ему и его свите, которая им помогает, потому что читателю подsunута диавольская интерпретация Евангелия. В евангелии Булгакова Понтий Пилат — главное действующее лицо. Иешуа (Христос) — слабенький человечек, жалкий бродяга. Ничего божественного в нем решительно нет. Он и учеников-то не имеет. За ним ходит лишь

---

¹²⁵ Опубликовано в газетах «Литературные новости», М., 1992, №19, и «Будни-2», Иваново, 1997, апрель, № 13.

один из них, Левий Матвей, который тоже представлен каким-то безумцем. Он что-то неверно записывает, и сам Иешуа считает, что он перевирает его слова. Основное действующее лицо — Понтий Пилат; он все и разыгрывает. Пилат вынужден убить Иешуа, потому что все события подстроены. Непонятно, почему против Иешуа восстали кориафы, центурионы.

Все силы зла, начиная с Воланда, изумительны. Вспомните их отъезд: красавцы в каких-то черных мантиях, черный рыцарь, паж, какой-то воитель, сам Воланд в виде темного божества. Они делают все; можно сказать, творят чудеса; им подчиняются сверхприродные силы. У Иешуа же ничего нет, он — воплощение слабости. Силы ума он не проявляет, никаких чудесных качеств у него нет, даже стойкости Христовой нет. Это — унижение христианского начала и возвеличение дьявольского начала.

Слуга Понтия Пилата, который выслеживает Иуду, выказывает какую-то изумительную пронырливость. Роль Иуды совершенно непонятна. Почему этот Иуда вдруг предает? Какое отношение этот хлыщ имеет к Христу? Если такой Иуда мог в какой-то мере быть приближенным Христа и считать себя не то что учеником, но его близким (а для того, чтобы его предать, он должен был быть его близким), то перед нами не Христос, а какой-то маленький человечек, которого охмурил какой-то бабник.

От начала до конца образ Христа совершенно изуродован. В собственном евангелии Булгакова Христос-Иешуа ему совершенно не удался. Удался Понтий, даже Иуда, жизнелюб и женолоб, который мог ради своего успеха какого-то бродягу заложить. Христос же отсутствует. Он какой-то манекенчик, кукла, с которой, конечно, разделаться легко.

И тогда мы вправе поставить вопрос: что же, в конце концов, торжествует, добро или зло? Согласно предложенному нам евангелию, зло — все, добро — ничто. Доброе начало поддерживается только какими-то юродивыми. Все держится на зле. И зло, само по себе, согласно Булгакову, взявшему эпиграф из «Фауста», — сила, которая хочет делать добро, а делает зло. Такая оценочка вполне на руку безбожнику; в ее струе он поклоняется

диаволу. «Нас много таких. Мы хотим сделать добро, а получается часто зло... от несовершенства мира...» Можно и другие объяснения придумать.

В целом дьявольская концепция. Видимо, годы страшного сталинского террора уничтожили Булгакова. Перед нами произведение совершенно сломленного человека. Понтий Пилат — это государство, сталинская держава, которая все знает, имеет КГБ, прекрасную армию, прекрасных тайных сотрудников. Эта сила и делает то, что нужно. И если какой-то юродивый попадетсся ей на глаза, его уничтожат. Понятно возникновение такой картины в сталинскую эпоху, когда Булгаков был под страшным давлением. В какой-то мере он сам Мастер. Он выносил свое антихристианское евангелие — дар, конечно, Сатане, дар этой дьявольской системе.

Если у Христа один-единственный последовательный ученик, который за ним ходит, записывает какую-то ерунду, то тем самым все Евангелие не то что ставится под знак вопроса, а просто зачеркивается. В начале романа говорится, что все евангельские события — ерунда, и дается схема, канва, по которой они действительно протекали. «Предал Мастер, и я это подтверждаю», — как бы говорит Булгаков. «Он явился и записал мои инспирации. И надо считать, что это действительно дьявольские инспирации».

Итак, Булгаков двоякую работу совершил: с одной стороны, нанес удар по Христу, по Евангелию, заклинив недостоверности и объявив ерундой все, что там написано; с другой стороны, он всячески возвеличил злую силу и, по сути дела, сделал реверанс Сталину и сталинизму. Иешуа поставлен на одну плоскость, на один уровень с разбойником. В чем же тогда божественность Иешуа? Так что я воспринимаю «Мастера» как гнилой, отравленный плод, возросший на ниве сталинизма.

Очень существенно, что Евангелие просто считается неверным: какие-то апокрифы, скопление какой-то ерунды. Булгаков нашел место, которого в Евангелии нет. Он говорит, что самый страшный порок — трусость. Из Евангелия, конечно, это логически следует. Но никогда Христос прямо об этом не говорит. Для Него существуют гораздо более сильные вещи — любовь, запо-

веди, как, например, «люби ближнего, люби Бога», все заповеди блаженства. Конечно, элемент смелости в них входит. Но он же не бог Митра, существовавший всего ничего, обратившийся к римским солдатам, чтобы победить их трусость. Христианство — религия мировая, всемирная. Евангелия нового не напишешь. Для этого надо быть Богом, а не трусливой фитюлькой. Булгаков трусил и дрожал, потому и заменил слово «евангелие» словом «трусость». В самом себе он порицал и клеймил трусость. И правильно клеймил. Но из этого не следует, что Евангелие было написано для трусов. Оно было написано для всех, в том числе, конечно, и для трусов.

Страшная вещь: Булгаков говорит, что трупы трех казненных, которые спрятал Матвей, были потом захвачены и в конце концов их закопали в одной яме, забросали камнями. Этим самым он говорит, что воскресения не было, что факт воскресения не существует. Если воскресения нет, то нет и христианства. По трусости ли Булгаков предстает злейшим врагом христианства? «Мастера» можно рассматривать как плод трусости, саморедактирования, самоцензуры: «Если эту вещь у меня найдут, то перед Иосифом Виссарионовичем я оправдаюсь. Видите, какой я хороший. Я все христианство зачеркнул, воскресение зачеркнул; евангельские истины не существуют. Нужна только гражданская истина, гражданская добродетель: не быть трусом; а все остальное — это государство. Государство ведет, мы его обслуживаем. Я как Мастер в данном случае сделал вклад: возвеличил государственные идеи и принизил христианство».

О БАЛЕТЕ В СВЯЗИ С «ФАУСТОМ» БЕЖАРА В ПАРИЖЕ

В молодости я взял на себя обязанность посмотреть с десяток балетов, но поклонником старого классического балета не стал. Кое-что удалось захватить и из нового балета; в то время он на меня произвел большее впечатление.

После возвращения из ссылки я видел, по-моему, в том же пятьдесят шестом году кинокартину «Ромео и Джульетта» — балет с Галиной Улановой, и был потрясен ею, сражен. Я открыл для себя балет, понял, что это действительно величайшее искусство. В руках гения или огромного таланта он может передать мельчайшие, тончайшие переживания и настроения. Я был совершенно пленен балетом; передо мной открылись какие-то новые горизонты. Мне кажется, что Уланова превзошла все, что может человек сделать в балете. К сожалению, в это время она ушла со сцены. Акт гордый, но зрителю жалко; по крайней мере еще несколько балетов заснять бы на пленку. Впрочем, может, я просто об этом не знаю.

Лет пятнадцать спустя я пробыл около двух месяцев в усадьбе одних милых людей в Бельгии. Я закончил «Осциллирующий мир». Хотелось скорее его издать. Исса решила перечесть с Мари-Жо свой перевод на французский «Осциллирующего мира» и поехала к ней в городок Антиб на Средиземном море. Этим летом времени у меня совершенно не было, но однажды, застав моих бельгийцев в гостиной у телевизора, я захватил кусок из нового американского балета: Ромео и Джульетта на американской почве¹²⁶.

Где-то в Гарлеме или в Бронксе враждовали две семьи, два двора: Монтекки и Капулетти. Это были скорее пуэрториканцы, а может, негры. Молодые ребята и молодые девушки в основном испанского типа танцевали американскую джазовую чечётку с африканскими ритмами. В двадцатые годы эту чечётку довольно здорово отплясывали наши морячки или ребята под морячков. Уже тогда я понял, что они видели, как ее чешут в портовых кабаках негры, и талантливо ее переняли. Во флоте эта чечётка получила большое признание, вошла в моду, и к ней кое-кто из нас приобщился. Целенаправленность американского фильма, великолепный современный ритм оставили неизгладимое впечатление. Но конечно, не сравнить с гением, тонкостью, переживаниями, глубиной Улановой. Довольно поверхностный аме-

---

¹²⁶ Имеется в виду кинокартина «Вестсайдская история».

риканский вариант — драки и под конец резня — был вполне на уровне молодых пуэртиориканцев и негров, отвечая их переживаниям. Однако фильм на всю жизнь врезался в мою бедную память.

В двадцатые и тридцатые годы были разные балетные труппы с новыми веяниями, но, как я уже сказал, балет тогда меня мало интересовал. По воле случая я приобщился к труппе балерины Инны Быстрениной, подруги моей мамы. Инна Владимировна была хорошей балериной еще до революции; у нас была куча ее фотографий, и всюду она очень изящна и плавна. Она — пластик. У Галины Улановой — движение, все тело живет, дышит. А Инна застынет в какой-то красивой позе: она — умирающий лебедь или Офелия перед смертью. У Галины — кинематика и динамика, у Инны — великолепная статика.

После революции Инна Быстренина решила создать свою студию под флагом «Долой крепостной балет!». К революции она никакого отношения не имела, но в двадцатые годы все надо было подавать революционно. Я тогда был еще мальчиком и не припомню, что у нее видел. В 1934 году в Доме ученых в Москве состоялось ее коронное выступление — быть может, вершина ее творчества. По-моему, ее труппа замечательна тем, что все ее участники были потомками тех крепостников, которые так здорово развили в России крепостной балет. Это были удивительно красивые девушки и прекрасные, рослые, голубоглазые, белокурые молодые люди. Они с любовью, со страстью относились к своему делу; всем им страшно нравился этот балет. Под прекрасный рояль исполнялись маленькие немые пьесы, каждая из которых носила революционное название, как, например, «Капиталист и работница». Правда, не было пьесок из внутренней жизни, скажем о колхознице и парторге. Хотя пьески касались капитализма и эксплуатации, они были такими милыми, так замечательно были сделаны, что вся политграмота оставалась лишь в их названии. Ребята на сцене выделяли неповторимое, и каждая пьеса кончалась замечательной пластической фигурой, в которой застывали ее участники. В общем, отход от крепостного балета в двадцатые годы шел уже вовсю. Видимо, не одна

была школа, а разные, и одну из них я имел счастье лицезреть и запечатлеть в памяти на всю жизнь.

Почему это действительно искусство? Потому что в каждом из трех упомянутых направлений балета есть стиль, идея, и в этом их общее. Если Уланова ходит на своих пальчиках, то ходит. Классический балет, американский балет (может быть, тоже классический, очень своеобразный, построенный на джазовых ритмах и чечётке), балет Инны Быстрениной, где выкинута вся балетная классика и взяты на вооружение гимнастика и пластика (фигуры, пирамиды — все очень пластично). В стиле этих трех балетов можно понять смысл передаваемых событий, если не в полном объеме, то в достаточном для их восприятия и осмысления. Уланова, как действующая густота, мадонну Рафаэля на тебя ниспосылает, снопы лучей, совершенно что-то сногшибательное. Соразмерно меньше действие американского балета и гораздо проще и уютнее у Инны Быстрениной. Но всюду наличествуют основные признаки искусства. Во-первых, каждый балет — действующая густота, которая тебя наполняет всякими переживаниями, чувствами, положениями, и из них складываются какие-то идеи и понимание. Причем это не конгломерат разных разностей, все выдержано в определенном направлении. Во-вторых, в каждом балете есть элементы красоты. Красотой наполнен балет «Ромео и Джульетта» Улановой; достаточно милой красоты у Быстрениной; своеобразная красота в американском балете местами трогает, местами, быть может, оставляет холодным.

Общее впечатление от балета Бежара: сборная селянка. Он впихнул в балет все: гимнастические фигуры, акробатику и элементы пластики, танцы и даже пляски, в какой-то мере и стриптиз с переодеванием и раздеванием. К обязательной музыке добавлено пение, речитатив из монологов и отрывочных фраз. Физические упражнения и телодвижения, на мой взгляд, достаточно безобразны. Критерия эстетичности не существует: танцоры как-то выворачиваются, расставляют ноги, показывают

зады. Совершенно этого не следовало бы делать. Во всяком случае, на меня это произвело отталкивающее впечатление. Казалось бы, такой набор средств обеспечивает для зрителя полное понимание того, что происходит на сцене. Как раз нет. Я очень внимательно следил за событиями. На первых порах еще можно было что-то понять: Фауст пишет свое знаменитое исправление Евангелия, и это даже воспроизводится на какой-то доске; сцена, где он подписывает или должен подписать свой контракт с Мефистофелем; кое-как еще можно себе вообразить встречу с Маргаритой (у Гуно: «Осмелюсь предложить, красавица, Вам руку. — Нет, нет, я недостойна рыцарской руки». Кусочек с рукой и у Бежара). Далее все покрывается мраком неразумия, и ничего совершенно нельзя понять. Нет ясно выраженного стиля; все намешано; стиль сборный. Нет разумности, несмотря на многообразие средств: что-то там творится, какая-то последовательность, но что делают — понять нельзя. Какие-то движущиеся, ломающиеся, кривляющиеся тела, и все. Разве можно это хоть отдаленно сравнить с тем, что представлено в классическом балете у Улановой? Немая картина, в сущности говоря, пантомима, но какая пантомима! У Бежара перебраны все средства, он не отказывается ни от чего, и в результате — нуль. Цели нет, смысла нет; с большим трудом можно что-то восстановить из фабулы «Фауста». Все это трюкачество — признак низкого уровня искусства — оставляет тебя совершенно холодным. Ты смотришь по какой-то обязанности.

Тем не менее я старался выискать хорошее. Я помнил французскую телевизионную пятиминутную передачу о балете Бежара, которая показалась мне довольно складной, интересной. Но, видимо, по телевизору было что-то лучшее. Тот кусок был выдержан в определенном стиле, но он утонул в «Фаусте», когда я его видел, а может, его заслонило кривлянье и ломанье. При всем желании я не смог найти того, что меня до какой-то степени пленило несколько месяцев тому назад. Я не уразумел смысла во всей второй части, но нелепости бросались в глаза. Мужик с волосатой грудью то сидел на троне, то где-то стоял в отдалении, немного покачивался, озирался. Передо мной была фигура нашего пар-

торга. Танцевать, видимо, он не умел, не обучен был, но иногда какие-то антраша делал. В скачках, появлениях, катаниях по полу он участия не принимал, и непонятно мне было, что он из себя представляет. Вдруг перед нами крылья. Что за черт! Откуда все это взялось? Какая-то фантазмагория, смесь действительно всех средств, а в результате — нулевое восприятие.

Если мне возразят, скажут, что очень аплодировали, — это не признак. На сто зрителей лишь у одного настоящий прибор, воспринимающий действительно искусство. Остальные хлопали бы и петрушке какому-нибудь. Мода. И скажут затем в таком духе: «Я был. Мне очень понравилось. Да, замечательно, ведущее искусство, новость». А я сказал бы так: это — смесь жанров вместо стиля, причем смесь насильственная, механическая, грубая, внутренне не оправданная. Если это балет, то зачем же там еще песни поют? Тогда назови это оперой. Если драматические фразы появились, тогда это театральное представление. При всем напряжении зрителя — не думаю, что я уж самый худший зритель, — понять почти ничего нельзя. Надо делать огромные усилия, а это не есть искусство. В искусстве люди не иероглифы расшифровывают. Искусство до некоторой степени должно быть связано с отдыхом. Усилие, может, и нужно проявить, но оно не должно быть сознательным. Душа — твой прибор восприятия искусства — работает, вибрирует, но твоя голова при этом вовсе не должна работать, как машина. Это — основной изъян. С трудом могу воспринять бежаровскую постановку как действующую густоту, которая возмущает, ставит какие-то непосильные загадки, вынуждает их расшифровывать. Если работает действующая густота, то должен работать и твой прибор искусства. А если прибор искусства молчит, а работает голова, то это как раз признак того, что действующая густота ложная и к искусству не имеет отношения. Если какой-нибудь человек начнет загадывать загадки, может очень остроумные, это, извините, не искусство, а нечто предназначенное для последней страницы журналов, где всякие головоломки и крестословицы.

В целом прихожу к такому выводу: если такая вещь еще и критикой высоко расценивается, то надо сказать

прямо, что это распад западного искусства, ибо с точки зрения искусства оправдать такую вещь невозможно. Ее можно оправдать только какими-нибудь марксистскими категориями или категориями иной идеологии.

* * *

Два слова о моей концепции искусства с точки зрения закона движения вещей

Если осел нарисовал своим хвостом какую-то мазню и человек воспринимает это как произведение искусства, то действующей густотой будет человек, его сознание, а густотой сопротивления — эта мазня. Человек бомбардирует ее со всех сторон, выскивает в ней что-то, усматривает там какие-то идеи, переживания и чувства, что-то в них находит. Это для него произведение искусства.

Но вот человек стоит оглоушенный перед Сикстинской мадонной Рафаэля. Поразительные лучи исходят на него. И религия, и красота, и мудрость, и неземные, невероятные переживания. Здесь человек — впитывающая губка, маленькая густота сопротивления, которая только старается привести в порядок увиденное, понять его, осмыслить, уложить в себе; действующая густота, конечно, — эта картина. Почему Достоевский три часа стоял у Мадонны Рафаэля?

Если произведение искусства могучее, действительно создано гением, то оно всегда будет действующей густотой, которая должна человека пленить, поразить, сразить. Все художники, пошедшие новыми путями и начавшие что-то выскивать в своей живописи, создают произведение искусства, если они тебя пленят своими мазками, палочками, бессмысленным нагромождением красок. Но если в этой системе красок, линий, предметов, железных кусков и тому подобного ты работаешь своим сознанием, то перевес на твоей стороне: ты стараешься преодолеть непонятое, что-то выскиваешь, хочешь не пройти мимо, не остаться равнодушным. Здесь действующей густотой будешь ты, а густотой сопротивления — нагромождение красок и предметов. И худо-

жник под сомнением: мастер он или подмастерье, который твоему сознанию приготовил только матрицу, из которой ты уже создаешь сам картину. Когда ты перед произведением великого мастера, ничего не нужно подрисовывать, ничего не нужно создавать за него. Раз твое сознание занимается подрисовкой и старается уразуметь, дофантазировать (что-то прибавить, что-то откинуть), ты уже художник, действующая густота. Водораздел в том, от кого идут потоки энергии: от тебя к картине или от картины к тебе. Отсюда произведение гения и произведение посредственности или человека, который, может, и талантлив, но не сумел на тебя новыми средствами воздействовать.

Наши милые искусствоведы Бродские были в Лувре и сказали: «Нам не понравилось. Очень плохо развешаны картины. Очень сильный резонанс. Это нам испортило впечатление». Я сказал им, что надо быть подготовленным к восприятию выставки, что является обязательным для искусствоведа.

Когда мы проезжали ночью мимо Консьержерии, я вспомнил строчки Цветаевой:

«Не узнаю в темноте,
Руки — свои иль чужие?
Мечется в страшной мечте
Черная Консьержерия»¹²⁷.

«Черная Консьержерия» и «мечется». Поэтическое восприятие целой эпохи, когда людей держали в Консьержерии, а потом казнили.

Для посещения Лувра неплохо было бы заранее прочесть несколько таких поэтических строк разных авторов, относящихся к Лувру или же к замку той же эпохи. Надо, чтобы человек шел в Лувр не с пустой головой, а чтобы поэзия зазвучала в нем и помогла ему быть в какой-то мере действующей густотой, чтобы сосредоточить свои силы, способности для хорошего восприятия искусства.

---

¹²⁷ М. Цветаева. Лебединый стан.

Католические храмы, которые мы видели в большом количестве во Франции, производят на меня угнетающее впечатление своей облупленностью. Православные церкви стараются украсить какими-то цветочками, а здесь на праздник принесут букет цветов к алтарю, но стены все обшарпанные, грязные, столетия, может быть, краска к ним не прикасалась. Икон нет, только четырнадцать картин крестного пути; скульптуры изгоняются, хоругвей нет. Получаются протестантские сараи, хотя внешне, по своему устройству, это католические храмы. Будто в протестантскую молельнюходишь.

Хорошее убранство равносильно хорошему стихотворению в душе, когда идут в Лувр. Чтобы зайти в церковь, не нужно стихотворения: ты идешь молиться. Но сама обстановка должна поэтически настроить твою душу, то есть сделать в ней ту же работу, которую сделает маленькая строфа.

Красота не есть удел искусства. Безобразие тоже может быть уделом искусства. Но уж место красоты — у подножия Господа Бога, в алтаре, в церкви.

ЛЁВЧИК¹²⁷

Еще в сорок восьмом, сорок девятом, пятидесятом я говорил Лёвчику: «Надо быть правдивым с самим собой. Ты хочешь быть хорошим для этого режима, но человек ты честный. Ты ломаешь и коверкаешь себя, чтоб натаскать на себя страшную, кровавую дерюгу. Кое-как ты, конечно, ее носишь, и носишь ее годами, но это не может не сказаться на тонких струнах твоей души, на том, что я называю прибором искусства». До последнего времени я думал, что при многолетних истязаниях этого прибора Лев давно довел его до уничтожения. Но, слава Богу, Лёвчик стал приходить к более-менее человеческим

---

¹²⁷ Лев Зиновьевич Копелев (1912 — 1997). Германист, с которым Д. Панин познакомился в Бутырской тюрьме и был на «шарашке». Прототип Рубина в романе Солженицына «В круге первом». Копелев эмигрировал в Германию и умер в Кёльне.

представлениям. А после смерти Сталина прямо метаморфоза с Лёвой произошла. Я, собственно, всегда был уверен, что для него это театр, что он достаточно умен, чтобы прекрасно, не хуже нас разбираться во всей этой кровавой омерзительной шайке. К тому же Лев был лучше нас подкован, образован в истории всяких партийных подпольных течений, которые мы с пятого на десятое знали. Он же знал их доподлинно, он их изучал. Мальчишкой, правда, он все-таки принадлежал к какой-то оппозиции. Во всяком случае, с его памятью, с его способностями он извлек очень много из этого своего опыта и рассказывал нам очень интересные вещи. То, что Лёва играл роль, было вне всякого сомнения. Но актер играет на сцене, а дома все-таки остается Иван Ивановичем. Самое страшное, что Лёва играл и на сцене, и в жизни — лохмотья сталиниста, лениниста, марксиста таскал и ночью и днем. Страшный груз, страшная ноша! И за этот театр Лев заплатил, как мне казалось, уничтожением своего прибора, который у него, безусловно, был. Мне было всегда ясно, что человек он художественно очень одаренный. Когда он хотел что-нибудь изобразить, рассказать, он преображался, у него и голос появлялся, и мимика, а память его воспроизводила всегда что-то интересное.

Уже его первая книжка была для меня радостным известием. Я понял, что его прибор не исчез, не пропал, хотя и сильно искажен. Он уже перестал окровавленные лохмотья на себе таскать, а потом сбросил и кожаную куртку комиссара. И вот он прислал мне свою книгу «И сотворил себе кумира». Это был для меня праздник. Он доказал, что прибор его, потеряв что-то от своей первоначальной свежести и силы, принял нужные очертания и того, что от него осталось, слава Богу, достаточно для очень хорошего писателя. Само название «И сотворил себе кумира» подтверждает мою точку зрения. Конечно, у Лёвы был кумир, искусственно созданный, которого он пестовал, с которым он не хотел расстаться. Он ему жертвы ежедневные приносил. Не сотвори себе кумира. Сотворил и почти что погиб как писатель. Потому что все, что делалось в эту эпоху, все, что предлагал Лёва, было на каком-то безнадежном, сером уровне.

Лёве — семьдесят лет. Мы присутствуем при рождении нового писателя. Многие писатели начинают с описания своей жизни, и иногда на этом у них все кончается. Я надеюсь, что хоть Лёва и начал по такой же наиболее легкой тропе идти, но он совершенно не осужден на биографическую передачу событий. Настоящий писатель не только пересказывает то, что он видел и пережил сам, а может в своем творческом воображении изобразить действующих лиц, их переживания, их борьбу, разговоры. Есть ли для этого достаточно данных у Льва? Вижу, что есть. Времени осталось мало. Рассчитывать на мерки, нормальные для молодого писателя, не приходится. Мне кажется, что Лёва сможет использовать свою колоссальную память и свой на девять десятых поправившийся прибор. Потому что у Льва интереснейшие факты. К примеру: самый, можно сказать, центральный хутор восемнадцать раз переходил из рук в руки во время гражданской войны; через его призму и призму его близких даны все переживания, и справился Лёва с этой задачей блестяще. Прадедушка, мама, которая меня очаровала, няня, водившая Лёву в церковь. Великолепное изображение поминок. Как мастерски даны люди, которые коллективизацию проводили.

Не знаю, Лёвчик, твоих дальнейших планов. Чувствую, что следовало бы тебе написать ряд новелл. Детство, отрочество и юность в виде ряда новелл — полноценных произведений искусства с законченными портретами персонажей. Скажем, новелла о нянюшке. Как получилось, что ее в ЧК забрали и расстреляли за все высказывания против большевизма. Бери разные события из твоей памяти — твоего художественного запаса. То, что поразило тебя еще в детстве, — сильное, интересное, и ткань будет добротная, художественная. Твой матрос не будет фальшивым [...]. В твоём морячке столько биографий чужих! Живой человек. Приклей ему начало — покажи, что он и другие с офицером сделали, — и конец этого же морячка в Одессе, когда его к стенке поставили. Образ негодяя, который коллективизацию проводил, священника несчастного выдал, — великолепен. В десять раз лучше Каратаева, который придумка. А ты с косоглазым негодяем на нарах если не лежал, то мог

лежать. Что тебе стоит присобачить ему подлое поведение во время первой мировой войны, как он офицеров истязал своих и как в тридцать седьмом ему пулю в затылок его же друзья пустили. Ты будешь описывать живого человека, язык и повадки которого ты знаешь. И создашь действительно заповеди детства, отрочества и юности. На твоём материале можно будет эпоху изучать.

Слава Богу, что ты от кумиров избавился, только жаль, что очень долго избавлялся. Я тебя похоронил еще на шарашке. Все, что исходило из-под твоего пера потом, было серо, без искорки. Это было тебе наказание за поведение человеческой природы, за то насилие, которое ты годами над ней производил. Тогда я называл тебя пустоцветом. Слава Богу, что ошибся. Судим по плодам. Не горюй. До конца дней своих будь самим собой.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О САНЖЕНОЖЕНСКОМ

Так ласково с лагерных времен я называл Солженицына. В моих «Записках» я вспоминаю только хорошее о нем и называю его другом. Но ведь говорится так: «Скажи, кто твои друзья, и я скажу, кто ты». Совершенно разумно. Я продолжаю с ним переписку, хоть не перестаю возмущаться его поведением на Западе. Почему? До последнего времени я не мог на это дать ясного, вразумительного ответа. Мое объяснение, что произошла смена силового поля, в котором он был, — верное. На большинство людей это поле действует. Но в Солженицыне произошло настолько коренное изменение, что я просто не узнаю этого человека. Дело уже не в силовом поле, изменилась субстанция человека.

Чтобы понять причины этого явления, надо вспомнить немножко прошлое. Я вставал на дыбы, когда Солженицын хотел из подполья выйти наружу. Я ему приводил целый ряд доводов. Потом я письменно изложил ему десять пунктов моих возражений. К сожалению, я их уничтожил при отъезде. Но несколько из них все-таки врезались в сознание, потому что жили вместе со

мой. Я ему написал примерно так: «Хозяин не потерпит садовника, который у него в саду сеет какие-то неприятные или даже ядовитые цветы и растения. Эти растения будут вытоптаны, а с садовником хозяин поступит в меру своего усмотрения — может, он его и уничтожит». Ведь действительно тогда было так, как я думал: в больницу бросят человека, в дурдом или в лагерь. Другой пункт был уже довольно близкий к тому, что я имею сейчас сказать: «Когда ты в подземелье, в подполье, то представляешь собой замаскированную батарею. Ты стреляешь тогда, когда хочешь, когда считаешь это удобным, чтоб нанести наибольший вред врагу и вместе с тем чтобы твоя батарея была не замечена врагом. Вот твое главное преимущество. Кроме того, если ты находишься в таком благоприятном положении, то являешься свободным творцом; никто на тебя не давит, самоцензура никакая не действует. Ты творишь действительно в условиях полной свободы. Бояться тебе нечего, меры все приняты. Ты хорошо спрятал свое достоинство; все разумно, все предусмотрено. И ты спокойно думаешь, работаешь, пишешь на всю железку. Это огромное твое преимущество. Но вот ты сам себя открываешь, ты пишешь об Иване Денисовиче. Вещь, вообще-то, с точки зрения цензуры очень сомнительная. Тобой начинают интересоваться, за тобой начинают следить, твои бумажки будут проверять, находить, контролировать. На примере Сахарова особенно ясно, что он получил за свое прямоту. И тут невольно обязательно начнет работать самоцензура, стремление подогнать свою работу под «Новый мир», чтобы ее опубликовали. Начнутся сознательные искажения, порча своей вещи. И порча прибора, который, я считаю, есть у каждого для восприятия искусства, а у художника еще и для воспроизведения искусства».

Скажу еще одну вещь, которую я все время годами вынашивал. Я сам не человек искусства, но оно меня живо интересовало. В условиях советской власти люди искусства — это какие-то проститутки. Если человек искусства идет в линию, то он — мразь и ничтожество. Если он что-то начинает выдавать хорошее или частично хорошее, то он уже против этого режима. Начинается

его борьба с ним; со стороны системы на него производится очень сильное давление. И вопрос стоит так: каково давление, каковы силы, которые на тебя брошены, каковы цели, которые ты сам перед собой поставил, соизмерил ли ты свои силы? Получается, что действующей густотой является банда, которая располагает всеми средствами давления. Густотой сопротивления являешься ты — маленький человечек. Скульптор Неизвестный, к примеру, ограничивал себя очень небольшим кругом возражений, поэтому в общем его терпели, даже заказывали ему правительственные скульптуры. Но как только он стал неудобен, неугоден своими произведениями, с ним расстались. Выперли его все равно из страны, хоть как врага не рассматривали.

Санженоженский не рассчитал своих сил. Он хотел быть не только великим писателем, но и великим политиком, и пророком, и моралистом, и обличителем этого режима, его неправды. Но при таком составе преступления, лучше сказать — при таком отношении к своей личности — Санженоженский сам накликал на себя беду, попал под давление, которое очень трудно выдержать. Проблема была в противостоянии одного человека, правда защищенного общественным мнением Запада, всей этой страшной лжи. Надо сказать, что внешне Солженицын выдержал. Но какой ценой! В одном из пунктов, правда довольно смутно, я говорил ему об этом. Сейчас я говорю гораздо более отчетливо, сейчас я уже пришел к окончательным выводам.

Тогда я говорил так: «Прибор искусства в человеке может не выдержать. Прибор хрупкий; в определенных хороших условиях работает, а дальше замолкает, искажается, и, собственно говоря, в человеке художник кончен, уничтожен». Мы наблюдаем это у многих советских писателей, которые, как Леонов¹²⁸, начинали как писатели, а кончили как дерьмо. Есть куча таких писателей. Лавренев хоть кое-что сумел сделать¹²⁹, Соболев оставил

---

¹²⁸ Разоблачительные ранние романы Леонова «Вор» и «Барсуки» сменились на склоне его жизни «Русским лесом», прославляющим советский патриотизм.

¹²⁹ Видимо, Д. Панин имеет в виду «Разлом» Б. Лавренева.

«Капитальный ремонт». Но тогда я не сделал необходимого вывода, который, собственно, является ключом для объяснения загадки Санженоженского: страшное давление, которое было на него со всех сторон оказано, не только исказило прибор искусства, но почти что его уничтожило. Почему я так считаю? Потому что все его вещи, заслуживающие внимания, написаны на уровне Гарина. Помните «Детство Темы», «Гимназисты», «Студенты»? И на таком уровне надо писать. Все вещи Солженицына, написанные на уровне Гарина и не хуже его, были написаны в подполье. Это «В круге первом», «Раковый корпус», самая лучшая его вещь «Дороженька», которую он не понял и сам уничтожил, маленькие рассказы, тот же самый «Иван Денисович». «Ивана Денисовича» исказили уже в журнале. Дальше пошло искажение и других вещей. Что же он написал, когда открылся? Да в сущности, ничего. Как художник он кончился. Даже в период советской власти, когда произошла смена Хрущева Брежневым, шла ломка его прибора. Потому что «Гулаг» — это хорошая, нужная вещь, собрание документов, свидетельских показаний, но собственно его мысли там нет. Мысли свои он соединял с мыслями, подсказанными ему, которые брал у умных людей, а не у дурачков. Так что «Гулаг» — это не произведение искусства, но хорошо скомпонованные свидетельские показания, в которых он кое-что, может быть, и вложил от себя. Во всяком случае, это его постановка, план, объяснения, система. Правда, когда имеешь такой материал, он сам подсказывает, как его организовать. Но не буду умалять Санженоженского. Он сработал здесь как компилятор, как сборщик сведений и как их оформитель.

«Август четырнадцатого». Это же никуда не годная вещь! Он объяснял свой подход к творчеству так: он — художник, который должен описывать то, что видит. Верно. Но какая большая разница с прежним Солженицыным. И даже в его концепции допущена грубая ошибка. Чувшь собачья, что из-за провала Самсонова сама Россия провалилась. Надо ж было такую глупость сказать! Наоборот, наступление Самсонова было необходимо. Иначе немцы разбили бы Францию, а потом на нас обрушились бы. Все у Санженоженского ненасто-

ящее; это не офицеры, не тогдашние солдаты, а ряженные советские красноармейцы. Это не идет. И дух не передан. Так что можно считать, что если «Август» не полный его провал, то наполовину.

А что он написал художественного за границей? Он считает, что «Ленин в Цюрихе» — художественное произведение. Но это его окончательный провал. В «Августе четырнадцатого» какие-то странички все-таки есть приличные, на уровне «Круга»¹³⁰. Здесь же просто не на чем остановиться. Какая-то серая, безмозглая вещь; идеи там не поймешь какие: разговаривают, не разговаривают. Что это за художник, что это за Prix Nobel¹³¹, у которого ничего не поймешь? Арманд не вылезала от Ленина, была его любовницей. Тени. Единственно хорошая строчка — это огненная спираль в голове Ленина: у него же страшные были головные боли. Какой-то женский голос спрашивает об огненной спирали. Хорошо здесь образ найден. Кое-что от прибора у Санженоженовского осталось, не целиком он разрушен.

Сейчас он — историк, и, слава Богу, неплохой. По той простой причине, что у него осталось в голове то, что ему вложили в нее Панин и другие люди, осталась их точка зрения на несчастный переворот в нашей стране, на его причины, правильная оценка февраля, октября, коммунистов, Ленина, Сталина. С этого он не сходит, и поэтому у него история будет вполне удовлетворительно изложена. Если он, конечно, не сделает какого-нибудь зигзага в сторону. Но это не заметно. Он уже выехал на полосу в лес, он уже идет по этой полосе.

Его художественное произведение «Узлы»¹³² я разделю бы на две части. Первая — исторические воспоминания о Николае II, об Александре III. Все это написано по мемуарам, и написано хорошо, со знанием дела. Солженицын — работяга, он изучает все, достает всякие сведения. В общем, это история для детей, для юношества, написанная Клавдией Лукашевич. В детстве я чи-

---

¹³⁰ «В круге первом».

¹³¹ Нобелевский лауреат (франц.).

¹³² «Красное колесо».

тал у нее про оборону Севастополя, про Суворова. Для детей это было очень хорошо. С исторической вещью Солженицына я начинаю еще только знакомиться. Есть удачные куски. Например, в «Октябре шестнадцатого» демонстрация против правительства. Несчастные городовые, у которых даже оружия огнестрельного нет, а только шашки, стараются ее прекратить, но их забрасывают камнями. Это, может, даже на уровне искусства. Какой-то кусочек его прибора еще работает, и, дай Бог, — я ему всяческого добра желаю — этот приборчик немножко подправился и даст возможность ему совершить не только переклад Истории на язык образов, но создать произведение искусства. Это мое пожелание. Я не настаиваю, что прибор разрушен окончательно; его частичка еще работает и может давать неплохие отдельные страницы.

Теперь подхожу к выводу о его личности, который я до сих пор не сделал. В десяти пунктах его нет. Повторяю, я к нему пришел только теперь. Итак, шло разрушение прибора. Все это давление, все невзгоды, преследования, обыски, вызовы мало того что исказили и почти уничтожили его прибор, но подействовали на его душевный склад. Прибор художника связан с его душевным складом. Ведь это не отдельный прибор, который где-то хранится в отдельном ящике. Нет, прибор этот очень тесно связан с мириадами трансфизических каналов в душе. И вообще, что такое этот прибор? Он — часть души, строй души, густоты сгущения особым образом души. У обычных людей эти густоты дают чувства, переживания, жалость, злость, месть; эти густоты работают. А у настоящего художника мало того что они работают, и во всяком случае хорошо работают, — они должны быть еще очень чувствительными; не дубиной же он будет. И кроме того, они должны в его сознание подавать какие-то сигналы, из которых складываются образы. Если они складываются оригинально, затрагивают людей, это будет уже искусство. Если мы говорим об искажении прибора искусства у человека, то тем самым говорим об искажении его души. Прибор нельзя уничтожить совсем. Что-то остается, слишком богатая вся система душа-мозг. Половина мозга вообще может не работать. У Ленина из мозга камень образовался, и непо-

нятно, как кровь туда проходила, и все-таки до своего конца он давал мысли по своей линии, пускай искаженные и страшные, на уровне всего предшествующего периода. Природа страшно экономна, но в данном случае, наоборот, дает огромные запасные возможности. Такие огромные запасные возможности есть и в душе. Если человек сознательно понимает это, обращается к Богу, по настоящему часами молится, то, возможно, он может исправить этот прибор. У Солженицына для исправления прибора может быть этот путь. Но это вовсе не путь холодного признания: «Я — православный». Такой путь ровным счетом ничего не дает.

Искажение прибора, происшедшее у Солженицына, равносильно страшному искажению его души. И я вижу теперь, что это не тот Саня с его недостатками, которые мы знали, — скупой, эгоист, ценивший особенно себя, — и которому мы всё прощали, извиняли, потому что считали: у него свои недостатки, у нас свои. Это было на уровне нашего братства, товарищества и не выходило за его пределы. Но вот когда прибор испорчен, душа приведена в смятение и хаотические каналы перерезаны, все у него приобрело грубые, жестокие, отвратительные черты. Уровень теперь его другой. Искажена его душа в результате давления системы, которое он не выдержал. Он оказался побежденным системой. И перестал быть Саней Солженицыным.

Мне теперь совершенно ясно, что Санженоженский не тот человек, который был нашим другом, которого мы любили, с которым те, что получали посылки, их делили. (Конечно, пайку никто из нас не делил.) Но он был далек от того, чтобы делиться своими посылками, Бог с ним, мы на это тоже не обращали внимания. Раз он писатель, это правильно, пускай он себя поддерживает. Мы ему создавали условия для его работы.

После шестьдесят второго года мы с ним виделись редко, я уже отдалился от него. Он не мог мне простить моего противостояния ему, потому что до последнего времени я действительно считал, что его прорыв в свет — это ошибка. Правда, одно время я убедился, что не так уж это плохо. В общем, пока мы были в Советском Союзе, больших его изменений не на чем было

проверить. Может, они тогда уже произошли, но проверить я их не мог, потому что, как уже говорил, виделся с ним очень редко, минуты считанные. Уловить тогда эти изменения я был не в состоянии. Когда он приехал на Запад, обстановка была другой и силовое поле было с него снято. Силовое поле заставляет людей действовать совместно, иметь какое-то чувство локтя, как говорится. Все это исчезло. Он теперь великий, он — Ргix Nobel, он — на Западе, у него свои задачи. И тут проявились все его отвратительные новые качества. Это был не тот человек, которого я любил, считал своим другом. Появился чудовищный человек в результате совершенно для него непосильного противостояния системе, которое внешне он вроде выдержал, а по сути дела, оказался совершенно сломленным. Поэтому свойства, которые у него проявились в отношении меня, проявятся и проявляются в отношении любого человека. Такова его природа, и, следовательно, он теперь новый человек. Искажение его личности объясняется также гулагом, в который он сам себя посадил в Америке. Как он мог это сделать? Как он мог окружить себя какими-то охранниками? Говорят, что какие-то донские казаки находятся у него в услужении. Зачем? Кто ему угрожает? И почему вдруг он против какой бы то ни было революции, против свержения режима? То есть занял явно изменническую линию. Как же так? Как это все объяснить? В физике мы объясняем малейшее отклонение прибора, если оно систематически повторяется. Поведение Солженицына более сложно объяснить, но объяснить его нужно, иначе мы в каких-то потемках живем, в каких-то миражах, фантомы какие-то нас окружают. Нет, это реальный мир. И этот реальный мир доступен наблюдениям, изучениям и правильным выводам. Чтоб прийти к этим выводам, мне пришлось все-таки, уже зная хорошо Санженоженского, и то через столько лет, просуммировать опыт десятилетий. И все сводится... (Обрыв записи.)

ТАКОЙ БЫЛ ПУТЬ ЕМУ НАЧЕРТАН

В книгу «Мысли о разном» вошла большая часть суждений и размышлений последних лет жизни Панина, оставшаяся на диктофонных кассетах в его архиве. Распечатала я кассеты уже после его смерти. Судя по нумерации, их было более 170. Однако сохранились лишь 34 из них, пятая часть, ибо во время ежедневной часовой прогулки Дмитрий Михайлович наговаривал на уже использованные кассеты, утратившие для него свою актуальность. Ряд записей представляют собой беседы Дмитрия Панина с Владимиром Чернявским, задумавшим книгу о нем. Увы, осталось лишь несколько глав этой книги, так как ее автор внезапно умер в 1979 году.

В первый том я включила в основном мысли о российских событиях, во второй — о Западе. В этом же томе — размышления на философско-религиозные темы.

Ряд отрывков из книги «Мысли о разном» были предварительно опубликованы в журналах и газетах, как-то: «Символ» (Париж, 1996, № 36), «Континент» (Париж — Москва, 1997, № 93), «Звезда» (Санкт-Петербург, 1997, № 11), «Независимая газета» (Москва, 1997, № 213).

* * *

Трудный путь, начертанный России в XX веке, определил и путь русского мыслителя Дмитрия Михайловича Панина.

Панин замыкает плеяду блестящих философов, изгнанных в эмиграцию после катастрофы 1917 года в России, хотя сам все эти годы жил в Советском Союзе. Только выйдя на пенсию, он решил в 1972 году уехать на Запад,

чтобы иметь возможность завершить свои философские и научные работы, начатые еще в студенческие годы. Их пронес он через шестнадцать лет неволи в Гулаге, затем работал над ними шестнадцать лет в Москве и последние шестнадцать эмиграционных лет во Франции, до своей смерти в Париже в 1987 году. Воистину «кругом шашнацать» — как он любил говорить.

Димитрий Панин родился 11 февраля 1911 года в Москве. Его отец был присяжным поверенным, а в первую мировую войну — армейским офицером. Предки со стороны отца были стрельцами. Мать Димитрия Панина принадлежала к старинному дворянскому роду Опряниных. Школу, техникум он окончил уже при советской власти. Ввиду дворянского происхождения ему как «лишенцу» (лишенному гражданских прав после 1917 года) нужен был для поступления в высшее учебное заведение трудовой стаж, и три года он был рабочим на цементном заводе под Подольском. «Заработав» стаж, он наконец поступил в Московский институт химического машиностроения (МИХМ), получил диплом инженера-механика, стал работать в этом качестве, имел свои изобретения, окончил аспирантуру того же института. В 1940 году перед защитой диссертации его арестовали по доносу человека, которого он считал своим другом и потому поверял ему свои мысли. Димитрия Панина осудили без суда: Особое Совещание приговорило его за антисоветскую агитацию (по статье 58-10) к пяти годам исправительно-трудовых лагерей. В Вятлаге сфабриковали фантастически неправдоподобное новое дело — подготовку вооруженного восстания в лагере военного времени — и добавили новый десятилетний срок. Затем его отправили на вечное поселение в Северный Казахстан. Лишь в 1956 году Панин вернулся в Москву, где работал до отъезда на Запад главным конструктором в научно-исследовательском институте «Стройдормаш».

Книги Димитрия Панина — «Лубянка — Экибастуз», «Мир-маятник», «Созидатели и разрушители», «Теория густот» — были опубликованы сначала на Западе, на французском, английском и русском языках, и уже после его смерти — в России, где изданы также «Механика на квантовом уровне» и его последняя рукопись, «Держава созидателей». Труды Д. Панина относятся к разным сферам науки и общественной мысли.

1. Философия, религия

Первые работы Д. Панина, студента и аспиранта, о густоте как первооснове Вселенной напечатаны в «Трудах» МИХМа за 1935 и 1938 годы. Лишь в 90-е годы исследования американского спутника Кобе подтвердили наличие густоты в текстуре Земли и тем самым правильность открытия Панина.

«Теория густот. Опыт христианской философии конца XX века» (1982) показывает на основании достигнутого уровня наук, что Вселенная с ее мирами, носителями жизни и человеком могла быть создана только Творцом. Единое начало — густота — объединяет четыре части Теории густот: Мир, Творец, Человек, Общество. Произвольное развитие от менее совершенного к более совершенному опровергается вторым началом термодинамики и законом движения вещей, открытым Паниным в 1950 году, согласно которому любое явление происходит вследствие разности густот. В каждую вещь физического мира, состоящую из его частиц, время и пространство входят как обязательные составные части. Физический мир конечен в пространстве и времени. Выход из любого нулевого состояния требует воздействия густоты, способной создать разности густот, определяющие новое развитие. В физическом мире нет густоты, способной обеспечить его саморазвитие. Во Вселенной есть творческая густота огромного уровня — Творец. Это Он создал по своему замыслу исходное сгущение, определившее миры, как физический, так и трансфизический, и их дальнейшее развитие. Душа наша принадлежит трансфизическому миру и соответственно состоит из его частиц. Густоты живой природы возникают только из густот живой природы. Следовательно, жизнь передавалась и передается наследственным путем. В физическом мире нет густоты, обладающей разумом, волей, знаниями, возможностями для свершения эволюции посредством творческих мутаций. Творческая эволюция под силу только Богу — первопричине всех вещей Вселенной. Образование планеты Земля, возникновение жизни, эволюция живых существ требовали предельного совершенства творческой Густоты. Для колоссального скачка от хаоса (начальной фазы Большого взрыва) к упорядочению из энергетического запаса Вселенной должно было перейти в физический мир огромное количество энергии при обеспечении ее управления. Для превра-

щения беспорядочных движений в упорядоченные, подчиняющиеся единому закону всемирного тяготения, должны были быть наложены векторизирующие потенциалы на Землю, способную в особых условиях стать колыбелью жизни. У истоков мироздания должен был быть Творец, подчинивший Вселенную своим законам. Физический мир следует рассматривать как лабораторию Творца. Пространства этого мира, находящиеся от Него на расстоянии сотен световых лет, в пустоте лежат непосредственно перед Ним. Физический мир был создан Творцом последним и дальше других миров от Божественных совершенства и гармонии. Этому сравнительно молодому миру предстоит еще видоизменяться.

Творец наделил человека свободной волей, но поставил перед ним дилемму: действовать согласно своей воле или подчиниться Божественным требованиям. Свобода может быть высокой и низкой, поскольку ее проявление зависит от желания человека и сделанного им выбора. Путь к высокой свободе проходит через длительное проявление полусвободы и требует преодоления большого сопротивления и самосовершенствования. Когда человек идет на компромисс желания и сознания должного, проявляя чрезмерную свободу, он совершает нарушения. Наши грехи представляют собой нарушение воли Бога. Лишая себя греховной свободы, человек через полусвободу постепенно достигает высшей свободы.

Глава «*Постулаты марксизма и законы природы*» в «Теории густот» представляют собой курс лекций, прочитанный Димитрием Паниным в Королевском университете города Кингстона в Канаде. Панин убедительно доказывает, что основополагающие постулаты марксизма о материи, сознании, пространстве и времени, происхождении жизни противоречат универсальным законам природы и, следовательно, ошибочны.

Теория густот опровергает основные постулаты атеизма: изобретение Бога и вечной морали человеком; вечное существование физического мира, в котором материя в непрерывном движении создает все вещи и явления природы.

Некоторые главы из рукописи «*Пустота безбожия*», рассматривающие постулаты ряда советских атеистов, тоже вошли в «Теорию густот».

На основе Теории густот Панин сделал ряд открытий в теории относительности и квантовой механике, которые приведены в *«Механике на квантовом уровне»* (1987).

2. Социология и экономика

Димитрий Панин был бескомпромиссный борец с произволом и насилием и много в связи с этим думал о судьбах России. В *«Созидателях и разрушителях»* (1983) Панин исследует причины катастрофы 1917 года в России и духовного оскудения Запада. В этой книге рассмотрены этические законы, представляющие собой законы созидания общества, которые наравне с законами природы управляют жизнью человека, а также глубинные законы жизни народов. У каждого созидателя есть зерно разрушительного начала, и он должен приложить все усилия для неустанный самосозидания души и сознания; заблудшую душу разрушителя может спасти покаяние и возврат к Богу. От выбора человека, от его свободной воли, зависит, действует ли он в направлении созидания или разрушения. Разрушители, как и созидатели, могут быть любой расы или национальности и принадлежать к любому классу или сословию. Подавляющее большинство людей — это неустойчивые. Задача созидателей — пополнить ими свои ряды, а для этого помочь им достигнуть своего уровня.

В *«Мире-маятнике»* (1977) Д. Панин уподобляет развитие человечества движению огромного маятника, приближающегося к конечной точке своего размаха. Замкнутая цивилизация должна была бы уже погибнуть. В состоянии упадка из недр только одного народа не может появиться нужное число людей доброй воли, рыцарей духа, которые не дадут остановиться миру-маятнику, несмотря на огромное сопротивление разных сил. Успехи науки и техники, мировые войны, возросшие международные связи, вмешательство сверхдержав в жизнь других стран, наличие оружия массового уничтожения и многие другие причины вынуждают народы развиваться совместно. Но политическое и экономическое положение в странах различно. Мир охвачен жадной преуспеяния в ущерб духовным запросам. Когда цивилизация достигает всеобщего изобилия, начинается духовная порча. Если люди доброй воли всех стран земного шара будут действовать согласно этическим законам, то в критической точке размаха маятника они смогут совершить

решающий перелом — преодолеть надвигающийся распад, несмотря на огромное сопротивление разных сил, и не дать остановиться миру-маятнику. Новая осцилляция маятника переведет человечество на более высокую ступень духовного развития. Основы Свободного мира следует совершенствовать, но не подвергать коренной ломке; тоталитарные режимы надо заменить правительствами из подлинных представителей народа; странам третьего мира — создать условия для полноправного развития соответственно с их национальными традициями.

В предлагаемом новом мироустройстве — Обществе Независимых — при всеобщем изобилии возрастут и духовные возможности. Общество Независимых разделено на секторы согласно наклонностям людей. Сектор энергии предназначен для индустриального производства. В этот сектор входят тяжелая, машиностроительная, обрабатывающая, военная промышленности и многие научно-исследовательские институты. В секторе жизни сохраняются мелкие предприятия; восстановлены ценные ремесла и кустарные промыслы. Разрушенная деревня постепенно будет возрождаться в русле хуторских, фермерских хозяйств. В секторе духа формируется душа под воздействием ряда факторов, главный из которых — мировоззрение людей. Отличительная особенность общества созидателей — этический контроль в нем, порученный жертвенной элите людей доброй воли и благородного духа. Их основные принципы: благородство души, быть бесстрашным согласно завету Спасителя, свобода через полусвободу, частная собственность незыблема. Лишь под воздействием благородного начала возможно исправление и усовершенствование мира. Экономическая основа общества созидателей — разделение на секторы и рынок-конкуренция под надзором Палаты регулирования и этического контроля.

В *«Политической экономии на энергетической основе»* (1973) Панин показывает, что для современного производства, широко использующего машины-орудия, работающие от природных источников энергии, положения Маркса неприменимы. Ручную, автоматизированную и умственную работу следует определять затратами энергии. Соответственно марксистское понятие прибавочной стоимости заменено понятием прибавочного труда; установлен источник оплаты экзистенциальных (бытовых) расходов работников; рассмот-

рены формы индустриальной и экзистенциальной эксплуатации человека человеком и обществом.

«*Держава созидателей*» (1993), которую Панин успел закончить перед своей смертью в 1987 году, посвящена проблеме сохранения христианской цивилизации. Благотворное развитие человечества зависит от ограничения деятельности разрушителей. Созидатель достигнет правового сознания, когда произойдет слияние правоты его поведения с правами, на которые он заслуженно претендует по закону. Право вне правоты открывает путь разрушителям для достижения их целей.

Димитрий Панин предвидел устранение коммунистического режима в СССР и в странах Восточной Европы и в главе «Как наладить жизнь в новой России» предложил ряд конкретных мер для ее переходного периода. Он считал, что миллионы искалеченных режимом людей нельзя просто спихнуть в систему либерального хозяйства, где маломощные предприниматели оказываются беззащитными и зачастую обречены на исчезновение.

Падших, обленившихся, возненавидевших труд людей общество должно прежде всего возродить. Частичные экономические реформы ни к чему не приведут. Частная собственность, рыночная экономика, фермерские хозяйства, негосударственные экономические структуры должны быть как можно скорее восстановлены. После стольких безумств и ошибок не следует повторять недостатки западной либеральной системы, которая оказалась в собственных тисках. Образование новой России должно покоиться на прочных основаниях, а для этого отвечать главным заветам Спасителя. Только возврат к духовным ценностям позволит оздоровить «большую душу народа» и установить этический контроль в обществе.

Ряд мыслей Панина, в частности о необходимости этического контроля и регулировании монополий в обществе, роли в нем духовного благородства, создании Совещательной Думы, возвращении к земствам, следовании свободе, требующей самоограничения, видимо, близки Солженицыну, поскольку он на них опирается в своей брошюре «Как нам обустроить Россию», вышедшей в 1990 году.

Особняком в духовном наследии Панина стоит книга «*Лубянка — Экибастуз*» (1990), вышедшая на Западе под названием «*Записки Солодина*» (1973). Это одно из честнейших свидетельств глубоко верующего христианина о ста-

линских лагерях. Для Панина «Бог есть любовь» (Первое Послание Иоанна, 4:16) и «на этом держится мир». Пафос этой книги, лишенной мстительных чувств, в торжестве силы духа и победе добра над злом в нечеловеческих тюремных условиях.

Рукописи Панина «О применении законов развития», «Пустота безбожия», «Преддверие», его публицистика и переписка с рядом видных представителей русской эмиграции и Запада еще не опубликованы.

Димитрий Панин считал, перефразируя Достоевского, что *любовь* спасет мир. На пути, начертанном ему Богом, он всегда боролся со злом во всех его проявлениях и верил в конечную победу добра.

Исса Панина

БИБЛИОГРАФИЯ ОСНОВНЫХ ТРУДОВ Д. ПАНИНА

На русском языке

Записки Сологдина. Франкфурт-на-Майне, «Посев», 1973.

Солженицын и действительность. Париж, 1975.

Вселенная глазами современного человека. Турне, 1976.

Мир-маятник. Тель-Авив, «Время и мы», 1977.

Горе не беда. Париж, «АДП» (Ассоциация друзей Панина), 1978.

Постулаты марксизма и законы природы. Париж, «АДП», 1978.

Общество Независимых. Париж, «АДП», 1979.

Механика на квантовом уровне. Париж, «АДП», 1979.

Теория густот. Париж, «АДП», 1981.

Созидатели и разрушители. Париж, «АДП», 1983.

Лубянка — Экибастуз (Лагерные записки). М., «Обновление», 1990; М., «Скифы», 1991.

В человеках благоволение (Философия, социология). М., «Обновление», 1991.

Теория густот (Опыт христианской философии конца XX века). М., «Мысль», 1993.

Механика на квантовом уровне. М., «Наука», 1993.

Держава созидателей. М., «Радуга», 1993.

На французском языке

Le monde oscillatoire. Monte-Carlo, «Regain», 1974.

Mémoires de Sologdine. Paris, «Flammarion», 1975.

Soljénitsyne et la réalité. Paris, «La Table ronde», 1976.

La mécanique à l'échelon des quanta. Paris, «ADP», 1979 et 1987.

Théorie des densités. Paris, «ADP», 1982; St. Vincent-sur-Jabron Présence, 1990.

Les bâtisseurs et les démolisseurs. Paris, «ADP», 1983.

Le Choix (revue trimestrielle avec un supplément en russe: «Выбор»). Paris, «ADP», 1976—1980, avec des articles de D. Panine.

На английском языке

The Notebooks of Sologdin. New York, «Harcourt Brace Yovanovich», 1976; London, «Hutchinson», 1976.

The Postulates of Marxism and the Laws of Nature. Kingston, 1977.

Mechanics at the Scale of Quanta. Paris, «ADP», 1989.

Готовятся к печати:

Избранное. М., «Воскресение».

Философия. М., «Мысль».

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абу Дауд — II 116
 Аверченко А. Т. — I 28
 Агурский М. С. — I 203—205;
 II 185
 Азеф Е. Ф. — I 9—12, 15, 16
 Аксаков К. С. — I 267
 Аксенов В. П. — I 90—93
 Алданов М. А. — I 17, 47
 Александр II — I 17, 84
 Александр III — I 204
 Алексеев М. В., ген. — I 29, 30, 44
 Алексей Михайлович, царь — I 54
 Альшуллер Луи — II 17, 113
 Амальрик А. — I 66—68
 Аман Бернар — II 12, 129
 Амин Дада Иди — II 38
 Амос — II 178
 Андреев Даниил — II 160, 184—186
 Андреев Леонид — II 160
 Андропов Ю. В. — I 202
 Арманд Инесса — II 204
 Ауэрбах Ш. — I 146
 Афиноген, патриарх — II 83
- Балмашев С. В. — I 11
 Бар Реймон — II 10
 Башилов Б. — I 36, 41, 64
 Бегин Менахем — II 135
 Бежар Морис — II 189, 192, 193
 Белинский В. Г. — I 51
 Бёльль Генрих — II 22
 Бердяев Н. А. — I 45, 68—71, 231,
 265, 267
 Берия Л. П. — I 81, 119, 180
 Беркли, сенатор — II 136
 Бише Марк — II 20
 Блок А. А. — I 161; II 160, 185, 186
 Блюм Леон — II 115
 Болдырев П. — I 263—265, 267, 268
 Борджиа Александр — I 137
 Брежнев Л. И. — I 202, 238; II 203
 Бровкин В. — I 7
 Бродский В. — II 148
 Бродские В. и Л. — II 196
 Бубер Мартин — II 165, 168, 177
 Буденный С. М. — I 75
 Буковский В. — I 150
 Булгаков М. А. — II 186—189
 Буль Джон — I 194
 Бунин И. А. — I 46, 47, 51
 Бухарин Н. И. — I 74, 83
 Быстренина И. В. — II 191, 192
- Вергилий — II 160, 185
- Вийон Франсуа — II 40—44
 Виндльсбанд Вильгельм — I 265
 Витте С. Ю. — I 17
 Владимов Г. Н. — I 103
 Власов А. А., ген. — I 37
 Войков П. Л. — I 19
 Ворошилов К. Е. — II 27
 Врангель П. Н., ген. — I 32, 45,
 47, 48; II 29
 Вронский Юзеф — II 173, 176, 177
 Вырубова А. А. — I 22—24
 Вышинский Стефан, кардинал —
 II 91
- Гапон Г. А., свящ. — I 11
 Гарбузов — I 151
 Гарин Н. — II 203
 Гегель Георг Вильгельм Ф. —
 I 116, 125, 126, 127, 129, 162, 167,
 172, 173, 195, 197, 231, 247, 248
 Гедель Курт — I 49, 50
 Геннадий (Эйкалович), игумен —
 II 159, 165, 173
 Герасимов, гсн. — I 16
 Гершуни В. — I 104
 Гёте Иоганн Вольфганг — I 264
 Гидони А. — I 268
 Гинзбург А. И. — I 104
 Гитлер Адольф — I 209; II 115, 163
 Глазов Ю. Я. — I 131
 Гоголь Н. В. — I 62, 63
 Голицына — I 58
 Голобородько Е. И. — I 119, 180
 Гольдштейн П. — II 168
 Горбачев М. С. — I 272, 273
 Горький А. М. — II 37
 Гуль Р. — I 9—11, 13, 14, 16, 31, 32
 Гумилев Н. С. — I 61
 Гуно Шарль — II 193
 Гуревич И. — I 72, 74, 76
 Гучков А. И. — I 19, 21
- Данте — II 185, 186
 Д'Антремон — II 119
 Дарвин Чарлз — I 173, 281
 Деникин А. И., ген. — I 29, 36, 45
 Де Сика Витторио — II 100
 Диоклетиан — I 217
 Добровольский Станислав, свящ.
 — I 131
 Долгоруков П. Д. — I 18
 Домбровский Ю. О. — I 81—86,
 88, 89, 90
 Достоевский Ф. М. — I 10, 14, 15,

51, 59, 60—63, 159, 214; II 73,
195, 215
Дурново П. Н. — II 28
Дюфи Рауль — II 123, 124

Ежов Н. И. — I 82, 180

Жаботинский Зеев — II 167
Жанен М., ген. — II 35
Жискар д'Эстен Валери — I 163; II
51, 111, 112, 113, 114, 120
Журне, кардинал — II 35

Зиновьев А. А. — I 183, 186—191,
193—203, 230, 233, 234, 282
Зиновьев Г. Е. — I 204; II 29
Зубатов С. В. — I 11

Иван Грозный — I 54, 58, 70, 71
Иван Калита — I 152
Иванов Вяч. И. — II 99
Иванов Д. В. — II 99
Иванов Н. И., ген. — I 18, 19
Ивашов-Мусатов — II 186
Извольский А. П. — I 20
Ильинский — I 80
Ильф И. — I 88; II 136, 141
Иоанн Безземельный — I 138
Иоанн XXIII, папа — II 49, 63, 84,
85, 88, 89, 90, 91, 96
Иоанн Павел I, папа — II 99
Иоанн Павел II, папа — II 100
Иосиф Волоцкий — I 70, 71

Кадлафи Муамар — II 39, 143
Казенбек — I 38
Каледин А. М., ген. — I 30
Каляев И. П. — I 13
Кант Иммануил — I 127, 129, 162,
166, 167, 197, 244, 246, 247
Каракозов Д. В. — I 84
Карлос Ильич Рамирес — II 116
Картер Джими — II 98, 132, 135,
141, 142, 143, 146
Касароли Агостино, кардинал —
II 90
Каузов С. — II 134
Керенский А. Ф. — I 12, 18
Кёстлер Артур — I 241; II 155, 156
Кишкин П. — I 104
Климов Г. — I 205
Ключников Ю. — I 204
Кобылин В. — I 44
Колчак А. В., адмирал — II 35
Конт Огюст — I 245, 257
Копелев Л. З. — II 197—199

Корнилов Л. Г., ген. — I 29, 30
Короленко В. Г. — II 37
Крачковский П. П. — I 80
Крутлов — I 111
Кузнецов Э. С. — I 96
Куприн А. И. — I 47
Кутепов А. П., ген. — I 47, 48;
II 30

Лавренев Б. А. — II 202
Ламенне Ф. Р. — II 84
Латр де Тассиньи Ж. М., маршал —
II 103, 104, 105
Лев XIII, папа — II 69, 74
Леви-Брюль Люсьен — I 243
Левитский С. А. — I 171
Ленин В. И. I 7, 8, 12, 36, 64, 74,
75, 77, 115, 150, 186, 187, 204,
215, 221, 284; II 27, 65, 86, 113,
137, 165, 204, 205
Леонардо да Винчи — I 169
Леонов Л. М. — II 202
Леонтьев К. Н. — I 68
Лермонтов М. Ю. — I 62
Леруа — II 103, 104, 105
Лесаж Ален Рене — II 10
Лефевр, епископ — II 94
Ллойд Джордж Д. — II 29, 34
Ломоносов М. В. — I 71
Лондон Джек — I 231
Лукашевич К. — II 204
Лысенко Т. Д. — I 65, 198
Львов Н. Н. — I 21
Людвиг XI — II 40, 41
Людвиг XV — II 50
Лютер Мартин — I 166, 253

Мазарини, кардинал — I 141
Макариос, архиепископ — I 141
Макартур Дуглас, ген. — II 107
Мак-Лин — II 156, 157
Максимум В. Е. — I 72, 148
Мандельштам О. Э. — I 103, 104,
181
Маннергейм К. Г., маршал — II 30
Мао Цзэдун — I 240; II 125
Маритен Жак — II 71, 87, 89, 90
Маркс Карл — I 8, 125, 129, 139,
156, 157, 158, 161, 173, 186, 187,
189, 197, 229, 230, 231, 232, 237,
244, 245, 246, 247, 248, 256;
II 65, 67, 213
Марченко А. — I 96
Марше Жорж — II 14, 17, 18, 50,
51, 109—115
Матфей, евангелист — II 68
Мацкевич Юзеф — I 33, 34, 150

- Маяковский В. В. — I 214
 Медведев Ж. — I 198
 Менделеев Д. И. — I 52
 Мендель Грегор — I 173, 248
 Менжинский В. Р. — I 84, 151
 Метель Клод — II 18
 Миллер Е. К., ген. — I 47
 Милуков П. Н. — I 19, 181
 Миндсенти Йозеф, кардинал —
 II 90
 Миттеран Франсуа — I 170; II 14,
 17, 51, 110
 Моисей, пророк — II 173
 Монтальдо Жан — II 112
 Мор Томас — I 264
- Неизвестный Э. — II 202
 Некрасов В. П. — I 146, 147; II 125
 Нерон — I 217, 218
 Нефедов Н. — I 32, 33, 34
 Николай I — I 19, 71
 Николай II — I 17, 18—25, 44,
 265; II 165, 204
 Николай Николаевич (Младший),
 вел. князь — I 20, 48
 Нил Сорский — I 70, 221
 Нилов В. — I 80
 Ньютон Исаак — I 196, 253; II 159
- Онассис Кристина — II 134
 Опрания Валериан — I 114
 Орехов В. В. — I 36, 40, 202; II
 24, 29, 31
 Осипова Н. Н. — I 120
- Павел, апостол — I 217, 218; II 70,
 92, 183
 Павел VI (Монтини), папа —
 II 63, 68, 69, 71, 73, 74, 75, 76,
 78, 80—83, 87, 90—100
 Павлов И. П. — I 260
 Панин М. И. — I 114
 Панина М. В. — I 114
 Патрашников А. — II 179, 180
 Пени Артур — II 131
 Петен А. Ф. — II 110
 Петр, апостол — II 70, 71, 72, 91, 92
 Петр I — I 19, 58, 71
 Петров Е. — I 88; II 136, 141
 Петров-Агатов А. — I 102, 103,
 104, 105, 106
 Пий V, папа — II 93
 Пий IX, папа — II 93
 Пий X, папа — II 84, 87
 Пий XI, папа — II 84
 Пий XII, папа — II 84, 89
- Пилсудский Юзеф — I 32
 Пильняк Б. А. — II 141
 Пиночет Угарте Аугусто, ген. —
 I 150; II 50, 118, 133
 Пирожкова В. А. — I 171
 Писарев Д. И. — I 41
 Планк Макс — I 196
 Платон — I 162
 Плевэ В. К. — I 11, 15
 Плющ Л. — II 125
 Покровский М. Н. — I 204
 Половцев Л. В. — I 29
 Попов — I 21
 Протопопов А. Д. — I 18
 Прудон Пьер Жозеф — II 44
 Пушкин А. С. — I 61—63, 94
- Распутин Г. Е. — I 21, 23, 24
 Рассел Бертран — I 144
 Ратцингер, кардинал — II 69
 Рафальский С. М. — I 78, 79
 Рафаэль — II 192, 195
 Рачинский Г. А. — I 64
 Рейган Рональд — II 142, 144, 146
 Рейли Сидней — I 16
 Рейхес Б. — II 167
 Рембрандт — I 97
 Ришелье кардинал — I 141
 Робеспьер Максимилиен — I 222
 Рокфеллер Давид — II 146
 Руфайзен Даниил, свящ. — II 168
- Савин И. [Саволайнсн] — I 46
 Савинков Б. В. — I 10, 12, 13
 Садат Анвар — II 135
 Салазар Антониу — II 118
 Салан, ген. — II 104
 Самсонов А. В., ген. — II 203
 Сахаров А. Д. — I 65, 220, 261; II
 201
 Свифт Джонатан — I 199
 Сервантес Мигель — II 186
 Сергей Александрович, вел. князь
 — I 11, 13
 Синявский А. Д. — I 59, 93—104, 107
 Сипягин Д. С. — I 11
 Скоблин, ген. — I 48
 Слипый Йосып, кардинал — II 91,
 101, 102
 Снеллинг Ларри — II 136
 Соболев Л. С. — II 202
 Созонов Е. С. — I 11, 14
 Солженицын А. И. — I 17, 22, 23,
 65, 66, 104, 108, 111, 117, 147,
 148, 165, 202, 206, 212, 213, 216,
 219, 220, 224, 225, 226, 227;

II 30, 31, 32, 33, 34, 82, 97, 197,
200, 202, 204—207
Соловьев В. С. — I 64; II 178, 179,
180—182
Соломон, царь — II 162
Солоневич Б. — I 80
Спергель Д. — I 160
Сталин И. В. — I 67, 75, 82, 83,
100, 102, 115, 119, 164, 183, 184,
186, 187, 188, 204, 205, 209, 212,
215, 232, 238, 240, 261; II 24, 25,
28, 116, 185, 188, 198, 204
Столыпин П. А. — I 11, 18
Струве Г. П. — I 181
Струве П. Б. — I 181
Суворов А. В., генералиссимус —
I 76; II 205

Тейяр де Шарден Пьер — I 249
Терновский Е. — I 202
Тихомиров Л. — I 80
Ткачев П. Н. — I 7, 8, 187
Толстой А. Н. — I 204
Толстой Л. Н. — I 51, 63
Торквемата Томас — II 185
Троцкий Л. Д. — I 204
Турчин В. — I 228—230, 232—243,
245—262
Тьюрок Н. — I 160
Тэффи Н. А. — I 25—28
Тютчев Ф. И. — I 61

Уланова Г. С. — II 190, 191, 192,
193
Ульянов Н. — I 17, 19—21
Успенский Г. И. — I 63
Устрялов Н. — I 204

Фабр Робер — II 113
Федоров Леонид, экзарх — II 102
Федоров Н. Ф. — I 63, 68
Флоренский Павел, свящ. — I 63
Фома Аквинский — II 87
Франк С. Л. — I 45
Франко Франсиско — I 47, 48;
II 118

Хабалов С. С. — I 18
Хейг Александр — II 146
Хемингуэй Эрнест — I 153

Хлопова Н. М. — I 231
Хрущев Н. С. — I 100, 207; II 110,
203
Хусейн король — II 38

Цветаева М. И. — I 28, 46, 181;
II 196

Чапаев В. И. — I 189; II 27
Чаплин Чарли — II 148, 149
Чемберлен Остин — II 29
Черкасова А. И. — I 123
Чернов В. М. — I 9
Чернышевский Н. Г. — I 69
Чернявский В. Н. — I 100, 107,
115, 122—125, 127—131, 135, 136,
138—142, 145—148, 150, 151, 153,
154, 160, 162—164, 166, 167, 273,
274; II 50, 184—186, 208
Черчилль Уинстон — II 34
Чехов А. П. — I 51
Чижевский А. Л. — I 17

Шаламов В. Т. — I 92
Шафаревич И. Р. — I 239, 240
Швейцер Альберт — I 162
Шейнин Л. Р. — I 85
Шиманов Г. — I 206—228
Шляпников А. Г. — I 186
Шоню Пьер — I 162
Штейнберг М. — I 57, 58
Шульгин В. В. — I 23

Щапов А. П. — I 71

Эйнштейн Альберт — I 196
Элленштейн Жан — II 17, 113
Энгельс Фридрих — I 162, 197, 244

Ягода Г. Г. — I 84
Янов А. — I 206, 223, 224

Bourrasset — I 9
D'Entremont — II 119
Janvier — I 9
Mame Alfred — I 9
Montaldo J. — II 112
Soljénitsyne A. — II 216
Sprigel D. — I 160
Turok N. — I 160

СОДЕРЖАНИЕ

Том второй

IV

- Реальность этического контроля 5
Благородство духа и жертвенная элита 7
Мир-маятник и люди доброй воли 8
Институт экспертов. Дума 15
Лекция в Бретани. Рыночные отношения в мире идей 18
План революции в умах и язык вещей 24
Изъяны западной демократии.
Необходимость нравственных норм 30
Роль благородного начала
для государственного устройства 35
Цена подлости 37
В замках Луары. Франсуа Вийон 40

V

- Фильм «Сумасшедшая девственница» 45
Спор о Боге в Рондоне. Салонный плюрализм 48
Садовник из Рондона 51
Эмблема западного мира 54
Плоды просвещения 55
«Церковь для бедных» 62
Две энциклики Папы Павла VI 74
О традиции и новшествах в католической Церкви 83
Фильм о русском Папе Римском 100

VI

- Разгром французов в Дьенбьенфу 103
Запад — кладбище идей 106
Марше на французском телевидении 109
Демократический и королевский способ управления 117
Приезд графа д'Антремона 119
О западных кредитах 122
Картины Дюфи 123
В Канаде. Кингстонская тюрьма 124
В Нью-Йорке 127
Деградация Америки 131
Свобода и демократия 139
Снова в Америке 140
Маленький человек Чарли Чаплина 148

VII

- Бог всеблаг 150
А. Кестлер. «Человек — ошибка эволюции» 155
К диалогу об антисемитизме
отца игумена Геннадия (Эйкаловича) 159
О формировании души 183
«Роза мира» Даниила Андреева 184
«Мастер и Маргарита» Булгакова 186
О балете в связи с «Фаустом» Бежара в Париже 189
Искусство и закон движения вещей 195
Лёвчик 197
Несколько слов о Санженоженском 200

И. Панина. Такой был путь ему начертан 208
Библиография основных трудов Д. Панина 216
Именной указатель 218

Список фотографий:

На первой стороне обложки:
Димитрий Панин. Севр, 1975 г.

На последней стороне обложки:

1. Панины на аудиенции у папы Павла VI в присутствии отца Пьера Дюпре. Февраль 1972 г.
2. Панины в Венеции на пл. Св. Марка. Май 1987 г.
3. Могила Димитрия Панина во Франции на русском кладбище Сен-Женевьев-де-Буа.

ИБ № 6928

Редактор *Т. Горбачева*. Художник *Т. Иващенко*. Художественный редактор *К. Баласанова*. Технический редактор *Е. Мишина*. Корректор *Е. Рудницкая*. Подписано в печать 29.05.98. Формат 84x108/32. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,76. Уч.-изд. л. 10,92. Тираж 3000 экз. Заказ 1496. Изд. № 8653. Лицензия ЛР № 020846 от 23 декабря 1993 г. ОАО Издательство «Радуга». 121839, Москва, пер. Сивцев Вражек, 43. При участии МП «Лерокс». Лицензия № 178 от 21.01.98. 220113, Минск, ул. Восточная, 64-182. Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика в типографии издательства «Белорусский Дом печати». Беларусь. 220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

ISBN 5-05-004623-8

9 785050 046239